Breathe You

Not even death
can tear us apart.

INTERNATIONAL & AMAZON BEST-SELLING AUTHORS

C. R. JANE & IVY FOX

Annotation

Валентина Росси.

Она была нашей первой и единственной любовью… нашим гребаным всем.

Она также была той, кто разлучил нас и превратил наши сердца в кашу. После всех этих лет мы трое все еще отчаянно пытаемся исправить тот беспорядок, который она с нами сотворила. Даже если это означает притворяться, что она была всего лишь детским воспоминанием, загнанным в рамки нашего разума, просто чтобы мы могли выжить без нее.

Но теперь она вернулась.

Требует, чтобы мы отдали ей то, что она украла у нас с самого начала… сами наши души. Но за ее заманчивым предложением скрывается отчаяние. Мы все это чувствуем. Мы даже можем ощутить горькую меланхолию с каждым украденным у нее поцелуем.

Валентина вырвала наши сердца, когда мы были еще слишком тупыми, чтобы соображать лучше. Теперь я боюсь, что если мы снова уступим ей, то не будет защиты от разбитого сердца, которое ждет всех нас.

В конечном итоге она убьет то, что от нас осталось, каждым своим последним вздохом.

И я не уверен, что кто-то из нас сможет это остановить.

Перевод осуществлён TG каналом themeofbooks - t.me/themeofbooks
Переводчик_Sinelnikova

“Там, где есть любовь, есть и жизнь”.
Махатма Ганди

САУНДТРЕК

Breathe Me

Hands Down *Dashboard Confessional*

Cut *Plumb*
Distance *Christina Perri*
The Wreck Of Our Hearts *Sleeping Wolf*
Past Life *Trevor Daniel feat. Selena Gomez*
A Thousand Years *Christina Perri*
Flaws *Bastille*
Already Gone *Sleeping At Last*
Sparks *Coldplay*
Cardigan *Taylor Swift*
No Sound but The Wind *Editors*
Mine *Beyonce feat. Drake*
The Wolves (Act I and II) *Bon Ivar*
Slow Life *Grizzly Bear feat. Victoria Legrand*
Come To Me *Goo Goo Dolls*

ПРОЛОГ
СЕЙЧАС
КАРТЕР

Я отдаю продавцу десять евро, и он возвращает мне столь необходимый мне никотин и сдачу. Как только у меня в руке оказываются сигареты, я покидаю переполненное заведение и выхожу на улицу, чтобы закурить. Я прислоняюсь к стене и проклинаю про себя, что нахожусь в прямой видимости входа в отель. Мне следовало пойти куда-нибудь еще, но в ту минуту, когда я покинул наш гостиничный номер, единственное, о чем я думал, было то, как сильно мне нужно было отравить свою душу другим видом яда, а не тем, которым Валентина так настойчиво пытается меня уничтожить.

После одного вдоха никотинового блаженства я чувствую, как мое тело расслабляется. Я делаю третью затяжку, когда мой взгляд останавливается на внушительной фигуре Куэйда, выходящего из отеля, выглядящего таким же побежденным, как и я. Я слежу за ним, когда он останавливается на полушаге и разворачивается, чтобы направиться обратно в отель. Он на полпути вверх по лестнице, когда снова останавливается и выдерживает минуту, прежде чем вернуться на улицу, раздраженно дергая себя за волосы.

Валентина Росси.

Вот что она с нами делает.

Заставляет нас чувствовать себя королями среди мужчин, а в следующую минуту сминает наши короны своими изящными руками. Я знал, что рано или поздно она окажется в постели либо Куэйда, либо Логана. С первой минуты, как они увидели ее в Париже, они были повсюду вокруг нее. Чего я не понимаю так это, как они могли так легко игнорировать то, что она сделала с нами все эти годы назад? Хотя я наверно понимаю бедняг, которые хотели быть ближе к ней любым возможным способом. Даже когда мы были всего лишь

маленькими засранцами препубертатного возраста, она всегда была магнитом, который притягивал нас, маяком, который призывал нас своим светом, как песня сирены. У нас не было ни единого шанса тогда, и я боюсь, что у нас мало шансов сейчас.

Я изо всех сил старался быть осторожным. Я старался не впадать в иллюзию, что мы все можем начать все с чистого листа, как будто она никогда не была инструментом, который разорвал наши души в клочья. К сожалению, с каждым днем я чувствовал, что колеблюсь, желая быть рядом с ней. Прикоснуться к ней. Поцеловать ее. Потребовалась вся моя сдержанность, чтобы не сдаться. Но вид ее обнаженной в постели, обвившей Логана со всех сторон, как двух любовников, которых с самого начала не следовало разлучать, разбил мое сердце пополам, напомнив мне о том, как оно было уже разбито изначально.

Это должен был быть я.

Нет. Это ложь.

Это должны были быть мы.

Я сжимаю окурок сигареты, раковые пары больше не успокаивают меня, когда я смотрю, как один из моих лучших друзей борется с той же болью, что и я. Куэйд уже трижды поднимался по ступенькам отеля только для того, чтобы снова спуститься по ним. Когда он, наконец, набирается смелости уйти с улицы навсегда, не оглядываясь назад, я знаю, в глубине души он жалеет, что не принял другого решения.

Валентина Росси.

Заставляющая нас снова чувствовать себя глупыми влюбленными подростками, неспособными здраво мыслить, не говоря уже о том, чтобы сделать правильный выбор, чтобы выбраться из этой передряги. Мне не нужно разговаривать ни с Куэйдом, ни с Логаном, чтобы знать, что их чувства похожи на мои собственные. Мы все необузданные, отчаявшиеся и злые.

Я блядь так чертовски зол.

Именно поэтому она отправила нам эти письма?

Чтобы вернуть нас всех на свою орбиту, просто чтобы еще раз разбить наши сердца, ведь первый раз был таким чертовски потрясающим? О чем, черт возьми, она думает?

Если Логан был тем, кого она хотела с самого начала, то зачем устраивать весь этот фарс, приглашая нас с Куэйдом присоединиться к ее европейскому приключению? В этом нет никакого гребаного смысла, если только она не выросла холодной озлобленной женщиной, которая получает радость только от того, что видит страдания других.

Неужели?

Неужели жизнь украла девушку, которую я люблю, и заменила ее бессердечной сукой?

— Нет. Это не моя Валентина. У нее всегда было сердце ее отца. Чистое, доброе, — кричит мое сердце, но я так зол, что не хочу ни слышать его бесполезную логику, ни верить в его наивные желания. — К черту это! — Ворчу себе под нос и бросаю сигарету на землю, раздавливая ее каблуком ботинка.

Если мне нужны ответы, есть только один человек, который может мне их дать.

Я бегу на другую сторону улицы, такси сигналит мне за то, что я не был осторожен при переходе дороги ко входу в отель. Я показываю ему оба средних пальца и продолжаю свой быстрый темп. Валентина совсем одна в номере, поэтому это прекрасная возможность потребовать от нее объяснений раз и навсегда. Я завязал с ее играми. Она должна сказать мне, о чем, черт возьми, она думала, призывая нас на свою сторону после десяти лет работы над разлукой. Если это было для того, чтобы поиграть с нашими сердцами, то она никогда

больше не увидит меня, и я сделаю своей миссией убедиться, что Куэйд и Логан тоже держатся от нее подальше.

Единственным положительным моментом во всей этой неразберихе было то, что я наконец-то увидел своих друзей после стольких лет. Возможно, я вел себя как полный мудак, когда они были рядом, но это было только для того, чтобы поддерживать свой защитный барьер. Я скучал по ним так же сильно, как скучал по Валентине.

Насколько это хреново?

Они были моей семьей всегда, но без них я забыл, каково это иметь семью вообще, и теперь, когда они вернулись в мою жизнь, я отправлюсь на край Света, чтобы сохранить их. Это то, что я должен был сделать, когда мне было восемнадцать вместо того, чтобы отталкивать их, но тогда я зализывал раны, которые Валентина нанесла нам, обвиняя их в том, что она отвернулась от нас. Я проделал дерьмовую работу, не став тем другом, в котором они нуждались, но, черт возьми, я сделаю это во второй раз. Я защищу их, даже если они готовы пойти в логово гадюки, только чтобы женщина, которую они любят, проглотила их целиком. Они не видят опасности, но после сегодняшнего утреннего зрелища, я думаю, они наконец-то поняли, что эта поездка ничего не даст, кроме как покончить с нами раз и навсегда.

Я не могу этого допустить.

С новой решимостью в теле я нажимаю кнопку лифта, который доставит меня обратно на место преступления. Мой гнев становится сильнее с каждым пролетающим этажом, и когда двери лифта наконец открываются, я чувствую себя человеком, вышедшим на тропу войны. Я иду, кипя от злости, к нашей двери, провожу ключ-картой от номера и врываюсь внутрь, мои ядовитые слова готовы прозвучать, но, когда я переступаю порог комнаты, где находится Валентина, из меня тут же вылетает яростный порыв звукового ветра.

Валентина сидит на полу, обнаженная, как в день своего рождения, голова опущена, она сосредоточена на осколке стекла в своей руке, ее запястье зовет к жертвоприношению. Мои колени опускаются рядом с ней, мои дрожащие руки осторожно отрывают от нее запрещенную вещь, но она даже не замечает моего присутствия.

— Детка, что ты делаешь? — Мой голос хриплый и полный паники при виде того, что передо мной.

Она не смотрит на меня, а просто смотрит на свою пустую руку, как будто все еще видит осколок стекла в своей руке. Я тщательно осматриваю ее тело, чтобы увидеть, не ранена ли она, ее ободранные колени и окровавленные руки говорят мне, что все ее порезы поверхностные.

Слава гребаному богу.

Я осторожно приподнимаю ее подбородок костяшками пальцев, и мое сердце замирает, когда я вижу, что ее великолепные карие глаза с золотистым оттенком остекленели. Такие рассеянные и пустые, я не уверен, что она даже знает, что я с ней в этой комнате.

— Детка, тебе больно, — говорю я, мой голос нехарактерно дрожит в конце.

И снова от нее нет никакой реакции. Это почти так, как если бы ее душа покинула тело, и все, что осталось, это пустая оболочка.

— Валентина... — Снова шепчу я, мои глаза покалывает от отчаяния.

Когда она ничего не говорит, но продолжает смотреть на свои пустые руки, мой желудок скручивается, как будто меня сейчас вырвет.

— Ты ранена, детка. Мне нужно отвезти тебя в больницу.

Конечно, ее рваных ран недостаточно, чтобы требовать поездки в отделение неотложной помощи, но я не поэтому хочу, чтобы ее осмотрел врач. Валентины… моей Валентины, больше нет здесь, со мной, и мне нужно знать, как я могу вернуть ее.

— Н…никаких больниц, — заикается она, ее тело начинает дрожать.

Я испытываю облегчение от того, что к ней возвращается жизнь, но мое нутро все еще настаивает, чтобы я отвез ее к врачу. Я собираюсь возразить, когда ее руки вцепляются в мои, и ее глаза начинают проясняться после тяжелого тумана, в котором они находились.

— Никаких больниц, — повторяет она, и на этот раз ее слова звучат четче, более настойчиво.

— Никаких больниц, — вторю я, хотя каждая клеточка моего существа умоляет меня не сдаваться.

Мое израненное сердце не сравнится с болью Валентины.

Я осторожно поднимаю ее с пола и направляюсь в ванную, чтобы хотя бы промыть ее раны. Она прижимается головой к изгибу моей шеи, и я понимаю, какая она легкая, как перышко. У девочки, с которой я вырос, были изгибы во всех нужных местах, но женщина в моих объятиях не обладает таким же здоровым сиянием или телом. Я сажаю ее рядом с ванной, и она дрожит в тот момент, когда мое тело больше не успокаивает ее своим теплом. Я сухо сглатываю, впитывая каждый дюйм моей любви. Ее ребра слишком заметны, чтобы я мог их игнорировать. Темные тени под ее глазами и впалые щеки также бросаются мне в глаза сейчас.

Как я мог пропустить эти изменения?

Просто.

Пока я защищал последнюю частичку своей души от ее хватки, я не видел того, что было прямо передо мной, очень хрупкую женщину, цепляющуюся за тонкие нити здравомыслия. Я отгоняю эту ужасную мысль и повсюду ищу аптечку первой помощи. К счастью, я нахожу ее под раковиной и с деликатной осторожностью пытаюсь промыть ее раны. Однако это бессмысленное усилие, когда она продолжает так сильно дрожать.

Так не пойдет.

Я поднимаюсь с пола и наполняю большую ванну, убедившись, что вода достаточно теплая, чтобы согреть ее замерзшие кости. Убедившись, что ванна достаточно полна, я беру свою любовь на руки и осторожно помещаю ее внутрь. С ее губ срывается тихое шипение, когда ее холодное тело соприкасается с теплой водой. Когда она ложится на спину и закрывает глаза, я чувствую себя более беспомощным, чем когда-либо. Это почти так, как если бы я был свидетелем реальной версии Офелии из Гамлета, которая встречает свой безвременный конец в своей водяной могиле. Изображение выжжено в моем мозгу таким образом, что моя собственная рука дрожит, когда я начинаю промывать ее раны.

— Зачем ты заботишься обо мне? — Шепчет она, слезы текут по ее лицу. — Ты ушел.

— Я вернулся, — отвечаю я, изо всех сил стараясь говорить как можно более нейтрально, чтобы она не услышала паники в моем голосе.

— Почему? — Спрашивает она, ее веки медленно открываются, заставляя меня осознать, каких напряженных усилий это для нее стоит.

— Это не имеет значения. Сейчас я здесь.

Она отворачивает от меня голову, чтобы уставиться на стену, облачная дымка снова начинает окутывать ее.

— Валентина! Посмотри на меня, детка, — приказываю я, притягивая ее подбородок к

себе.

Она выглядит такой чертовски уставшей. Изможденной.

— Я собираюсь привести тебя в порядок, а потом отнесу в постель, хорошо?

— Хорошо. — Она кивает, но слово звучит так же неуверенно, как она выглядит.

Что же с тобой происходит, детка?

Этот тревожный вопрос застрял у меня в горле, душа меня сомнениями и страхом. Мои тревожные вопросы остаются внутри, когда я беру мочалку и протираю ее кожу, проявляя особую осторожность к ее ранам. Она время от времени вздрагивает, когда я провожу по ним салфеткой, но, по крайней мере, она больше не дрожит. Я мою ее волосы нежно, методично, делая все, что в моих силах, чтобы не требовать ответов. Как только ее плечи расслабляются, а поникший взгляд усиливается, меня сильно поражает дежавю. Воспоминание, наполненное похожей болью, отразилось на ее лице, сказав мне, что ей нужно лечь и отдохнуть, и забыть об окружающем мире. Я вытаскиваю ее из ванны, вытираю полотенцем так тщательно, как только могу, а затем беру один из бесплатных гостиничных халатов, чтобы ей было тепло. Он выглядит смехотворно большим на ее миниатюрной фигуре, и я в очередной раз шокирован тем, насколько слепым я был последние несколько дней, чтобы не видеть, что моя девочка страдает.

Я беру ее на руки и кладу Валентину на кровать, ее тело мгновенно растворяется в ней, подтверждая, что это именно то, что ей было нужно. Я ложусь позади нее и заключаю ее в свои объятия, и она наклоняется ко мне, вздох слетает с ее губ.

— Позволь мне вызвать врача, — умоляю я еще раз, но она только качает головой.

— Никаких врачей.

Я в отчаянии прикусываю внутреннюю сторону щеки, но не настаиваю. Во всяком случае, пока. Когда ей станет лучше, я снова подойду к этой теме. Я должен. То, с чем я столкнулся, проходя через эту комнату, было тем, чего я никогда не думал встретить и за миллион лет. Валентина всегда была бойцом, но женщина, с которой я столкнулся, не могла сопротивляться. Она выглядела потерянной и сломленной, и часть меня точно знала, каково это.

Я целую ее в макушку, моя рука ласкает ее спину, когда она начинает засыпать.

— Не бросай меня, Картер. Не сейчас. Скоро все это закончится, — шепчет она, пронзая мое сердце своим выбором слов.

Я приподнимаю ее подбородок, чтобы она могла посмотреть мне в лицо, но она слишком не в себе, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Что это значит? — Хриплю я.

— Не сейчас — сонно бормочет она, погруженная в темноту.

Она кладет голову мне на грудь и через несколько секунд погружается в дремоту. Я прижимаю ее к себе, мои объятия немного слишком крепкие, но я не хочу отпускать ее. Я не уверен, сколько проходит времени, но каждая тикающая секунда насмехается надо мной, что я сойду с ума, если не выясню, что с ней не так.

Неохотно я высвобождаюсь из ее хватки, прилагая огромные усилия, чтобы не разбудить ее. Я иду в маленькую гостиную и немедленно отправляю сообщение Куэйду и Логану, чтобы они тащили свои задницы сюда, НЕМЕДЛЕННО. Пока я жду их прибытия, я выхож на балкон и курю несколько минут напролет, медленно сходя с ума, пытаясь расшифровать то, на что наткнулся ранее.

Я выкуриваю пятую сигарету, когда Логан и Куэйд появляются одновременно. Логан

выглядит разбитым, в то время как Куэйд выглядит так, словно пытался найти ответы, в которых он нуждался, на дне бутылки. Еще даже не полдень, а он уже пьян.

— Я здесь только для того, чтобы забрать свои вещи, — говорит Логан.

— Ты никуда не свалишь, — огрызаюсь я в ответ.

— Если ты написал, чтобы закончить то, что мы начали этим утром, то поверь мне, тебя ждет мир боли, потому что я, блядь, уже проснулся.

— Это должно быть интересно. Давайте возьмите матч-реванш, но на меня не рассчитывайте. Я бы предпочел видеть, как вы, два засранца, занимаетесь этим, чем снова участвовать, — парирует Куэйд, падая на диван и раскидывая руки по подголовнику.

Логан усмехается, но презрение в его глазах направлено на меня, а не на двести фунтов мышц, расслабляющихся на диване.

— У нас есть проблемы поважнее, чем вцепиться друг другу в глотки.

— Да что ты говоришь? — Издевается Куэйд с преувеличенной ухмылкой.

— У меня нет времени на твои игры, Картер, или на твою пьяную задницу, Куэйд. Я собираю свои вещи и первым же самолетом улетаю отсюда. Это была ошибка.

— Ты никуда не пойдешь, — приказываю я с тем же огнем, который дышит внутри него.

— Пошел ты, Картер! — рявкает он, обвиняюще указывая на меня пальцем. — Прошлой ночью все было прекрасно, а твоя гребаная ревность все испортила.

— Я знаю это. — Я скриплю зубами, на самом деле не заинтересованный в том, чтобы снова видеть Вэл в объятиях Логана после того, что выглядело как ночь горячего секса. — Но это не то, почему ты никуда не идешь. — Говорю я, и мой четкий голос начинает дрожать.

Брови Логана хмурятся, но его поза по-прежнему враждебна. Я достаю еще одну сигарету, выкуривая одну за другой, чтобы выбраться из этого кошмара.

— Это комната для некурящих, — издевается Логан.

— Не самая худшая проблема, с которой я сталкиваюсь, — говорю я, все равно закуривая.

— Кончай с этим, Картер. Ты портишь мне кайф. Если вы двое не собираетесь бодаться, то, по крайней мере, сделай интересным то, что тебе до смерти хочется сказать, — произносит Куэйд, его голова теперь откидывается на подушку, глаза закрыты.

— С Валентиной что-то не так.

— Ты первоклассный придурок. Из-за того, что мы переспали, теперь с ней что-то не так? — Логан раздраженно вскидывает руки в воздух.

— Может быть, ты прекратишь это дерьмо с уязвленным самолюбием и просто выслушаешь меня?! — Я срываюсь на крик, теряя самообладание. Тем не менее, это чудо, что с самого начала все было так сдержанно. — Я сказал, что с нашей девочкой что-то серьезно не так!

— Что ты имеешь в виду? Что с ней не так? — Спрашивает Куэйд, выпрямляя голову и внезапно становясь трезвым.

— Когда вы, два жалких придурка, отправились зализывать свои раны, я вернулся в гостиничный номер с намерением снова встретиться с Валентиной. Потребовать ответов о том, почему она хотела, чтобы мы все отправились в это путешествие, когда было очевидно, что она уже сделала свой выбор. — Я скосил глаза на Логана.

— Я не думаю, что она сделала выбор. Я не думаю, что Вэл когда-нибудь сможет

выбрать. Ни тогда, ни сейчас, — бормочет Логан, его выпуклая грудь теперь опущена.

Вместо того, чтобы углубляться в это минное поле, я придерживаюсь более срочного.

— Я вернулся, а Валентина лежала на полу в кровавом месиве с осколком стекла на запястье. Я думаю, она собиралась навредить себе.

— Это невозможно, — дрожит Логан, бросаясь к ней в комнату.

— Она спит, Логан. Оставь ее в покое, но я знаю, что я видел.

— И что ты видел? — Куэйд задает вопросы с тем же страхом в голосе, в котором я тону с тех пор, как вернулся в наш номер.

— Я видел женщину на грани, желающую сдаться.

— Нет. Не Валентина. Мы ее знаем. Она бы никогда так не поступила. Не с нами. — Куэйд отрицательно качает головой.

— Она не та девочка, в которую мы влюбились, Куэйд. Она какая-то другая. Я не могу точно определить, но она изменилась.

— Мы все изменились, — добавляет Логан, в отчаянии проводя пальцами по волосам.

— Что-то не сходится. Мы все это почувствовали, даже если отказываемся в это верить. Валентина что-то скрывает.

— Ты думаешь, она ... она... — заикаясь, отвечает мне Куэйд, не в силах произнести слово “самоубийца”.

— Я не уверен. — Я склоняю голову, изо всех сил стараясь, чтобы образ обнаженной Валентины, находящейся в нескольких секундах от того, чтобы покончить с собой, не врезался в мою память. — Я не думаю, что у нашей Валентины когда-либо были подобные мрачные мысли, но та, с кем я столкнулся несколько часов назад, не была нашей Вэл. Это было почти так, как если бы она была в оцепенении, полностью сбитая с толку окружением.

Устав от моей болтовни, Логан берет свой телефон и начинает бешено печатать на нем.

— Что ты делаешь?

— Ищу врача, который может приехать в отель.

Я преодолеваю расстояние между нами и выхватываю телефон у него из рук.

— Никаких врачей, — говорю я ему извиняющимся тоном. — Она заставила меня пообещать. Не делай из меня лжеца, Логан.

Он делает долгий выдох.

— Итак, что ты предлагаешь нам делать?

— Мы остаемся и разбираемся в этом. Попробуем разобраться в том, что она неохотно рассказывает нам.

— Ты думаешь, она лжет нам? — Спрашивает Куэйд, не скрывая своей обиды.

— Не лжет, нет. Но определенно что-то недоговаривает. — Я прикусываю зубами подушечку нижней губы.

— Мне это не нравится, — говорит Логан, качая головой.

— Ты любишь ее? — Спрашиваю я прямо, и его голова встает на место.

— Да. — Он даже не переводит дыхание, чтобы ответить мне.

— А как насчет тебя? — Я перевожу взгляд на Куэйда.

— Я, блядь, никогда не переставал, — отвечает он так же непоколебимо.

— Тогда мы едины в этом. Мы все любим женщину, лежащую в этой комнате. Это никогда не изменится. Так что, может быть нам блядь пора, это сделать.

— Что ты имеешь в виду? — Спрашивает Логан.

— Она не может выбирать между нами, и прямо сейчас мы были бы глупцами, если бы

заставили ее. Нет, пока мы не выясним, что с ней не так, и не поможем ей каким-то образом.

— Что, если ей нужна профессиональная помощь? — Говорит Логан, его разум все еще сосредоточен на идее, что вызов врача для осмотра был бы лучшим вариантом действий.

— Мы перейдем этот мост, когда дойдем до него. Прямо сейчас мы должны выступить единым фронтом. Быть рядом с ней, пока она не сознается. Я не хочу, чтобы она провела ни единой минуты в одиночестве. Это означает дневное и ночное время. Мы будем по очереди теми, кто будет спать рядом с ней ночью, убеждаясь, что о ней позаботились.

— А что, если этого недостаточно? Что тогда? — Куэйд задыхается, его измученное сердце говорит за него.

— Я не знаю. Но прямо сейчас этот план, все, что у нас есть.

— Ладно, решено. Мы остаемся. Верно? — Неуверенно спрашивает Логан.

— А разве мы когда-нибудь поступили бы иначе? — Я приподнимаю бровь, глядя на них обоих, их ответ написан у них на лицах.

Это то, о чем я знал.

ГЛАВА 1
СЕЙЧАС
ВАЛЕНТИНА

Я понятия не имею, где я нахожусь, когда впервые просыпаюсь. Солнце льется из окна на другом конце комнаты, демонстрируя совершенно безоблачный день. Я в гостиничном номере, одна на огромной кровати королевских размеров, которая идеально прилегает к моему ноющему телу.

Ноющее тело ... что…

Внезапно все возвращается на круги своя. Занятие любовью с Логаном, влетает Картер, все они уходят. Разбивающееся стекло. Кровь из порезов на моей коже.

А потом Картер. Картер был здесь, он вернулся.

Раздается одинокий стук в дверь, а затем она со скрипом открывается, и вот он, идет через дверь ко мне.

Он действительно здесь. Это не сон.

— Детка, — выдыхает он, садясь на кровать и заключая меня в объятия. Я хочу жить в его объятиях и никогда не покидать их.

— Я сожалею о том, что произошло, — шепчу я ему в шею. Он ничего не говорит, просто мягко гладит меня по волосам. Я расслабляюсь в нем, ровное биение его сердца дарит мне покой.

Через мгновение он медленно отстраняется, но я могу сказать, что ему не хочется этого делать. Мое сердце замирает, потому что это кажется хорошим знаком, верно? Или он здесь, чтобы сообщить новости сейчас, когда он уходит?

— Логан и Куэйд вернулись, они хотят тебя видеть, — говорит он мне, и я издаю тихий стон облегчения.

— Они действительно здесь? — С надеждой выдыхаю я.

— Да. Но нам нужно поговорить о том, что произошло вчера, — строго говорит он мне. — Ты что-то скрываешь.

— Вчера? — Я в недоумении думаю. Я потеряла почти целый день. Я не могу себе этого позволить.

Я запоздало осознаю, что он только что сказал.

— Тут не о чем говорить. Очевидно, я была взволнована тем, что произошло, — говорю я ему, защищаясь.

— Валентина…

— Пожалуйста, — обрываю я его. — Пожалуйста, просто забудь об этом. Я скажу тебе, когда буду готова. — На данный момент глупо думать, что я могу ждать до самого конца, чтобы рассказать ему. Но мне просто нужно немного больше времени. Особенно после всего, что произошло вчера. Они останутся, потому что я умираю, а не потому, что они на самом деле этого хотят.

Я этого не хочу. Я никогда не хотела жалости, когда начинала это путешествие. Все, чего я хотела, это их любви.

Картер долго смотрит на меня. У него тени под глазами, как будто он не спал всю ночь, беспокоясь обо мне. И, возможно, так оно и было. Да, скоро мне придется им рассказать.

Только не сегодня.

Раздается еще один стук в дверь, и входят Логан и Куэйд. Их позы напряжены, как будто всех дней нашей поездки до сих пор никогда не было. Куэйд выглядит так, будто его сейчас стошнит, или, может быть, у него похмелье. У меня было достаточно опыта в этом, чтобы распознать это у кого-то другого. Логан просто выглядит несчастным. Как будто он хочет быть где угодно, только не здесь.

— Привет, — застенчиво говорю я, заправляя волосы за уши. Я уверена, что выгляжу ужасно. Когда у тебя вьющиеся волосы, ты не можешь просто лечь спать после ванны, а это именно то, что я сделала. В комнате повисает гробовая тишина, а затем Куэйд крадется ко мне. Не успеваю я опомниться, как он уже стоит на коленях у края кровати.

— Мне чертовски жаль, принцесса, — говорит он сдавленным голосом. — Я здесь, и я никуда не уйду.

Внезапно у меня возникают подозрения.

— Почему? — Спрашиваю я.

Все трое вопросительно смотрят на меня.

— Почему вы здесь? — Я не спеша смотрю на них троих, ища жалости или чего-нибудь действительно такого, что объяснило бы мне, почему сегодня все по-другому, когда они были так уверены, что все было сделано вчера.

Все они беспокойно перемещаются. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

— Вы нужны мне здесь, потому что вы любите меня, — начинаю я мягко. — Ни по какой другой причине. Если вы здесь не для этого, я хочу, чтобы вы ушли. — Я свирепо смотрю на них всех. Они, очевидно, что-то подозревают, но до тех пор, пока они не знают, что это такое, тогда то, о чем я прошу, не должно быть невозможным.

— Вэл, мы все согласились поделиться… — начинает Куэйд.

— Пока, — перебивает Картер, хотя говорит это без особого энтузиазма, что, честно говоря, является для него заметным улучшением.

Куэйд закатывает глаза.

— Мы все согласились поделиться. Я не думаю, что мы можем обещать, что все пройдет гладко. Но, выйдя за эту дверь, я почувствовал, что мое сердце разрывается надвое. Я испытывал адскую боль, теряя тебя.

Мои руки дрожат, когда я натягиваю одеяло до подбородка, пытаясь контролировать эмоции, бушующие в моем теле. Я точно знаю, что он имеет в виду. Боль, которую я чувствовала вчера…

Я не думаю, что смогу пережить это снова.

Повисает напряженная тишина.

— Могу я поговорить с Валентиной наедине? — Натянуто спрашивает Логан.

Картер рычит рядом со мной, но неохотно встает с кровати и выходит, бросив на меня взгляд через плечо, который дает мне обещания, которые я отчаянно хочу, чтобы он сдержал.

Куэйд бросает на меня умоляющий взгляд, поднимаясь с колен. Он ставит колено на кровать и склоняется надо мной, покрывая меня глубоким поцелуем, как будто он никогда не хотел останавливаться, как будто он не мог насытиться мною.

Я тихо вскрикиваю, когда он отстраняется, и он одаривает меня своей фирменной ухмылкой, все в нем выглядит более живым и освеженным, чем когда он впервые вошел в комнату.

— Там, откуда это взялось, будет еще много чего, — говорит он, прежде чем шагнуть к двери. Я не вижу взгляда, который он бросает на Логана, но я улавливаю суть по тому, как губы Логана сжимаются, когда они встречаются взглядами.

А потом Куэйд выходит за дверь, и остаемся только Логан и я.

Я нервно ерзаю на кровати, задаваясь вопросом, как я могла быть обнаженной под этим мужчиной еще вчера, а сегодня он с таким же успехом может быть просто незнакомцем. На мне нет ничего, кроме рубашки большого размера, доходящей мне до колен, я бы предположила, что она Картера. Я соскальзываю с кровати, придерживая рубашку, чтобы не задрать ее при движении. Я чувствую себя неловко, но мне нужно быть ближе к Логану. Я не могу выдержать это расстояние. Это всего лишь пара футов, но с тем же успехом это могут быть мили с тем, как он себя ведет.

Он смотрит на меня безучастно. Я вообще не могу сказать, о чем он думает, когда подхожу к нему. Я останавливаюсь всего в футе от него, мой взгляд умоляет его ... о чем угодно.

Внезапно он делает шаг вперед, прижимаясь своими губами к моим, обрывая все слова, которые я могу произнести. Его поцелуй отчаянный. Этим поцелуем он обращается к моей душе, и я изо всех сил стараюсь ответить ему, целуя его в ответ так хорошо, как только могу.

Поцелуй затягивается все выше и выше, пока мне, наконец, не приходится отстраниться и перевести дыхание. Я неуверенно стою на ногах, определенно не оправившись после вчерашнего. Я хватаюсь за его рубашку и быстро отпускаю ее, когда порезы на моих руках отзываются болью. Он прислоняется своим лбом к моему, его глаза закрыты, когда наше дыхание переплетается.

— Мне нужно кое-что знать, — грубо говорит он, очевидно, так же захваченный поцелуем, который мы только что разделили, как и я. — Мне нужно знать, что ты любила бы меня, даже если бы Куэйда и Картера не было на горизонте. Мне нужно знать, что я больше, чем комплексное предложение, что ты видишь во мне. Я не звезда футбола, я не создаю произведения искусства. Я не забавный или загадочный.

Он горько смеется.

— Может быть, я даже больше не знаю, кто я. — Он вздыхает, и мое сердце разрывается от отвращения к самой себе. — Мне просто нужно знать, что ты видишь меня таким какой я есть.

Он держит глаза закрытыми, как будто ему невыносимо видеть мое лицо и то, о чем я думаю. Я замолкаю на мгновение, достаточно, чтобы он начал дрожать, как будто ожидая худшего.

— О, Логан, — наконец говорю я, в моем голосе слышны слезы. — Ты никогда не был комплексной сделкой. Мне жаль, если ты когда-либо чувствовал себя так.

Я отстраняюсь и осторожно беру его лицо в свои руки. Его глаза открываются, и он смотрит на меня с надеждой, и тоска, которую я вижу в его взгляде, смиряет меня.

— Я вижу тебя. Я вижу твое сердце, и я так люблю его. Я вижу мальчика, который позаботился о том, чтобы у меня были тампоны для моих первых месячных, того, кто стоял перед всем нашим классом и читал стихотворение, которое он написал специально для меня. Я вижу мальчика, который всегда был рядом со мной. Я вижу, какую нежность ты проявляешь только ко мне. Я вижу человека, которым ты стал, который сразу дал мне шанс несмотря на то, что я этого не заслуживаю. Я была бы сломлена, если бы хоть часть тебя изменилась по сравнению с тем, кто ты есть сегодня. Я вижу тебя, Логан Купер, и я никогда не переставала видеть тебя. Я неполноценна без тебя, и это не меняется независимо от кого-либо еще. Я люблю тебя.

— Скажи это еще раз, — грубо говорит он, его глаза загораются страстью, которая воспламеняет мое сердце страстью, таящейся в их глубине.

— Все это?

— Скажи еще раз, что ты любишь меня.

Я нежно целую его в губы.

— Я люблю тебя, Логан Купер. Я буду любить тебя всю свою жизнь, и так будет всегда, даже после смерти. Я люблю тебя.

Даже смерть не смогла бы заставить меня забыть выражение его лица при моем признании.

Я просто надеюсь, что он вспомнит это после того, как я уйду.

После этого я сплю еще несколько часов, завернувшись в объятия Логана. Когда я просыпаюсь, Куэйд лежит с другой стороны от меня, уткнувшись носом в мою шею. Это было бы идеально, за исключением того, что Картера здесь нет.

Я выскальзываю из их объятий и на коленях пробираюсь к краю кровати, съеживаясь от боли, которую чувствую. Вчера я пропустила прием лекарств. Этого не должно случаться. Быстро шагая в ванную, я перебираю свои бесконечные бутылочки с таблетками, безнадежно глядя на себя в зеркало. Сегодня никак не скрыть, что я выгляжу больной. Я бледна, мои щеки ввалились, глаза тусклые. Я приглаживаю свои буйные кудри и пощипываю себя за щеки. Сегодня мне понадобится много косметики, чтобы ребята не затащили меня в

больницу.

Вздыхая, я накладываю макияж и вношу немного средства в волосы, прежде чем надеть джинсовый джемпер, который я купила прямо перед поездкой. Раньше у меня никогда не хватало смелости надеть такой наряд, но теперь ... три месяца и все такое.

Логан и Куэйд все еще спят, когда я возвращаюсь в спальню, и меня так и подмывает их сфотографировать. Они оба повернуты к тому месту, где я спала, так что находятся всего в нескольких дюймах друг от друга. Это действительно восхитительно. Я достаточно контролирую себя, чтобы сделать всего три снимка, а затем тихо выхожу из комнаты, тихо закрывая за собой дверь, чтобы они могли продолжать спать. Мы все измотаны после того, что произошло.

Картер сидит во внутреннем дворике, глядя на океан и потягивая эспрессо. На столе рядом с ним лежит пачка сигарет. Я съеживаюсь, когда вижу их. Он сказал мне, что курит, только когда испытывает стресс, и, судя по пепельнице, полной окурков, он действительно испытывает стресс.

— Прекрасный вид, — комментирую я, когда он выдыхает струйку дыма. Мы оба смотрим, как дым уносится ветром от нас.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Да, это так.

Почему-то то, как он это говорит, совсем не звучит банально. Я не думаю, что Картер может выглядеть иначе, чем сексуально и загадочно. Его голос, это экстаз для женщин.

— Хочешь пойти найти то дерево? — Спрашиваю я, выпрямляясь, пока его взгляд изучает мое тело.

— Ты что-нибудь ела? — Отвечает он, приподнимая бровь. Воспоминание о том, как его руки ощущались на моей обнаженной коже, обжигает меня, в то время как его взгляд продолжает пожирать меня. Очевидно, тот факт, что он увидел, что на данный момент от меня кожа да кости, ничего не меняет, потому что он выглядит так, словно хочет проглотить меня целиком.

Я судорожно сглатываю, пытаясь контролировать румянец, который распространяется по моему телу.

— Поем, а потом мы найдем дерево, — предлагаю я, хотя не уверена, сколько еды я смогу проглотить. Я все еще чувствую себя разбитой после всех событий последних двадцати четырех часов, и в сочетании со всеми лекарствами, которые я только что приняла, еда, это последнее, о чем я думаю.

Но я должна поддерживать внешний вид и все такое.

Мы выходим из отеля, и Картер удивляет меня, взяв меня за руку, когда мы идем по мощеному тротуару. Я смотрю на него, но он смотрит прямо передо мной, единственное подтверждение, которое он мне дает, это один раз ободряюще сжимая мою руку.

Мы обедаем в кафе в нескольких кварталах от отеля, которое порекомендовал наш консьерж. Я смогла съесть большую часть своей тарелки с фруктами и половину сэндвича, и это, кажется, смягчает настороженный взгляд Картера.

Мы мало что говорим, кроме комментариев к нескольким наиболее колоритным людям, которых мы видим проходящими мимо кафе. Я заставляю Картера несколько раз улыбнуться в ответ на мои предположения о некоторых занятиях прохожих, что действительно является победой, поскольку улыбки Картера трудно заслужить.

После обеда мы покупаем бутылку вина с местного виноградника и несколько

пластиковых стаканчиков в ближайшем гастрономе, а затем отправляемся на поиски дерева. И Картер все еще держит меня за руку.

Мы оба получаем несколько недовольных текстовых сообщений от Логана и Куэйда о том, что их бросили, поэтому я кидаю им их снимок, практически прижавшихся друг к другу в постели, чтобы они заткнулись. Приятно провести это время наедине с Картером. Мои отношения с Логаном и Куэйдом сразу же установились с момента воссоединения, но мы с Картером все еще сильно отстаем.

Или, может быть, не много ... после ванны.

Кассир в гастрономе странно посмотрел на меня, когда я спросила о хорошем дереве, но затем порекомендовал направиться к Авенида де Сервантес. Очевидно, там есть гигантское дерево Хоризия с ярко-розовыми цветами, мимо которого он проходит, возвращаясь домой каждый день.

Мы просто болтаем по дороге, по-прежнему держась подальше от всего серьезного и тяжеловесного, а затем я вижу дерево.

Визжа от восторга, я тащу Картера к нему и плюхаюсь, притягивая его к себе. Дерево великолепно, каждая ветка усыпана потрясающими розовыми цветами, которые пахнут божественно. Я вздыхаю и прислоняюсь к толстому стволу, вдыхая сладкие ароматы, витающие вокруг меня.

— Что с деревом? — Спрашивает Картер, устраиваясь рядом со мной. Я открываю один глаз.

— Разве ты не помнишь?

Он прищуривается, как будто пытаясь сообразить, что я могла вспомнить. Я немного разочарована, что он не может сразу об этом вспомнить. Я думаю, это была забавная вещь, которая казалась важной для одного человека и незначительной для других.

— В теплые дни в школе, когда ты не хотел идти в столовую…

— Что было каждый день, — прерывает он, закатывая глаза.

— Да, так было каждый день, — сухо комментирую я. — В любом случае ... в теплые дни я приходила к тебе пару дней в неделю под дерево на лужайке за школой, мы обедали, и ты фотографировал дерево.

Глаза Картера странно прищуриваются, когда он смотрит на меня. Он потирает грудь, как будто то, что я сказала, причинило ему физическую боль.

— Так вот почему ты хотела выпить вина под деревом? — Спрашивает он, и его голос звучит странно сдавленно.

Я застенчиво пожимаю плечами.

— Это было одно из моих любимых воспоминаний о твоем детстве, — тихо говорю я ему, открывая вино и наливая нам обоим по два полных бокала. Это свобода, просто иметь возможность, вот так пить каждый день, никуда не торопясь.

Наступает долгое молчание, пока мы оба потягиваем вино, которое, кстати, восхитительно.

— Я не фотографировал дерево, — выпаливает Картер.

Я вопросительно посмотрела на него.

— Что?

— Я не фотографировал дерево, — повторяет он, отводя от меня взгляд.

— Тогда что ты фотографировал? — Спрашиваю я, сбитая с толку.

— Тебя, — мягко говорит он, наконец поворачивая ко мне свои прекрасные темные

глаза. Розовый лепесток падает с цветов над нами, опускаясь на его волосы, ярко-розовый на фоне их гладкой черноты.

— Ты меня фотографировал? — Я повторяю, не веря. Мы проводили часы у этого дерева каждую осень и весну, пока росли. И он всегда фотографировал.

— Это всегда была ты, — хрипло признается он. — У меня есть тысячи твоих фотографий. Каждый раз, когда я пытался сфотографировать что-то другое, это просто сбивало с толку. Потому что не было ничего такого красивого и интересного, как ты, чтобы фотографировать. Ты была всем, что я видел.

Он делает глубокий вдох.

— Я по-прежнему вижу только тебя.

Я не могу сдержать слез от его слов. До этого момента я не знала, как сильно они мне были нужны. Он притягивает меня ближе к себе, и я прижимаюсь к его груди. Мы сидим так некоторое время, прислушиваясь к звукам парка вокруг нас, его сердцебиение напоминает ровный и успокаивающий барабанный бой у меня под ухом.

Я, наконец, отстраняюсь, как только мне удается контролировать свои эмоции, и делаю огромный глоток вина, в то время как он наблюдает за мной почти нервно.

— Итак, ты был чем-то вроде моего преследователя в старшей школе, — говорю я с озорной ухмылкой.

Он смеется и закатывает глаза, очевидно, испытывая облегчение от моей реакции.

— Мне всегда нравились хорошие романы о преследователях. Хотела бы я знать, что в детстве жила по одному из них.

Он издает дрожащий смешок и делает свой собственный огромный глоток вина. Это вино хорошего сорта, такое, которое вы должны элегантно потягивать, но мы оба пьем его для придания бодрости. Моя мать была бы возмущена.

— Что ж, приятно это знать. Если бы я знал это раньше, это спасло бы меня от ощущения себя подонком в детстве.

— У тебя все еще есть фотографии? — Выпаливаю я, вино, очевидно, ударяет мне в голову, потому что я не хочу знать ответ на этот вопрос.

Я не хочу слышать, что он сжег их в приступе ярости и предательства после того, как я ушла. Наступает еще одно долгое молчание. Раньше между нами четырьмя никогда не было такого рода пауз. Или, по крайней мере, они не были такими тяжелыми.

— Они все еще у меня, — говорит он со вздохом. — Я пытался избавиться от них снова и снова на протяжении многих лет. Думаю, я намеренно остался на задании, чтобы не сидеть в своей квартире и не пялиться на них. Они в коробке из-под обуви в глубоких нишах моего шкафа. И я каждый день злился на тебя за то, что не мог их выбросить.

В этом заявлении есть многое, что нужно распаковать.

— У тебя все мои фотографии в коробке из-под обуви? — Спрашиваю я, а затем по какой-то причине начинаю смеяться.

И тогда смех переходит в слезы.

Я чувствую, что Картер просто смотрит на меня с беспокойством, как будто я схожу с ума, и, возможно, так оно и есть. Потому что разве это не самая печальная, блядь, вещь, что наша огромная, эпическая любовь была низведена до гребаной коробки из-под обуви за последние десять лет?

Мои руки дрожат, когда я подношу их к лицу, расплескивая вино по ходу движения. Я смотрю, как темная жидкость просачивается в землю.

— Прости, — шепчу я. — Мы потратили впустую столько лет. И это все моя вина.

— Может быть, так всегда и должно было быть, — говорит Картер, снова заключая мое дрожащее тело в свои объятия. — Может быть, нашей истории любви нужно было вырасти, созреть. Возможно, нам нужно было выяснить, кем мы были друг без друга.

— Это такая чушь собачья, — рыдаю я.

Он смеется, и теперь я слышу слезы в его голосе, которые он пытается сдержать. Эта дурацкая коробка из-под обуви.

— Я знаю. Это абсолютно самая гребаная глупость, которую я когда-либо говорил.

А потом мы оба снова смеемся без причины, и постепенно грусть по потерянному времени проходит, и остается только благодарность за то, что мы вообще здесь, под этим деревом.

Как только мы приходим в себя, Картер наливает нам обоим еще по огромному бокалу вина, а затем мы разговариваем. И мы говорим, и говорим. Он рассказывает мне о своих путешествиях по всему миру. Он рассказывает мне о некоторых ужасных вещах, которые он видел, но он также рассказывает мне о моментах, которые дали ему веру в человечество. Он рассказывает мне о своей жизни в Нью-Йорке и своих коллегах. Он рассказывает мне о нескольких случаях, когда он видел своего брата Алекса за эти годы, и о разговоре, который у них состоялся на похоронах его бабушки Перл два года назад. Он рассказывает мне о том, кем Картер Хейз стал за последние десять лет, и я впитываю все это. Каждое его слово для меня.

К тому времени, когда солнце садится и в воздухе ощущается легкая прохлада, мужчина, сидящий рядом со мной, больше не незнакомец. Он снова Картер. И я люблю его так чертовски сильно.

Мы возвращаемся в отель, снова держась за руки, оба приятно возбужденные от бутылки, которую прикончили. Логан и Куэйд оба ждут нас, когда мы возвращаемся, загорелые после дневного серфинга. После ужина мы все смотрим фильм, и впервые с тех пор, как мы начали это приключение, нет напряжения, пока мы сидим и смотрим какую-то глупую комедию, которая до сих пор заставляет нас всех смеяться. Я прислоняюсь к Куэйду, положив ноги на колени Логана. Картер сидит на полу передо мной, держа меня за руку. И я не могу вспомнить более прекрасного вечера.

Когда приходит время ложиться спать, я ожидаю, что Картер отведет меня в свою комнату. В старших классах он всегда был более сильным физически, и теперь, когда мы преодолели большинство барьеров между нами, кажется, что следующим шагом будет секс. Но он отправляет меня в мою комнату с Логаном и Куэйдом, просто коснувшись моих губ своими.

Проблема в том, что он думает, что у нас впереди вечность. Целая жизнь, чтобы заниматься любовью.

А это просто неправда.

ГЛАВА 2
ТОГДА
ВАЛЕНТИНА

— Проснись, Вэл. Просыпайся, — прошептанный приказ просачивается в мое подсознание, но я чувствую себя слишком хорошо, чтобы обращать на это внимание.

Мое тело еще больше тает на груди Логана, наслаждаясь его лаской на моей щеке, пока он продолжает уговаривать меня проснуться. Нежность ощущается на моем теле так потрясающе, что я притворяюсь спящей еще немного, просто чтобы Логан мог продолжать так прикасаться ко мне. Я чувствую его дыхание на своей коже, когда он продолжает нежно поглаживать мою щеку костяшками пальцев. Мое сердце трепещет, когда он становится более смелым, проводя подушечкой большого пальца по моей нижней губе. Мне требуется вся моя сила воли, чтобы не ахнуть от восторга или не высунуть язык, чтобы попробовать его на вкус. Но я знаю, что, если бы я сделала что-то настолько дерзкое, Логан немедленно отступил бы.

В отличие от Куэйда или даже Картера, Логан более сдержан в своих привязанностях. Максимум, что я получаю от него, это дружеское объятие или удерживание моей руки в своей. Если мне действительно повезет, иногда он заходит так далеко, что предлагает мне легкую ласку по ложбинке моей спины или поглаживание затылка, но эти более интимные прикосновения редки. По какой-то причине он не инициирует большей близости, чем та, что была между нами, и это убивает меня.

Его палец продолжает скользить по моим губам, зажигая искру в моем животе, лишая меня возможности продолжать притворяться.

— Вэл? Ты не спишь? — Спрашивает он, его тон хриплый и вожделеющий, выпуклость его штанов, упирающаяся в мой зад, только подтверждает его сдерживаемое желание.

Я поворачиваю голову в его сторону, мои ресницы трепещут, в то время как его кристально-голубые глаза ярко сияют на мне. Когда он не отстраняется, продолжая играть с моей нижней губой, я думаю, что он может сломаться и, наконец, дать нам то, чего мы оба хотим.

— Поцелуй меня, — я молча умоляю его глазами.

Поцелуй меня, Логан.

Поцелуй меня.

Но, к моему ужасу, он этого не делает. Вместо этого он подвигается на кровати и подтягивает меня, чтобы я села рядом с ним, прислоняя нас к его изголовью.

— Почему ты настаиваешь на проведении этих романтических марафонов, выше моего понимания. Ты каждый раз засыпаешь, — шутит он, заправляя прядь моих волос за ухо.

— Извини.

Я одариваю его застенчивой улыбкой, в то время как внутри я оплакиваю потерю его более кокетливого прикосновения. Если бы он только знал, как я дорожу этими моментами, возможно, он не так неохотно отдавался бы им. Единственная причина, по которой мне так нравится смотреть фильмы у Логана, заключается в том, что это единственное время, когда он по-настоящему расслабляется и не настаивает на сохранении невидимого барьера между нами. Когда мы одни в его комнате, и он включает свой ноутбук, чтобы мы могли вместе посмотреть старые фильмы, все его тревоги рассеиваются. Он не стремится учиться, чтобы получать хорошие оценки, и не занимается своими ста одной внеклассной работой, чтобы хорошо выглядеть в своем заявлении в колледж.

Он просто Логан.

Милый, заботливый, Логан.

Мой Логан.

Иногда у него не остается времени для этой стороны себя, поэтому мне приходится напоминать ему, что жизнь - это не только поступление в школу Лиги плюща. Он тоже может немного повеселиться. Иногда я задаюсь вопросом, не по этой ли причине он держит меня на расстоянии вытянутой руки. Может быть, он считает меня помехой и именно поэтому отказывается прикасаться ко мне. Или целовать меня. Это мучительно, быть с ним и не иметь возможности делать все, что я хочу.

Но у нас есть это. У нас вечер кино. И пока этого было достаточно, по крайней мере, на данный момент.

— Хочешь, я отвезу тебя домой? — Грубо хрипит он, все еще теребя прядь моих волос.

— Но я не видела конец фильма.

— Ты никогда этого не делаешь, — шутит он.

— Ты хочешь, чтобы я пошла домой? — Я прикусываю нижнюю губу, глядя на него из-под полуприкрытых век, боясь, что он снова меня оттолкнет.

— Нет.

— Тогда я не уйду, — весело отвечаю я, утыкаясь головой в изгиб его шеи.

— Ты уверена, что твой папа не будет возражать? Становится поздно. — Объясняет он, указывая на экран своего телефона и показывая, что мой комендантский час давно прошел.

— Сомневаюсь, что он будет возражать сегодня вечером. У папы свидание. — Моя улыбка становится шире.

— Неужели?

— Да, — я взволнованно пищу.

— Знаешь, большинство дочерей-подростков не были бы так счастливы видеть, что их отец с кем-то встречается. — Смеется он.

— Я не похожа на большинство дочерей. — Я пожимаю плечами, кладу подбородок ему на плечо, просто чтобы еще немного забыться, глядя в светло-голубые глаза Логана.

— Нет, ты не такая. — Он снова хихикает, притягивая меня ближе в своих объятиях, так что моя голова падает ему на грудь. Я чувствую, как бьется его сердце, и так же, как и мое, оно немного неровное. Я закусываю губу, чтобы удержаться от вопроса, почему его бьется так быстро, даже если вопрос вертится у меня на кончике языка.

— Если ты снова уснешь, я не буду тебя будить. Я просто завалюсь на диван внизу и напишу твоему отцу, что ты остаешься ночевать у меня.

Я счастлива, что он не может видеть, как я тут же нахмурилась, поджав губы от его замечания. Я действительно хотела бы, чтобы он спал со мной в постели, но каждый раз, когда я ночевала у него в прошлом, Логан был настоящим джентльменом, предоставляя мне личное пространство.

И я ненавижу это.

Я действительно хочу, чтобы он перестал использовать детскую возню со мной и просто был моим уже.

Я беру его отставленный ноутбук и кладу ему на живот, нажимая на воспроизведение другого фильма Джона Хьюза. В отличие от главных женских ролей в его старых подростковых фильмах, мою личную жизнь так просто не настроишь.

Куэйд и папа все еще играют в футбольный мяч на нашем заднем дворе, пока я достаю из духовки каннеллони со шпинатом, которые папа приготовил ранее днем. Прежде чем эти двое начали свой обычный роман на улице, Куэйд накрыл на стол, так что все, что мне нужно сделать, это приготовить салат, и ужин готов. Как только я все готовлю, я выхожу на улицу, чтобы позвать их, но вместо этого прислоняюсь к кухонной двери и просто любуюсь пейзажем. И папа, и Куэйд смеются над одной из шуток Куэйда, когда он пытается выбить мяч из руки моего отца. Мой отец, однако, не сдается без боя.

— Брось это, старина. Ты же знаешь, рано или поздно я добьюсь своего.

— Приди и получи это, малыш, — насмехается папа.

Оба борются вместе, пока не сбиваются с шага, падают на землю, хихикая, как школьницы. Это согревает мое сердце. Я никогда не спрашивала своего отца напрямую, но я знаю, что он хотел бы иметь большую семью, а не только меня. Особенно пару сыновей вроде Куэйда, с которыми можно было бы возиться. Несмотря на то, что он не кровный родственник, у них обоих сформировалась связь, такая же крепкая, как у отца и сына.

— Ужин стынет, — предупреждаю я с мягким смехом.

Куэйд поворачивает голову в мою сторону, как только слышит мой голос, и одаривает меня одной из своих лучезарных улыбок. Металлические брекеты, украшавшие его рот, давно исчезли. На их месте нет ничего, кроме жемчужно-белых зубов, которые заставляют большинство девушек падать в обморок всякий раз, когда он улыбается им. Но эта конкретная улыбка полностью моя. Он не дарит ее никому, кроме меня.

Куэйд помогает моему отцу подняться на ноги, дразня его пенсионером, и папа дает ему за это подзатыльник.

— Эй, будь паинькой, старина. Знаешь, когда ты по-настоящему состаришься, именно я буду поднимать тебя на руки и менять подгузники, — шутит Куэйд.

— Боже, помоги мне, если это правда, малыш, — подстрекает мой отец. — Просто сжалься надо мной и найми чертову медсестру. Я не хочу, чтобы ты приближался к этой области, — язвит в ответ папа, указывая на свой живот.

— Хорошо. Я найду тебе горячую медсестру. Ту, которая обтирает тебя губкой и кормит с ложечки. — Куэйд хихикает, получая еще один удар в живот от моего отца.

— Просто иди умойся, малыш. — Мой папа закатывает глаза, когда они направляются в мою сторону.

— Как насчет того, чтобы вы оба пошли помылись? — Я оглядываю отца с головы до ног, указывая на его одежду, испачканную травой. — Я поставлю ужин обратно в духовку, пока вы оба не будете готовы.

Папа проходит мимо меня и целует в висок.

— Извини, детка. Я буду всего через пять минут. — Говорит он, прежде чем выбежать, чтобы принять душ и переодеться.

— Ты тоже, Куэйд, — приказываю я, указывая, что его одежда выглядит такой же

грязной.

Куэйд ухмыляется мне и ждет, пока мой отец не окажется вне пределов слышимости, прежде чем прижать меня к дверному косяку. За эти годы он стал таким большим, что теперь мне приходится задирать голову до упора, чтобы увидеть его великолепное лицо. Он наклоняется ровно настолько, чтобы его рот оказался у мочки моего уха, одна его близость оставляет за собой след из мурашек.

— Я думал, я тебе нравлюсь грязным? — Говорит он озорным тоном.

Моя кожа мгновенно оживает от его непристойных намеков, и я облизываю губы, чтобы вернуть немного влаги в пересохший рот.

— Иди прими душ, Куэйд. От тебя воняет, — лгу я.

Это не так. Он пахнет землей, солнцем и вообще человеком. Он прикусывает мою мочку, и мои веки закрываются сами по себе. В отличие от Логана, Куэйд не боится одаривать меня любовью. На самом деле, он полная противоположность. Он за то, чтобы оставить меня разгоряченной и возбужденной. Я думаю, ему нравится видеть, как мне больно.

Я отталкиваю его грудь, чтобы увеличить необходимое расстояние, но Куэйд ничего этого не хочет.

— Иди. Папа выйдет с минуты на минуту, — предупреждаю я.

Он стонет, его эрекция упирается в мой живот.

— Я думаю, тебе лучше начать ужинать без меня. Я, вероятно, дольше буду в душе.

Я в замешательстве хмурю брови, и он тянет мою руку, чтобы обхватить свой твердый член поверх спортивных штанов. Никаких запретов вообще. Это Куэйд для меня. Мои щеки краснеют от того, что он имеет в виду, но мои глаза не отрываются от его лесной зелени. Он наклоняется ближе и стонет мне в ухо.

— Это значит либо дрочить мой член до полного подчинения в душе, либо прижать тебя к кухонной стойке. Что скажешь, принцесса? Думаешь, мы сможем по-быстрому потрахаться, пока твой отец не наставил на меня дробовик? Не самый худший способ выйти из дома. — Мне не нужно это видеть, чтобы почувствовать, как его кокетливая улыбка обжигает мне щеки.

— Просто иди уже, — хриплю я, нуждаясь, моя ладонь на его груди.

— Хочешь присоединиться ко мне?

Я хмурю брови, моя угроза глубоко запечатлелась на моем лице.

— Прекрати дурачиться и иди, Куэйд. Я серьезно. — Говорю я ему более решительно, на этот раз изо всех сил толкая его в грудь, чтобы он мог вернуть мне немного передышки. С Куэйдом трудно не затаить дыхание.

Он делает долгий выдох и глубоко вдыхает аромат моих духов, прежде чем поцеловать меня в щеку и отпустить. Наконец-то.

— Я вернусь через десять минут. Не начинай без меня. — Подмигивает он.

Я киваю и притворяюсь, что мне все еще есть чем заняться, хотя на самом деле все, о чем я думаю, это о том, как бы я хотела пойти за ним в ванную и посмотреть, как он гладит себя моими фотографиями.

И отсюда моя дилемма. Логан отказывается прикасаться ко мне, мучая меня своей сдержанностью. Куэйд не может оторваться от меня, мучая меня желанием. И Картер… Картер хочет, чтобы я умоляла его прикоснуться.

Все трое приводят меня в бешенство.

Хуже всего то, что все три парня завладели моим сердцем, и я ничего не могу с этим поделать.

Двадцать минут спустя мы все сидим за нашим кухонным столом, наслаждаясь последним папиным итальянским блюдом.

— Я все еще думаю, что вам следует бросить работу архитектора и стать шеф-поваром, мистер Э. Это восхитительно, — провозглашает Куэйд в перерыве между укусами.

— Спасибо, сынок. Но приготовление пищи, это просто хобби, а не моя главная любовь. — Папа подмигивает мне.

Я улыбаюсь ему и беру еще одну ложку салата, время от времени незаметно задерживая взгляд на широкой фигуре Куэйда. Его каштановые волосы все еще немного влажные после душа, но в остальном он выглядит потрясающе в своем синем Хенли и джинсах. Весь его рельефный пресс на виду, заставляя мои мысли блуждать.

— Ты собираешься куда-нибудь после ужина? — Спрашивает папа, озвучивая животрепещущий вопрос в моей голове.

— Да. Пара парней из команды собираются позже на вечеринку "Возвращение в школу", и я сказал, что присоединюсь, — отвечает Куэйд, беря еще одну порцию вкусных каннеллони.

Я склоняю голову и продолжаю есть, хотя каждый кусочек на вилке вдруг становится не таким вкусным, как раньше.

— Чья вечеринка?

— Трейси Холлис, девочка из моего класса по математике. Ее родители уехали из города на выходные, так что она устраивает вечеринку, — объясняет Куэйд, ни капельки не подозревая о ревности, зреющей во мне.

— Будет ли алкоголь на этой вечеринке? — Спрашивает папа.

— Ага — шутит Куэйд, заставляя моего отца нахмуриться.

— Понятно. Ты собираешься взять свою машину?

— Как еще я мог бы туда попасть?

— Не прикидывайся дурачком со мной, сынок. Если ты берешь свою машину, то я надеюсь, ты достаточно умен, чтобы не пить и не садиться за руль.

Куэйд поднимает глаза от своей тарелки и смотрит в сторону моего отца.

— Не передергивай, старина. Логан тоже едет. Он будет назначенным водителем. Я тоже не собираюсь идти и запивать свой вес алкоголем. Просто выпью несколько кружек пива. Вот и все.

— Хм. Ну, если Логан собирается, тогда мне не о чем беспокоиться. Но все же, если он выпьет, позвони мне, и я заберу вас обоих. Неважно, который час. Договорились?

— Договорились, — отвечает Куэйд, и я не упускаю из виду, как его зеленые глаза смягчаются от заботы моего отца о его благополучии.

Куэйду осталось всего несколько месяцев до его восемнадцатилетия, и, хотя он ведет себя так, как будто он большой человек в кампусе, он все еще несовершеннолетний, которому в первую очередь не следует пить. Как бы папа ни старался быть рядом с ним, он не его настоящий отец, чтобы запрещать ему не пить. Думаю, я должна быть довольна, что он принимает совет отца близко к сердцу, даже если он собирается на дурацкую вечеринку Трейси Холлис.

Куэйд всегда был социальной бабочкой в нашей группе. Ему нравится быть в центре внимания. Ему нравится, когда дети в школе глазеют и восхищаются им. Вам не нужно

иметь диплом психолога, чтобы знать, что его мгновенная потребность в одобрении и обожании проистекает из того, что его родители такие придурки. Они никогда особо не присутствовали в его жизни, и их действительно не волнует, что они отсутствующие родители. Так было с тех пор, как я встретила его, и ни его мама, ни папа никогда не пытались исправить этот факт. Бог дал им этого замечательного, добросердечного сына, и все равно им просто наплевать на его счастье.

Но прямо сейчас нарциссические родители Куэйда не причина, по которой я молча топчусь на своем месте. Сама мысль о том, что Логан и Куэйд пойдут на одну из вечеринок Трейси, бесконечно раздражает меня.

До меня дошли слухи. Ее вечеринки всегда заканчиваются тем, что дети перепихиваются в ее разных пустых спальнях. Требуется вся моя вера в Логана и Куэйда, чтобы не спросить, были ли они когда-нибудь с другой девушкой. Но, думаю, если бы я действительно хотела получить ответы, то всегда могла бы пойти на одну из ее вечеринок и убедиться в этом сама. Куэйд даже больше не приглашает меня пойти с ним. Не то чтобы я пошла бы, если бы он позвал.

Может, я и состою в команде поддержки, но я знаю свое место. Большинство девочек в школе смотрят на меня так, словно я нечто, что они хотят раздавить своими высокими каблуками. Меня устраивают их пристальные взгляды и комментарии шепотом за моей спиной. Ну, может быть, и не очень, но, по крайней мере, я к этому привыкла. Именно когда происходят подобные вещи, я становлюсь неуверенной. Когда мальчики, которых я обожаю, уходят от меня разными путями.

Папа и Куэйд продолжают говорить о том или ином, но мой разум слишком затуманен, чтобы поспевать. Все, о чем я могу думать, это обо всех девушках, которые будут на этой вечеринке, которые хотят частичку парней, которым я отдала свое сердце и душу.

Когда мы, наконец, заканчиваем ужин, я все еще в хорошем настроении. Как обычно, папа оставляет нас одних, чтобы немного поработать в своем кабинете, пока мы с Куэйдом приводим в порядок кухню и моем посуду. Так было всегда, и я думаю, что это папин способ дать нам с Куэйдом немного времени побыть наедине под его крышей. После того, как он застукал нас с Картером за поцелуями пару лет назад, моя комната стала запретной зоной для мальчиков. Даже для Куэйда, который фактически живет в нашем доме.

— Ты была тихой весь ужин. Что-то не так? — Спрашивает Куэйд, когда я передаю ему тарелку, чтобы он вытер ее.

Я качаю головой, не желая смотреть ему в глаза.

— Врушка.

Я усмехаюсь, яростно оттирая тарелку.

— Ты злишься на меня или что-то в этом роде?

— С чего бы мне злиться на тебя? Ты сделал что-то, из-за чего я должна злиться?

— Нет.

— Ты собираешься сделать что-то, на что я могу разозлиться?

— Никогда.

— Тогда я не злюсь.

— Ты чертовски похоже на взбешенную, детка, — шутит он, ставя тарелку на столешницу и обнимая меня сзади за талию, положив подбородок мне на плечо. — Ты знаешь, что всегда можешь пойти со мной на одну из этих вечеринок. Я бы с удовольствием привел тебя. Одно твое слово, — шепчет он мне на ухо, точно указывая, почему я расстроена.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, ненавидя то, как он может так легко прочитать мою ревность. Как бы мне ни хотелось быть с Куэйдом и Логаном сегодня вечером, я не хочу, чтобы о моем субботнем вечере говорили. Я качаю головой, снова отклоняя его предложение, и Куэйд испускает долгий вздох. Он разворачивает меня, моя грудь прижимается к его груди, когда он прижимается своим виском к моему.

— Это просто вечеринка, Вэл. Я не собираюсь делать ничего, что заставит тебя разозлиться на меня. Просто потусуюсь с парнями и немного посмеюсь. Вот и все.

— Обещаешь? — Мой голос срывается.

Он нежно приподнимает мой подбородок костяшками пальцев, чтобы я могла потеряться в его зеленых глазах.

— Ты моя девушка, Вэл. Больше никто, — клянется он, и мои плечи мгновенно расслабляются.

Куэйд единственный, кто открыто говорит о своей любви ко мне. Логан скрывает это, в то время как Картер иногда даже не признает этого. Но не Куэйд. Его чувства ко мне так же прозрачны, как и мои собственные.

Он наклоняется и прижимается своими губами к моим беря мой рот в заложники, мой рот мгновенно открывается для его языка. На протяжении многих лет Куэйд никогда не стеснялся целовать меня. Он делает это часто и при любой возможности, которую только может найти. Я стону ему в рот, когда он углубляет поцелуй. Когда он отстраняется, мои глаза полуприкрыты, в то время как его затуманены похотью и любовью.

— Ты единственная девушка, которую я когда-либо целовал. Единственная, кого я когда-либо захочу поцеловать, — признается он с такой искренностью, что на моем лице появляется улыбка. — Никогда не забывай об этом, принцесса. Хорошо?

— Хорошо, — вздыхаю я, поднимаясь на цыпочки, чтобы получить еще один прощальный поцелуй, прежде чем он оставит меня.

Я просто надеюсь, что однажды он не уйдет навсегда.

Я переворачиваю страницу в своей книге, слова не могут привлечь мое внимание сегодня вечером. Моя голова все еще занята Куэйдом и Логаном, идущими на вечеринку Трейси. Я верю Куэйду, когда он сказал мне, что я единственная девушка, которую он когда-либо хотел. Но я не уверена, что Логан чувствует то же самое ко мне. И эта мысль выводит меня из себя. Я встаю с кровати, когда в соседнем доме загорается свет.

Картер в своей обычной черной одежде, его волосы растрепаны из-под байкерского шлема. В то время как Логан и Куэйд проводят субботние вечера на школьной вечеринке, Картер предпочитает кататься на байке по городу со своей верной камерой в руке. Он такой же отшельник, как и я, и, хотя дети думают, что я странная из-за того, что держусь особняком, его отчужденность придает ему таинственный вид. Я не настолько глупа, чтобы верить, что у Картера не было других девушек. Все они заискивают перед ним, и я слышала достаточно слухов, чтобы знать, что он берет то, что хочет, когда хочет. Я просто никогда не

была на том конце, где исполнялось его желание.

Это неправда.

Я была той, кто затормозил нас, и он больше никогда ничего не предпринимал. И я знаю почему. Он хочет, чтобы я сделала первый шаг. Он хочет, чтобы я пришла к нему. Прежде чем я успеваю притвориться, что не заглядываю в его комнату, он ловит меня с поличным. В игру вступает его мрачная ухмылка, и, если бы он только знал, как я превращаюсь в лужицу, когда он так на меня смотрит.

Он берет свой телефон, и я делаю то же самое.

Когда я отвечаю на звонок, он ничего не говорит, только дышит в трубку, и это что-то со мной делает.

— Хочешь, я приду? — Наконец он говорит.

— И что будешь делать? — Улыбаюсь я.

— Я не знаю. Отвлеку от того, что тебя беспокоит?

Даже с такого расстояния он все еще видит меня насквозь.

— И как ты это сделаешь?

— Я могу придумать много способов, — говорит он, сидя на подоконнике, его проницательный взгляд не отрывается от моего.

Я сижу на подоконнике перед ним, изо всех сил пытаясь сдержать хриплый смех.

— Просвети меня, — поддразниваю я.

— Валентина, не искушай меня.

— Я не искушаю.

Его смех грубый и мужественный, и мое сердце сжимается от этого звука. Он смотрит вниз, на первый этаж дома, его губы поджимаются в хмурой гримасе.

— Твой папа все еще не спит.

Другими словами, он не придет. Он слишком уважает моего отца, чтобы проникнуть в мою комнату. Поскольку их отношения всегда были немного неспокойными, Картер делает все возможное, чтобы не задевать зверя, которым является мой чрезмерно заботливый отец. Я знаю, что папа заботится о нем так же сильно, как о Логане и Куэйде, но в случае с Картером он чувствует в нем опасность того, кто скорее попросит прощения, чем попросит разрешения.

— Неважно, — добавляет Картер с самодовольной ухмылкой на лице. — Я все еще могу избавить тебя от мыслей, о которых ты слишком много думаешь.

— Правда можешь?

— Да. Но ты должна следовать моим правилам. Ты можешь это сделать?

Заинтригованная, я киваю.

— Иди, возьми свой стул и придвинь его к окну.

— А?

— Никаких вопросов. Просто делай что говорю.

В замешательстве я делаю, как он говорит, и подхожу к своему столу, чтобы подвинуть стул поближе к окну.

— Теперь сядь.

— Я почти закатываю глаза, но, когда я бросаю на него мимолетный взгляд, я вижу, что он тоже сидит в кресле. Мне видны только верхняя часть его груди и лицо.

— Включи громкую связь и положи телефон на подоконник, — приказывает он.

— Папа может услышать, — возражаю я, боясь, что мой отец может подняться наверх и

подумать, что Картеру каким-то образом удалось проникнуть в мою комнату.

— Тогда надень наушники, если боишься, — подталкивает он, и я посылаю его, прежде чем положить телефон на подоконник передо мной.

Он издает смешок, и это согревает мои внутренности. Картер почти никогда не смеется, но, когда он смеется, мне кажется, что я наблюдаю, как темные тучи расступаются после шторма, открывая ничего, кроме голубого неба.

— Закрой глаза, Валентина, — шепчет он достаточно тихо, чтобы только я могла слышать его голос.

Нерешительно и неохотно я закрываю глаза, когда он приказывает. Не потому, что я ему не доверяю, а потому, что я предпочла бы быть прикованной к нему взглядом, чем лишиться его. Я ерзаю на своем стуле, когда он дышит в трубку.

Вдох и выдох. Вдох и выдох.

Звук становится песней любовника, блаженно расслабляя все мои конечности, в то время как биение моего сердца становится почти таким же громким, как его нежное дыхание.

— Проведи руками по своим обнаженным бедрам, Валентина, — командует он.

Я делаю, как он говорит, и теперь благодарна, что мои глаза закрыты.

— Нежно, — шепчет он, его тон такой гравийный и густой, что я чувствую, как он целует мою кожу.

— Раздвинь ноги.

Я сухо сглатываю, следуя его команде.

— Потрогай себя поверх трусиков.

Мое бьющееся сердце пропускает удар, когда я слышу, как он ерзает на своем месте.

— Что ты делаешь? — Спрашиваю я, затаив дыхание.

— Что ты должна делать. Я отдал тебе приказ, Валентина. Ты собираешься быть хорошей девочкой и закончить с этим или собираешься делать то, что я говорю?

Я провожу подушечкой большого пальца по передней части своих трусиков и шиплю от чудесного трения, которое это создает. Красный горячий румянец поднимается от пальцев ног до макушки головы, но я не останавливаюсь.

— Сдвинь трусики в сторону, детка. Я хочу, чтобы на твоих пальцах осталось то, что я заставляю тебя чувствовать, даже не прикасаясь к тебе.

Я сглатываю, когда делаю, как он говорит, обнаруживая, что мое нутро влажное и нуждающееся, как он и предсказывал. Я играю со своими складочками, вверх и вниз, пока не нажимаю на свой чувствительный клитор, сначала слегка поигрывая с ним, пока сводящего с ума ритма больше не становится достаточно.

— Представь, что это мой язык пробегает вверх и вниз по твоим складочкам. Мои зубы касаются твоего клитора, заставляя твою киску умолять меня, — ворчит он.

Мои губы приоткрываются при виде образа, который он вложил мне в голову, в то время как мои ноги раздвигаются сами по себе, просто чтобы прохладный воздух пощекотал мою открытую сердцевину.

— Вот так просто, — стонет он.

— Что ты себе представляешь? — Рискну предположить я, мой хриплый голос выдает, насколько я возбуждена.

— Тебя на коленях передо мной, высасывающую меня досуха.

— О… Боже, — мяукаю я, не готовая к такому ответу.

Это что-то делает со мной фантастическое, когда я думаю, что Картер получает удовольствие от изображений своего члена у меня во рту.

— Блядь! — Стонет он. — Я чертовски сильно хочу кончить в твой хорошенький ротик, детка. Но сначала мне нужно, чтобы ты кончила на мой. Оседлай мое лицо, Валентина. Иди за мной, детка.

Его слова впечатываются в мою разгоряченную кожу. Он так далеко, и все же он прямо в этой комнате со мной. Любит меня и сводит с ума от желания.

— Ты такая чертовски вкусная, — продолжает провоцировать он. — Я чувствую твой вкус отсюда. Клубника со сливками. Это опьяняет.

Моя голова откидывается назад, когда я позволяю его словам вести меня над пропастью. Ослепляющий белый свет разрывает меня на части, в то же время я слышу, как Картер издает стон, освобождаясь. Моя грудь вздымается вверх и опускается, когда я возвращаюсь в сознание.

— Открой глаза, Валентина.

Мои веки широко открываются, и я вижу его стоящую фигуру, он заглядывает в мою комнату и видит, как я открываюсь для него, мои соки все еще покрывают мои бедра. Я облизываю губы, когда он накрывает свой все еще твердый член поверх расстегнутых джинсов.

— Сладких снов, детка, — говорит он с кокетливой ухмылкой, а затем завершает одно из самых сексуальных событий, которые у меня когда-либо были, выключая свет в его спальне и вешая трубку.

— Мудак, — бормочу я с довольной усмешкой на губах, следуя его примеру и выключаю свет в своей спальне.

Я падаю на кровать, прижимаю подушку к груди и блаженно засыпаю с мечтами о том, что однажды Картер полюбит меня по-настоящему.

Однажды.

Однажды все мои мечты осуществятся.

Однажды.

ГЛАВА 3
СЕЙЧАС
ВАЛЕНТИНА

Я влюбилась во Флоренцию с того момента, как мы туда попали. Будучи девочкой, я прочитала "Агонию и экстаз" Ирвинга Стоуна, и я стала одержима работами Микеланджело и всегда мечтала когда-нибудь увидеть их. Возможность увидеть вблизи, это сбывшаяся мечта, и это первое, что я забронировала для нас, как только мы оставили наши сумки в отеле.

— У меня такое чувство, будто я ступила на страницы книги по истории, — практически кричу я, когда мы идем по мощеным улицам.

— Ты не чувствовала этого в Париже и Испании? — Спрашивает Логан, обнимая меня за талию и притягивая ближе.

— Это место просто другое, разве ты этого не чувствуешь?

Сегодня я чувствую себя хорошо, мне даже не пришлось принимать некоторые из моих таблеток. В глубине души я задаюсь вопросом, не является ли то, что я испытываю, временным кайфом, который испытывают многие больные раком в конце жизни, но я отбрасываю эту мысль прочь.

— Ладно, кроме того, что ты пялишься на чудовищный мусор Дэвида, что мы делаем во Флоренции, красотка? — Спрашивает Куэйд.

Он ухмыляется мне, когда я закатываю на него глаза. Мы определенно здесь не для этого.

— Мы собираемся повесить наши любовные замки на Понте Веккьо.

Куэйд недоверчиво смотрит на меня.

— Наши любовные замки? — Он смотрит на Логана и Картера. — Должны ли мы проверить ее температуру? Она, наконец, сошла с ума?

— Аар-аар, — саркастически фыркаю я, но оставляю счастливый поцелуй на губах Куэйда, удивляя всех нас. Я просто так счастлива, что мы здесь, что мы вместе. — Фольклор гласит, что если мы повесим наш замок на мост с нашими инициалами, начертанными на нем, и бросим ключ от замка в реку, то наша любовь будет длиться вечно, — объясняю я, даже не заботясь о том, как смешно это звучит.

Ребята вокруг меня переглядываются, я уверена, им интересно, как их втянули в такое дело.

— Я думаю, нам нужно купить замок, — говорит Логан, как всегда первым соглашаясь со мной во всем, когда он целует меня в лоб и притягивает ближе к себе.

Логан казался более умиротворенным после нашего разговора, более приспособленным к этим отношениям, которые мы восстанавливаем. Мы больше не занимались любовью, фактически, у нас почти не было физического контакта с тех пор, что случилось. Каждое прикосновение их кожи к моей разжигает пламя, разгорающееся внутри меня. Я отчаянно нуждаюсь в них. Во всех них. И с каждой секундой мое желание растет.

Находясь здесь, в городе, который просто дышит романтикой…Я не думаю, что смогу контролировать себя.

Я разинула рот, когда мы прогуливались по галерее Академии. Даже детские выходки парней по поводу моего предполагаемого вожделения к упаковке Дэвида не могут отвлечь меня от окружающей меня красоты. При виде "Раба Микеланджело" вблизи я чуть не плачу, как и от его флорентийской пьеты. Я ошеломленно разглядываю каждую деталь.

Примерно в это время Куэйд начинает свою скрытую атаку. Поначалу он просто начинает задевать меня немного чаще. Сначала я не понимаю, что он делает, но в третий раз, когда его рука касается моей задницы, я понимаю, в чем заключается его маленькая игра.

Логан и Картер болтают о чем-то впереди нас, поэтому они не знают о намерениях Куэйда. Довольно скоро это становится и моим намерением. Я провожу пальцем по своему декольте, пока мы смотрим на большую вазу, выставленную на подставке, привлекая взгляд Куэйда к моей груди. Проходя мимо, я задеваю его спину, даже если в коридоре нет прохожих. Когда мы выходим и берем мороженое, я обязательно непристойно облизываю его. Это, конечно, привлекает взгляды всех троих, и Логан с Картером подозрительно

переводят взгляд с Куэйда на меня. Куэйд даже не пытается скрыть, что он задыхается от вожделения. У него на лице написано, что он бы в мгновение ока затащил меня в угол, если бы ему дали шанс.

И я действительно хочу, чтобы у него был шанс.

Мы стоим на площади Синьории и осматриваемся, когда Куэйд решает, что с него хватит. Я хотела бы отдать должное романтике города, когда солнце садится вдалеке, но, вероятно, дело в том, что я только что в сотый раз за сегодняшний день коснулась его члена. Что бы это ни было, он шепчет что-то срочное Логану и Картер, а затем направляется ко мне. На лице Логана понимающая ухмылка, Картер выглядит огорченным и ревнивым, но, по крайней мере, он не выглядит разъяренным, как ранее в этой поездке. У меня едва появляется шанс помахать на прощание Логану и Картеру, прежде чем Куэйд тащит меня прочь, идя так быстро, что я едва поспеваю.

Я думаю, кому-то не терпится.

Мне тоже.

КУЭЙД

Прямо сейчас я едва могу ясно мыслить. Единственные ясные мысли в моей голове - Валентина. Обнаженная. Сейчас. Мой взгляд сканирует наше окружение, пока мы идем, пытаясь увидеть, есть ли какое-нибудь место, куда я мог бы ее отвести. Я не уверен, что смогу добраться до отеля.

Черт.

— Что ты ищешь? — Спрашивает она, затаив дыхание, и до меня доходит, как быстро я шел. Меня так и подмывает подхватить ее на руки, чтобы мы могли двигаться быстрее, но это, вероятно, привлечет слишком много внимания ... и тревоги. Я не думаю, что кто-нибудь здесь знает, кто я, но они, вероятно, подумали бы, что я похищаю ее, если бы я подхватил ее на руки и начал убегать. Я уверен, что выражение моего лица сейчас тоже немного свирепое.

— Место, где тебя можно трахнуть, — бормочу я, съеживаясь, даже когда слова слетают с моего рта.

Я имею в виду заняться любовью.

Очевидно.

С Валентиной все сводилось бы к занятиям любовью. Даже если это сложно, и грубо. Прижатой к стене.

Блядь.

Она хихикает позади меня, очевидно, услышав меня. И я ухмыляюсь тому факту, что ее не остановили мои грубые выражения. Я никогда не чувствовал ничего подобного. Даже в тот первый раз с ней. Это гребаное отчаянное желание соединиться с ней, быть с ней.

— Я думаю, итальянцы могут неодобрительно относиться к публичной демонстрации наготы, — говорит она, немного запыхавшись.

— Ты нас видела? Мы чертовски сексуальны. Они подумают, что это подарок, — шучу

я, хотя теперь, когда я думаю об этом, мысль о том, что кто-то, кроме меня, увидит ее обнаженной, заставляет меня чувствовать себя немного сумасшедшим внутри. Как сумасшедший Халк снаружи.

За исключением, я полагаю, Картера и Логана, неохотно признаю.

— Мы всего в нескольких кварталах от отеля, верно? — В отчаянии спрашиваю я.

Она снова хихикает, и, если уж на то пошло, мой голод усиливается только от того, что я слышу этот звук.

— Да, мы почти на месте. Особенно такими темпами.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее с широкой ухмылкой.

— Должны ли мы соревноваться? Первый получит минет?

В ее глазах появляется странное выражение, и на секунду я беспокоюсь, что она обиделась. Очевидно, я шучу насчет минета.

Вроде того.

Затем внезапно она срывается с места, проносясь мимо меня по направлению к отелю. Она быстрая. На эти длинноногие ноги стоит посмотреть. Сияющий загар, который она приобрела в Испании, только улучшает вид на нее сзади. Но я прямо над ней, прикасаюсь к коже везде, где только могу. Ее хихиканье подстегивает меня. Мы в нескольких минутах от отеля. Я хватаю ее прямо перед тем, как мы подходим ко входу, поворачиваю ее так, что мы смотрим друг другу в глаза. Обычно в ее взгляде большую часть времени, с тех пор как мы воссоединились, скрывается печаль, но не сейчас.

На данный момент есть только необходимость, и это то, с чем я знаю, как работать. Наше дыхание, усиленное бегом, соприкасается между нами, пока не останавливается совсем, когда я прижимаюсь губами к ее рту. У меня нет ни мысли, ни шанса остановиться, и я ни за что не позволю ей передумать. Я облизываю ее рот, как будто она лучше всего, что я пробовал раньше, и это правда. Я опьянен Валентиной, поглощен всем, что связано с ней. Сладкий привкус ванили, клубники и секса захватывает меня.

Это так чертовски хорошо.

Я хочу смаковать каждый кусочек, пока не смогу съесть все… всю ее.

Мои руки удерживают ее в плену у внешней стены отеля. К счастью, сейчас тихо, слава гребаным небесам. Потому что я не могу скрыть свою реакцию на нее, когда мы так близки, и я не стыжусь этого. Она беззастенчиво прижимается ко мне.

— Продолжай в том же духе, принцесса, и все закончится, не успев начаться, — предупреждаю я ее, облизывая мочку уха. Она поворачивает голову так, что наши губы соприкасаются.

— Мы бы этого не хотели.

Ее дыхание обдает мой рот, когда она говорит, и я впитываю все. Фуууух, я потерян в ней во всех отношениях. Она вздыхает и поворачивается в моих руках, пока мы не прижимаемся грудь к груди, бедро к бедру. Я придвигаюсь еще ближе, устраняя малейшее представление о разделении. Больше нечего желать от жизни после того, как ее руки поднимутся и сомкнутся на моей шее. Микеланджело, блядь, мог восстать из мертвых и стоять у меня за спиной, а я бы этого не заметил. Моя единственная мысль, затащить ее в постель, или к стене, или куда угодно, где у меня есть шанс войти в нее.

Она смотрит на мой рот с тяжелыми веками. Когда появляется ее язык, обводящий линию ее нижней губы, я теряю всякое чувство времени и готовлюсь погрузиться в нее. Блядь. Я прижимаю свой твердый член к ее животу. Там так хорошо. Как раз в этот момент я

слышу неподалеку щебет смеха, и это возвращает меня к тому факту, что я борюсь с любовью ко всему, что есть в моем существовании, у стены самого общественного отеля.

Блядь. Блядь. Блядь.

Пришло время зайти внутрь.

— Давай воссоздадим этот кусочек рая внутри, принцесса, — говорю я ей, уткнувшись носом в ее горло, даже когда продолжаю покрывать поцелуями самую нежную кожу, которую я когда-либо ощущал.

Она откидывает голову назад и смеется.

— Это твоя худшая реплика за все время.

Мои пальцы погружаются в ее волосы, удерживая ее на месте, пока я царапаю зубами ее шею.

— Это работает?

— Да. Но я почти уверена, что ты мог бы сказать что угодно, и я бы завелась прямо сейчас, — признается она тем же задыхающимся голосом, который угрожает свести меня с ума.

Я делаю глубокий вдох, чтобы попытаться взять себя в руки.

— Хорошо. Нам нужно зайти внутрь. Прямо сейчас, — рычу я, подхватывая ее на руки и маршируя через главный вход.

Люди могут думать, что им, блядь, угодно. Пока копы не помешают тому, что вот-вот произойдет, мне наплевать. Валентина утыкается лицом мне в шею, пока я прохожу через вестибюль. Люди пялятся и шепчутся, но Валентина решает, что сейчас самое подходящее время провести языком по коже на моей шее, так что, честно говоря, мне нужно сосредоточиться на других вещах.

Лифт, это урок самоконтроля, и я чувствую, что заслуживаю олимпийской медали за то, что продержался так долго, не изнасиловав ее. В сотый раз с тех пор, как мы воссоединились, я задаюсь вопросом, как я вообще жил без нее. У меня уходит пятьдесят лет на то, чтобы найти карточку-ключ в кармане, и, наконец, Валентине приходится доставать свою из сумочки, потому что у меня это занимает так много времени. К счастью, она не комментирует тот факт, что все это держится на том, насколько сильно у меня трясутся руки.

Я чертовски люблю эту девушку.

Мы заходим внутрь, и я готов трахнуть ее на полу перед входом, если понадобится. Однако, к моему удивлению, она говорит:

— Поцелуй меня медленно.

И все, блядь, я медленно целую ее. Я прижимаюсь к ее сладкому телу и проглатываю ее ответный стон. Я чувствую себя более чем потрясающе. Она тоже здесь, со мной, ее великолепные золотистые глаза затуманены похотью, а зрачки расширяются. Пульс на ее шее завораживает меня, так как он бьется вместе с быстрым подъемом и опусканием ее груди. Она касается моей щеки, проводит пальцами по моему рту.

— Я хочу, чтобы он был на мне повсюду. Сейчас.

Наши губы приоткрываются в унисон, когда я снова прижимаюсь к ней. Как будто слишком много нужно сказать, и не хватает времени, чтобы вместить все это.

— На этот раз конца не будет. Это будем ты и я. И они. Навсегда. И не важно, куда ты уйдешь…Я найду тебя, и мы будем вместе. Ты меня понимаешь?

Втягивая нижнюю губу в рот, она сосет ее. Черт, мне нужна эта девушка. В этот момент

меня не волнует ни то дерьмо, которое произошло в прошлом, ни то, как она разбила мне сердце. Или тот факт, что я безнадежно облажался и мы будем вместе вечно, вероятно, потребует от меня снова и снова умолять ее простить меня.

Все это не имеет значения, потому что прямо сейчас, когда она прижата ко мне, румянец ползет вверх по ее груди, я хочу ее так, как никогда не хотел ни одну другую женщину прежде.

Она кивает, и моя душа словно расслабляется от облегчения.

Ее губа отрывается от того места, где она ее прикусила, и я нахожусь на ней. Я хочу проглотить ее, но вместо этого прикусываю маленькими укусами, медленно и размеренно, чередуя верхнюю и нижнюю части, покусывая, посасывая и оттягивая. Мои губы медленно скользят по ее губам, она приоткрывается для меня в приглашении, и я принимаю. Этим поцелуем я бросаю ей вызов впустить меня, позволить мне быть с ней и заставить ее за один момент почувствовать больше, чем за последние десять лет.

Когда я отстраняюсь, ее губы припухшие, а глаза мягкие. У меня внутри все сжимается, и я снова целую ее, долго и сильно. Мы переплелись языками, руками и ногами. Это почти чересчур, и желание сорвать барьеры и вонзиться в ее тугое, готовое тело сокрушительно. Я хочу услышать, как она выкрикивает мое имя, но я обещал медленно, и я никогда не нарушу данное ей обещание.

Все в ней восхищает. Низкие стоны, которые я улавливаю и отвечаю своими, сладкий вкус ее рта, теплая медовая ваниль и ее тело, прижатое к моему. Сосредоточившись на ее руках, я провожу ими по своей спине, поднимая, а затем загребая под футболку. Она впивается мне в спину и удерживает.

Черт возьми, она понятия не имеет, что она со мной делает. Или, может быть, она знает, и это игра…она играет со мной, пока я не сломаюсь.

Я охотно отдам ей все, если она захочет.

Мой язык проникает глубже в ее рот с намерением опустошить, раздавить и избивать ее чувства, пока она не сможет думать только обо мне. Мой рот, мое тело, все ее и все, что она захочет. Я дам это ей. Я не сдаюсь, облизываю ее губы, а затем погружаюсь глубже, переходя к неглубоким поглаживаниям и легким пощипываниям и обратно. Ее пульс учащен, и он совпадает с моим. Я чувствую это, ее дыхание, приходящее прерывистыми волнами, и вибрацию ее стона. Черт возьми, я тверже, чем когда-либо был. Я хочу быть внутри нее больше, чем сама жизнь, но я продолжаю идти.

Это для Валентины.

Я хочу, чтобы мое имя было в ее сердце, жило и дышало там с каждым ее вздохом.

Я хочу большего.

Ее бедра начинают крошечные фрагментированные движения напротив меня, чтобы найти трение. Я должен прикоснуться к ней.

— Куэйд, — стонет она мне в рот, звук такой сладкий, что мог исходить только от нее.

— Валентина? — Спрашиваю я, желая, нет, нуждаясь услышать, как она умоляет об этом.

Теперь ее очередь пялиться. Ее остекленевшие глаза блуждают по каждому дюйму моего лица и шеи, только чтобы снова скользнуть к моим волосам, за которые она хватается, чтобы удержать меня неподвижно.

— Прикоснись ко мне, — шепчет она, прижимаясь своими бедрами к моим. — Пожалуйста.

— Где?

— Здесь. — Она снова двигает бедрами, и я улыбаюсь, прежде чем завладеть ее ртом, сначала медленно, затем быстрее и глубже, когда моя рука поглаживает ее грудь. Позже будет время поиграть с ее идеальными сиськами. Прямо сейчас мне отдали приказ, и с Валентиной я всегда стремлюсь угодить. Я наблюдаю за ней, пока моя рука скользит по внешней стороне ее бедра, вдоль края ее шорт, шорт, которые дразнили меня весь день, чтобы погладить гладкую кожу прямо там, где, я знаю, меня ждут небеса.

Невозможно оставаться спокойным, это ее вина, вся ее гребаная вина. Если бы она не была такой потрясающей, я мог бы притормозить, но мне нужно почувствовать ее влажную и тугую вокруг меня. Схватив ее за бедро, я тяну, вдавливая свой член в плотное сжатие ее бедер, и она стонет. Музыка для моих ушей.

— Позволь мне услышать тебя.

Я врываюсь в нее снова и снова, пока она не начинает задыхаться, и я боюсь, что взорвусь, как девственник на первом свидании.

— Я хочу, чтобы ты прикоснулся ко мне, — шепчет она, направляя мою руку именно туда, куда она хочет, и теперь моя очередь стонать. Мне нравится, что она открыта и готова просить о том, что ей нужно.

— Читаешь мои мысли, — шепчу я, прежде чем поцеловать ее. Ничего не сдерживая, я наказываю ее рот. Поцелуй жесткий и глубокий, в то время как моя рука расстегивает пуговицу и молнию ее шорт. Отстраняясь, я смотрю в ее ошеломленные глаза, затем на ее раскрасневшееся лицо и плоский живот. Мы оба наблюдаем, как мои пальцы скользят вниз по ее шортам и мелькают кружева под ними. Ее кожа шелковая, роскошная и предназначена для самых богатых мужчин…предназначена для меня.

— Блядь, принцесса. — Я опускаю голову к ее волосам, когда мой палец скользит по влажной оболочке ее губ. — Ты самое совершенное, что я когда-либо видел ... что я когда-либо чувствовал.

ВАЛЕНТИНА

Я сошла с ума. В хорошем, отупляющем виде. Куэйд знает, как целоваться, пока не исчезнут все мысли. Я без ума от него, готова к тому, что он сделает со мной все, что захочет. Я бы умоляла, если бы он попросил меня об этом. Когда его рука проникает мне под трусики, реальность того, что мы делаем, поражает меня.

Куэйд здесь. Он на самом деле здесь, со мной. Он больше не сон. Он не воспоминание, к которому я прикасаюсь по ночам. Он прямо здесь. Осознание этого, едва ли не больше, чем я могу вынести.

— Расслабься, — шепчет он мне на ухо. — Ты можешь отпустить себя. Я всегда тебя поймаю. — В его голосе слышатся сексуальные нотки, а затем его пальцы, два из них, проскальзывают в меня, и я теряюсь.

— Твою мать, принцесса. Ты такая влажная и тугая… Я хочу, чтобы мой рот был на

тебе.

Я напеваю, потому что потеряла способность говорить.

Я бы позволила ему делать все, что он захочет, потому что мне так хорошо. Расслабляясь, просто чтобы сосредоточиться на ощущениях, я впитываю все его тело, прижатое к моему, когда я покачиваюсь в его руке. Он погружается глубже, обхватывая меня так, что его ладонь трется о мой клитор.

— О, — наполовину плачу, наполовину стону я. — Куэйд.

Я ищу его рот, и он там, как раз когда мне это нужно больше всего. Накрывая мои губы своими, он вбирает в себя каждый прерывистый вдох и пробормотанное слово. Больше, глубже, быстрее, жестче, а затем повторяется до тех пор, пока я не смогу дышать. Мои руки ищут его запястье, удерживают его, показывая ему путь, втягивая его глубже в меня, потирая и погружаясь глубже, снова и снова.

— Да, о… черт, Валентина, я хочу видеть, как ты кончаешь. Я хочу почувствовать это. —Наши губы соприкасаются, едва касаясь, когда его слова омывают меня. Эта версия Куэйда все еще нова для меня, но ощущение его прикосновения к моему телу такое, словно мы со временем слились воедино.

В этот момент я отпускаю страх и беспокойство о будущем, которого у нас не будет. Здесь только я и Куэйд, к черту все остальное. Мы находим идеальный ритм. Его пальцы имитируют толчок его бедер, двигаясь и проникая глубоко. Наклоняясь вперед, он находит это место, это прекрасное место, где можно снова прикоснуться ко мне. И он находит. Снова и снова ударяя по нему, и в то же время проводя подушечкой большого пальца по моему клитору. Я чувствую, как это начинается, зарождающееся давление распространяется медленно, а затем с нарастающей силой. Мой оргазм нарастает, превращаясь в накатывающую волну. Напрягаясь, мои ноги подтягиваются и замыкаются, когда я раскачиваюсь взад-вперед, сжимаясь вокруг него.

— Да, — тихо восклицаю я. Это напряженно, потрясающе напряженно, и я теряю все из виду, пока взбираюсь на вершину, разрушаю ее и возвращаюсь к реальности на изломанном гребне. Его рука нежно массирует остатки моей кульминации, и это потрясающее ощущение. Наклоняя голову к его шее, я вдыхаю долгими затяжками его богатую, неповторимую мужественность: немного пота, солнца и только его. Теперь он смешан со мной и сексом.

Этот запах мой. Слово “мой” никогда не звучало так хорошо, как с моими мужчинами. Эта мысль неистовствует в моей голове. Это неоспоримая истина. Эти мужчины никогда не будут ни с кем, кроме меня точно так же, как я никогда не была и не буду ни с кем, кроме них.

Я смотрю в великолепные зеленые глаза Куэйда. Они полны благоговения, и я наслаждаюсь его улыбкой. Она начинается с маленькой, дразнящей ухмылки, и она растет, растягиваясь по всему его лицу. Когда он так широко улыбается, на его левой щеке появляется маленькая ямочка. Моим пальцам некуда идти, кроме как к его лицу, пробегая по нижней губе, а затем в эту совершенно очаровательную впадинку.

— Это было сексуально, — ухмыляется он, наклоняясь, чтобы завладеть моим ртом. Это коротко, но в то же время потрясающе. — Я мог бы жить с этим воспоминанием всю оставшуюся жизнь и остаться удовлетворенным. — Он все еще не убрал руку. Я ахаю, когда он скользит глубже, и я сжимаюсь вокруг него. Теперь он у моего уха, покусывает и шепчет:

— Тебе так хорошо рядом со мной, и будет только лучше. Ты готова для меня?

ДА. Ответ, черт возьми, да.

КУЭЙД

Спустя, кажется, годы, мои руки наконец-то на ее идеальной груди. Все еще живя воспоминаниями о том, как ее киска сжимается под моими пальцами, я жажду большего. Я сжимаю и тяну, пока ее всхлипы не перерастают в полномасштабный стон. Тугие кончики впиваются в мою ладонь, когда я сжимаю ее идеально плотно. Я отстраняюсь, и она судорожно глотает воздух. Улыбаясь, когда она шепчет

— Да, — я наклоняюсь, чтобы взять их в себя, распахиваю ее блузку, чтобы обнажить ее груди для моего языка.

Я поглощаю ее, забирая и отдавая все это обратно, чтобы мы могли начать сначала. Ее всхлипы заставляют мой член подергиваться, а ее блуждающие пальцы разжигают мой пульс. Прижимая ее спиной к двери, я выравниваю наши тела. Единственная причина оторвать наши рты друг от друга, смотреть на ее прикрытые веки, на ее губы, разбитые о мои. С преднамеренной концентрацией я перекатываю и вдавливаю в нее свой член. Моя цель идеальна. Ее долгий стон убеждает меня в этом. Я снова отступаю назад и нажимаю глубже, и на этот раз это мое имя, длинное и растягивающееся на вдохе.

— Куэйд.

Я улыбаюсь. Собственнический ублюдок внутри меня радуется тому факту, что она произносит мое имя. Не Картер. Не Логан… Хотя, я слышал его имя совсем немного прошлой ночью.

— Снимай одежду, — приказываю я, хватит ждать. Я ждал этого момента с той секунды, как увидел ее там в этом гребаном идеальном красном платье, стоящей под Эйфелевой башней, как фантазию, на которую, как я думал, у меня никогда не хватит смелости.

Я думал, что вообразил глубину своих чувств к ней, я думал, что стал невосприимчив к чувствам, которые сейчас тяжелым грузом давят на мою голову и, вполне возможно, душат мое сердце.

Будь я проклят, если позволю ей уйти, не испытав того же чувства.

Даже если на это уйдет остаток наших жизней, я буду уверен, что, когда ее глаза откроются, она вспомнит, где я был. Весь в ней.

— Сейчас, — рычу я, когда она не двигается. Ее глаза затуманены намеком на опасение. Этого я не могу понять. Эта девушка самая красивая, которую я когда-либо видел. — Посмотри на меня, принцесса. — Твоя рубашка, это первое, что нужно снять. Ее глаза несколько лихорадочно блуждают по моей груди и рукам, следуя по линии моего пресса к болезненной припухлости спереди моих штанов, ее дыхание учащается, ее соски заостряются, ее грудь поднимается и опускается, пока я потираю себя.

— Ты хочешь это? — Спрашиваю я.

Облизывая губы и кивая, она выдыхает:

— Да.

— Тогда покажи мне себя всю. Я хочу увидеть все, прежде чем прижму тебя к стене, и на столе, и возьму тебя в рот.

Я бесстыдно потираю себя, когда шоу начинается с ее шорт. Бедра Валентины покачиваются, когда она опускает их по своим стройным ногам, задница покачивается, когда они медленно опускаются, оставляя ее в стрингах, которым я хочу поклоняться. Она оборачивается, покачивая задницей и оглядываясь через плечо. Я не могу отвести от нее глаз, я буквально приклеен к каждому движению, а затем она снимает рубашку.

Я стону, когда она обнажена передо мной. Она худая. На мой взгляд, слишком худая, но это не умаляет того факта, что она самое совершенное создание, которое я когда-либо видел.

Слова теряются где-то в моем мозгу, когда она поворачивается, скрестив руки на груди, чтобы защититься от моих любопытных взглядов.

— Ты великолепна, — выдыхаю я, подразумевая это каждым вздохом своего тела. Опустив руки по швам, она замирает на минуту, пока я насыщаюсь, глядя на нее.

ВАЛЕНТИНА

Я слышу страстное желание в грубых нотках его голоса, я чувствую это в каждом прикосновении его рта к моему, и блуждающий жар его рук и пальцев подтверждает это. Я стою перед ним обнаженная, и его глаза ясно выражают его намерения. Из-под тяжелых век его ясный взгляд блуждает по каждому дюйму моей кожи.

— Я жду, — шепчу я.

Он ухмыляется. Наклоняясь, я обвиваю руками его шею, так что наши груди соприкасаются. У него перехватывает дыхание, когда мои соски касаются его, и тогда игра окончена. Меня вдавливает сначала в него, а затем в стену. Его рту не хватает самоконтроля, который он демонстрировал до сих пор. Он грабит, крадя мое прерывистое дыхание и издавая всхлипы одновременно с тем, как мои колени слабеют от нападения. Замедляясь ровно настолько, чтобы прикусить мою нижнюю губу, он погружается в нее, а затем высасывает жжение. Мое хныканье, перешедшее в стон, наполняет комнату, и я все еще не смущена. Я охвачена желанием. Отрывая свой рот от его, я хватаю ртом воздух, когда он подтверждает, что я оправдала оба его ожидания.

— Валентина. — Его голос, грубое пятно на фоне шелковистого скольжения его пальцев.

Воздух прохладен на моей коже, когда его тепло исчезает. Достав из кармана презерватив, он надевает его на место. А затем он возвращается, и я оказываюсь в ловушке между его телом и стеной. Я не могу говорить. Единственное, что я знаю, это то, что я жажду его. Мои бедра раскачиваются, чтобы передать сообщение, с которым у моего рта проблемы.

Я сосредотачиваюсь на его бровях, когда я растворяюсь в нем.

— О чем ты думаешь? — Я выдыхаю, не уверенная, почему я должна знать это прямо в

эту минуту.

Стон вибрирует в его груди, а затем его рот нависает над моим, не для поцелуя, просто ожидая, пока он смотрит мне в глаза.

— Ты хочешь знать все?

— Да. Все.

— О том, что я с радостью потеряю себя в тебе навсегда. Я хочу утонуть в тебе, чтобы утро никогда не наступило. Я думаю обо всех вещах, которые я хочу сделать с тобой своими руками, своим языком, своим телом и там, где я хочу тебя. Но это... — Он прижимается к моему входу, открывая мое тело, чтобы принять его. — Я хочу, чтобы это продолжалось вечно. — Две вещи происходят одновременно. Я использую его шею как рычаг, чтобы подпрыгнуть и обхватить ногами его талию. Он опускает голову мне на плечо, чтобы наблюдать, как он продвигается вперед, проскальзывая дюйм за дюймом, медленно, глубоко, и мы пульсируем вместе. Я хватаю его за волосы и мяукаю, когда он растягивает меня, раскрываясь, такой полный, такой хороший. Облегчение от того, что он внутри меня, посылает дрожь по моему позвоночнику, и рябь окутывает его.

Его рот находит мой, и мы целуемся, долгая, влажная имитация его отступления и скольжения обратно, пока деваться больше некуда. Животная потребность берет верх, и я вонзаю ногти в его спину. Я хочу жестко и быстро. К черту это медленное вращение его бедер, раз, другой, с каждым разом погружаясь все глубже.

— Быстрее, Куэйд. — Я не хочу, чтобы он медлил ни секунды. — Да!

И вот это начинается. Он вытаскивает почти до конца, только чтобы вонзиться обратно, снова и снова. Начиная с жестокого темпа, он прижимает меня к стене, и мне некуда деваться, нет выбора, кроме как принять его. Каждый удар глубже предыдущего, и я чувствую его повсюду. Я идеально балансирую между удовольствием и болью. Когда я сыта, он испытывает сладостное пронзительное наслаждение, и тогда я боюсь, что он уйдет, пропуская растяжку, пока он не вернется снова. Это прекрасная отдача. Я теряю себя, требуя того, что мне нужно, чтобы закончить тем, что я хочу. Я хочу момента, когда мир исчезнет, и я ничего не почувствую, ничего, кроме сильного удовольствия, и я готова сделать все, чтобы достичь этого.

Мной овладевает дикая самозабвенность, и я кусаю его за плечо, пока его рычание не вибрирует у моей груди. Я дергаю его за волосы и направляю его рот туда, куда я хочу, везде. Губы, шея, соски, я говорю это вслух и своим телом. Я не позволю ему быть нежным. К черту нежность. Я вынуждаю его быть грубым, или, может быть, он делает это добровольно, в любом случае, мы здесь вместе. Отойдя от стены, он укладывает меня плашмя на диван, мои ноги перемещаются с его талии на его плечи. Он покусывает и посасывает дорожку вдоль моего пульса, когда он поднимается вверх по ноге. От внутренней стороны лодыжки до середины бедра, он наклоняется надо мной, только чтобы посмотреть мне в глаза. Его эрекция скользит на новую глубину. Мой рот приоткрывается от вздоха, который застревает у меня в горле только для того, чтобы с каждым толчком вырываться прерывистым шепотом. Он наблюдает за мной, совсем как Логан ... как будто я для него все. Как будто я единственное в мире существо, достаточно особенное, чтобы заслужить все его внимание.

Я притягиваю его к себе, чтобы облизать и прикусить его губы, чтобы разрядить напряжение проходящее между нами, но он просто продолжает двигаться, подталкивая меня к пропасти. Когда его зубы скользят от моего подбородка к выпуклости груди, я

наслаждаюсь сладкой болью. Я хочу, чтобы их следы были на всем моем теле, напоминая мне, что это не сон. Я хочу, чтобы они постоянно напоминали мне о том, какой подарок дает мне время, проведенное с ними.

Погружаясь в изгиб моей шеи, он прокусывает пронзительное жало, и ощущение вспыхивает повсюду. Это превращается в электричество, проходящее по моей ставшей сверхчувствительной коже. Достигнув туманного облака моих мыслей, это воплощается в жизнь. Наши рты воссоединяются, грубо, превращаясь в шторм, в который я с радостью прыгну с головой. Я беру и беру еще немного, эгоистично в погоне за удовольствием, которое, я знаю, ждет меня. Мы изучаем самые глубокие впадины и нежные изгибы тел друг друга.

И затем я начинаю кончать. Выгибаюсь дугой на диване, сладкое покалывание его зубов на моей груди толкает меня за грань разумного, и я чувствую его повсюду. Сжавшись вокруг него, я держусь, несмотря на дрожь, которая ощущается почти болезненно приятно.

Куэйд, Куэйд, Куэйд, повторяю я про себя или вслух. Я не знаю, что именно, да мне и все равно.

— Принцесса, я иду с тобой, — ворчит он. Входя в меня, он толкается дважды, второй глубже первого, и он там. Я чувствую, как он набухает, а затем высвобождается внутри меня.

— Я люблю тебя, — кричит он, кончая, и слеза скатывается по моей щеке от искренности, которую я слышу в его словах.

Он окружает меня, его вес вдавливает меня в диван, и, как и в случае с Логаном, я хочу, чтобы это никогда не заканчивалось.

Почему все идеальное в моей жизни всегда заканчивается?

Я знаю, Куэйд не понимает, почему я кажусь меланхоличной после того, чем мы только что поделились. Я ненавижу себя за это, правда. Вместо того, чтобы радоваться каждому мгновению, я чувствую себя все более опустошенной из-за того, что никогда не смогу испытать это снова, или из-за того, что я упускала это все эти годы. Ревность растет во мне, когда я думаю обо всех женщинах, которым довелось испытать это с ним. Я видела фотографии. Как он мог смотреть на меня так, словно я самая красивая женщина в мире, когда он буквально был с самыми красивыми женщинами в мире?

И почему я думаю об этом сейчас, когда он обнимает меня, а его губы все еще танцуют на моей коже?

— Что случилось, любовь моя? — Шепчет он мне в шею. Я пожимаю плечами, пытаясь удержаться от слез. С моей стороны несправедливо так себя чувствовать. Я была причиной, по которой эти женщины увидели его таким. Я была той, кто все испортил.

Вопрос в том, смогу ли я простить себя до того, как наступит конец.

ГЛАВА 4
ТОГДА
ЛОГАН

— Мистер Купер, вы выполнили задание по поэзии? — Спрашивает мистер Харрис, проводя пальцами по своей длинной белой бороде.

Я склоняю голову, мой взгляд задерживается на бумаге передо мной, и я ругаю себя за то, что не решил написать что-то другое. Это слишком личное стихотворение, слишком интимное, чтобы читать его вслух в классе, полной моих одноклассников. Было глупо даже пытаться написать такую вещь.

— Мистер Купер? Вы сделали задание или нет? — Продолжает он, его тон становится менее терпеливым.

— Да, сделал, — бормочу я, в то время как некоторые другие дети вокруг меня хихикают себе под нос.

— Ну, не держите нас в напряжении, молодой человек. Пожалуйста, подойдите к доске и прочтите это для нас.

Черт! Черт! Черт!

Что мне теперь делать?

Я могу сказать ему, что я все же не готов. Что стихотворение, которое он попросил написать, съела моя собака или что-то в этом роде, хотя на самом деле мне некого винить, или я же могу смотреть в лицо музе и просто выпалить несколько самых личных слов, которые я когда-либо записывал на бумаге.

— Мистер Купер, мы ждем. Нужно ли напоминать вам, что на это задание приходится тридцать процентов вашей оценки за этот период? У вас было больше месяца, чтобы закончить его. Итак, мы собираемся услышать, что вы придумали, или двойка по моему предмету будет в вашем ближайшем будущем?

Единственное, что я вижу, это то, что мне пиздец в любом случае.

Я наклоняю голову набок, Валентина не сводит с меня обеспокоенного взгляда. Неудивительно, что она обеспокоена, поскольку получение двойки в любом классе для меня неприемлемо. Я безостановочно надрываюсь на всех своих занятиях с первого курса, просто чтобы повысить свои шансы на получение стипендии. Пока что я преуспел на всех из них. С цифрами и фактами, я могу справиться, без проблем. Однако английская литература, это совсем другая игра. Я записался на этот курс только для того, чтобы это нарушало норму и хорошо смотрелось в моем академическом послужном списке. Если бы я знал, что мне придется рассказывать незнакомым людям все свои секреты, тогда я бы передумал и вместо этого выбрал домоводство. Но была еще одна причина, по которой я хотел пойти на этот курс. Вэл тоже брала его. И поскольку у меня почти все классы AP, это был единственный, который у меня был с ней.

Стул подо мной скрипит по линолеуму, как звук плохого фильма ужасов,

отслеживающий мою неминуемую гибель. Я вытираю лоб рукой и беру со стола исписанный блокнот. Я чувствую, что все взгляды устремлены на меня, когда я выхожу вперед и в центр комнаты.

— Какое стихотворение вы выбрали в качестве своей музы? То, которое вдохновило вас на сегодняшние слова? — Спрашивает мистер Харрис, когда я наконец подхожу к нему достаточно близко.

— «Женщина в саду света» Редьярда Киплинга, — заикаюсь я, мой голос начинает подводить меня.

— Пожалуйста, продолжай, Логан. Сегодня у нас действительно есть еще слушатели, — заявляет он более понимающим тоном.

Я прочищаю горло, мои ладони такие липкие, что мне приходится обхватить блокнот пальцами, чтобы не намочить бумагу и не запятнать написанные на ней слова. Я вытягиваю шею, и, хотя комната полна буйных подростков, я смотрю только на нее, единственную девушку, которая могла вызвать во мне поэзию. Страх, возбуждение, трепет и смущение, все это охватывает меня одновременно. Я отбрасываю эти чувства и просто смотрю вниз на слова. Слова, которые я написал только для ее ушей, но так и не набрался смелости произнести.

В поисках нашего убежища,
Мы свободно бродим по его золотым водам.
Без страха или стыда, всплывая на поверхность,
Позволяя теплому солнцу целовать нашу обнаженную кожу,
Как жидкое золото оставляя на нас свой любовный след.
Ты та, кто сияет нам ярче солнца,
Утоляя нашу тоску простым взглядом или прикосновением.
Мы погружаемся глубоко в твою прекрасную бездну,
До тех пор, пока дыхание больше не станет необходимым для выживания.
Жизнь дается нам легко, когда мы вдыхаем тебя в свои легкие,
В свое сердце, в самую нашу душу.
Мы плаваем в твоем жидком золоте,
Позволяя ему смыть свои грехи,
Наполняя себя изнутри твоим ярким светом.
С нашей капитуляцией мы возрождаемся,
В совершенство, которое могла создать только твоя любовь.
Вдыхая тебя, мы обретаем свое истинное я.
Принимая свою конечную цель.
Ты наше убежище.
Наш мир и наша вечность.

Когда я читаю последнее предложение, я отчетливо осознаю, как моя футболка прилипла к коже, пот и страх прилипли к ткани моего тела. Все молчат, и мне на самом деле все равно, хороший это знак или плохой. Все, что меня волнует, это реакция одного человека. Когда я беру себя в руки, я поднимаю голову, и мои глаза ищут ее. Когда они, наконец, останавливаются на Валентине, весь воздух из моих легких покидает меня. В ее золотистых глазах стоят непролитые слезы, но великолепная улыбка на ее лице говорит мне, что они вызваны не печалью, а тем, на что я могу только надеяться… любовью. У меня перехватывает горло, когда я смотрю, как она незаметно вытирает непрошеную слезу,

которая скатывается по ее щеке.

— Что ж, мистер Купер, должен сказать, я не ожидал от вас такого проникновенного стихотворения. В нем есть глубина, тоска и желание. Что-то, с чем человек вашего возраста не должен быть способен справиться или выразить так ярко, и все же вы сделали это прекрасно. Вашим коллегам будет трудно превзойти, это я могу вам точно сказать. Отличная работа, Логан. Пожалуйста, займите свое место.

Нервничая, но всегда с гордо поднятой головой, я возвращаюсь к своему креслу и вижу, как одни восхищенные глаза жадно смотрят на меня, в то время как другие просто сбиты с толку. Когда я сажусь, я смотрю на Вэл, но ее внимание приковано к профессору, а не ко мне.

Я сразу разочаровываюсь.

Я думал, что она, по крайней мере, признает, что стихотворение о ней, и скажет что-нибудь. Что угодно. Но вместо этого она просто сидит, слушая стихи всех остальных, и не говорит мне ни слова.

Когда звенит звонок, я вскакиваю со своего места, готовый сбежать из этого ада, который я сам для себя создал. Она ничего не сказала, потому что не чувствует того же, что и я. Вот почему она полностью игнорирует стихотворение и меня.

Я настолько не в духе, когда выхожу из класса, что даже не знаю, куда спешу. Когда в поле зрения появляется туалет для мальчиков, я вздыхаю с облегчением и направляюсь туда. Внутри совершенно пусто, но я все равно спешу к пустой кабинке, чтобы запереться, но когда я поворачиваюсь, чтобы закрыть за собой дверь, длинные черные кудри падают мне на лицо, когда Валентина поворачивается, чтобы закрыть за мной кабинку.

— Что ты здесь делаешь, Вэл? Это туалет для мальчиков, черт возьми!

— Почему ты убегаешь от меня? — Парирует она вместо того, чтобы ответить на мой вопрос.

— Уходи, Валентина. Мне нужно минутку побыть одному, и ты не должна быть здесь, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

— Нет! Не уйду, пока ты мне не ответишь. Почему ты убегал?

— Я не убегал, — говорю я ей, отодвигаясь от нее так далеко, как только могу в тесной кабинке.

— Но, так и было. Ты вылетел из класса мистера Харриса, как будто провалил прослушивание или что-то в этом роде.

Я поворачиваю голову, не желая смотреть ей в глаза из страха, что она прочтет все секреты, которые я в них спрятал. Но кого я обманываю? Валентина Росси знает обо мне все, что только можно знать, и после стихотворения, которое я только что прочитал, теперь это знают и большинство моих одноклассников.

— Логан, ответь мне! — Кричит она громче, но я отказываюсь нарушать молчание, моя уязвленная гордость принимает решение за меня.

— Отлично. Ты не хочешь отвечать на этот вопрос, тогда ответь на другой. Это стихотворение было обо мне?

— О ком еще оно могло быть? — Усмехаюсь я.

— Это не ответ на мой вопрос, Логан, — говорит она сердито и немного обиженно.

— А ты как думаешь? — Я пораженно вскидываю руки в воздух.

— Я не уверена. Не уверена, пока ты мне не скажешь.

— Ты сейчас серьезно, Вэл?! Конечно, это было о тебе. Все, что я делаю, это о тебе.

Она прислоняется к двери для равновесия, ее глаза смотрят на меня сверху вниз.

— Это то, что ты чувствуешь ко мне? О нас? Что я твое убежище?

Я киваю, проводя пальцами по волосам в отчаянии от того, что мне приходится объяснять это ей по буквам.

— Тогда почему ты расстроен из-за меня? — Спрашивает она, смущение портит ее красивые черты.

— Я не расстроен, Вэл. Это стихотворение было личным. Я не хотел никому его читать. Ни мистеру Харрису, ни в классе, полном наших одноклассников, и меньше всего тебе.

— Почему? Почему не мне?

— Потому что я знаю, что ты не чувствуешь ко мне того же, Вэл. Вот почему, — наконец признаюсь я, и это признание разрывает мое сердце надвое.

— Как ты можешь так говорить? — Умоляет она, преодолевая небольшую пропасть между нами.

— Я просто чувствую это, окей?

— Ты чувствуешь это? И что я заставляю тебя чувствовать, Логан? — Задыхаясь, с болью произносит она, больше не скрывая боль, которую я причиняю ей.

— Вэл, просто уйди. Пожалуйста, — умоляю я. — Я не хочу обсуждать это с тобой прямо сейчас. Особенно в туалете. Просто уйди.

— Нет. Я никуда не уйду, пока ты не объяснишь мне, что я заставляю тебя чувствовать! — кричит она, ударяя кулаками мне в грудь, требуя правды, которую я пытался отрицать.

— Как будто все, на что я когда-либо буду годен, это быть твоим другом. Больше ни на что, — выпаливаю я, тряся ее за плечи. — И как бы сильно я ни жаждал твоей дружбы, я хочу тебя еще больше. Ты что, не понимаешь? Я люблю тебя, Валентина Росси. Я чертовски люблю тебя, и я ненавижу, что ты заставляешь меня говорить это дерьмо прямо здесь, в туалете.

Она издает небольшой смешок, пусть и не на сто процентов искренний.

— Да, определенно не так романтично, как это стихотворение.

— Даже близко, — шепчу я, прижимаясь своим виском к ее.

Тишина, которая наступает между нами, оглушает мои уши.

— Значит, ты любишь меня, — тихо шепчет она, нарушая тишину и нежно успокаивая мое встревоженное сердце, нежно касаясь моего лба своим лбом.

— Чертовски сильно.

— Ты хочешь знать, что я чувствую?

— Нет. Не совсем. В данный момент мое сердце не выдержит такого биения.

Она отступает совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы она могла обвить руками мою шею и потянуть за мои длинные светлые пряди на концах.

— Логан Купер, с того дня, как ты вошел в мою жизнь, я не делала ничего другого, кроме как любила тебя. Если я не заставляю тебя чувствовать, что ты мне небезразличен, прости. Но это так. Ты мой мир, Логан. Прости, если я когда-либо заставляла тебя чувствовать, что это не так.

— Я не могу дышать без тебя, — говорю я ей честно. — Я чувствую, что задыхаюсь.

— Не надо. Я всегда буду рядом, Логан. Я всегда буду твоей, — шепчет она, прежде чем приподняться на цыпочки, чтобы поцеловать меня.

Мой разум отключается, когда ее алые губы атакуют мои, умоляя их вернуть ее

лихорадочный поцелуй. Мне требуется всего секунда, прежде чем я прижимаю ее к стене кабинки, поднимая ее ноги, чтобы обхватить мою талию. Без колебаний я погружаюсь глубоко в наш поцелуй. Наши зубы соприкасаются, пока наши языки соблазнительно играют. Я хочу проглотить ее, и, судя по тому, как она целует меня, я думаю, что она тоже этого хочет.

— Логан, — выдыхает она, потянув меня за волосы и голову, чтобы я мог проложить дорожку поцелуев вдоль всей ее шеи, пока мои руки пробегают по ее телу. Мой член твердеет, когда я чувствую, как ее горячая сердцевина трется об него.

— Черт, — бормочу я, нащупывая рукой ее набухшую грудь и возвращаясь к нашему мучительному поцелую.

Она отрывается от меня, только чтобы удивить меня, стягивая свою рубашку через голову. Я опускаю ее, просто чтобы я мог сделать то же самое со своей. Как только мы оба обнажились, я закрываю крышку унитаза и сажусь, прижимая ее к себе, чтобы она могла сесть мне на колени. Вэл даже не думает дважды и выполняет молчаливый приказ, ее длинные волосы цвета воронова крыла падают на ее обнаженные плечи. Я продолжаю прокладывать дорожку из поцелуев вниз по ее шее, пока моя рука дразнит ее твердый сосок. Даже не спрашивая меня, она расстегнула лифчик, и теперь перед моим лицом две идеальные груди. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Ты такая блядь совершенная, Вэл.

Я беру в рот один вишневый сосок и посасываю его, предварительно смазав спермой свои боксерские трусы от того, насколько они сладкие на вкус. Господи! Сколько раз я мечтал о том, чтобы иметь в своем распоряжении эти груди? Я уверен, что большую часть своего подросткового возраста я провел, поглаживая свой член и кончая при одной мысли о них, но теперь, когда они прямо здесь, в моих руках, они еще более потрясающие, чем я мог себе представить.

Я обращаюсь с благодарственной молитвой к небесам за то, что сегодня на ней наряд чирлидерши. Ее юбка с высокой талией идеально подходит для того, чтобы я мог чувствовать кончиками пальцев ее гладкую кожу. Она прижимается ко мне, ища немного трения, чтобы облегчить свою боль, заставляя меня потерять все мысли или самообладание.

— Черт, ты такая сладкая на вкус, Вэл, — бормочу я, держа во рту один дерзкий сосок. Я оставляю его с громким хлопком, только чтобы одарить другой такой же нежностью. Она продолжает извиваться у меня на коленях, ее боль усиливается так же сильно, как и моя.

— Ты хочешь кончить? — Спрашиваю я, мой голос хриплый и полный вожделения.

— Да, — стонет она, проводя пальцами по моим золотистым локонам.

Моя рука проникает в ее киску, ее глаза расширяются, когда она облизывает губы в предвкушении. Ее трусики настолько мокрые от желания, что из-за них у меня еще больше течет в трусах. Подушечкой большого пальца я тереблю ее набухший маленький бугорок поверх ткани. Громкий крик, который она издает, звучит музыкой для моих ушей. Голова Вэл откидывается назад, когда она пытается угнаться за моим мучительным ритмом. Я оттягиваю ее трусики в сторону и глажу бутон, кожа к коже, и она снова громко выдыхает.

— О… Боже, — мяукает она, закрыв глаза и держась за мою руку.

Мой рот не отрывается от ее груди, пока мои умелые пальцы играют с ее киской.

— Логан, я близко, — бормочет она сквозь стиснутые зубы, прикусывая губы, чтобы не производить слишком много шума.

Однако для этого слишком поздно. Просто чудо, что ее громкие стоны еще не донеслись до коридора. Как раз в тот момент, когда Вэл почти достигла пика, в ванной раздаются мужские голоса. Я закрываю открытой ладонью ее рот, ее карие глаза расширяются еще больше. Я притягиваю ее к себе, мой рот теперь у ее уха, прикусывая мочку.

— Я не собираюсь останавливаться только потому, что у нас есть аудитория, Вэл. Я хочу, чтобы ты кончила мне на руку. Поняла?

Она кивает, затаив дыхание, пока я сохраняю свой медленный темп. Я ввожу один палец в ее тугую киску, и когда ее веки закрываются в экстазе, мои закрываются в восторге. Она такая чертовски тугая. Я почти вижу, как нависаю над ее обнаженным телом на моей кровати, грубо трахая ее своим твердым как сталь членом. Я добавляю еще один палец, медленно проникая в нее, в то время как мой большой палец продолжает дразнить ее клитор. Мы прямо-таки трахаемся в своих мыслях, на самом деле не делая этого. Моя рука не отрывается от ее рта, когда я снова нахожу ее грудь и втягиваю один твердый бриллиантовый сосок в свой голодный рот.

Вэл так же ненасытна, и продолжает насаживаться на мои пальцы без всякого стыда или смущения. Когда я чувствую, как ее киска сжимается вокруг моих пальцев, я знаю, что она близко, и я не могу отрицать, что я в нескольких секундах от того, чтобы взорваться. Я придерживаюсь своего продуманного темпа, но мне нужно, чтобы моя девушка кончила, когда мой рот прильнет к ее рту. Я отрываю губы от ее сладкого соска и закрываю ей рот в сильном поцелуе. Я засовываю в нее свой язык так же, как мои пальцы проникают в ее лоно.

Это грязно и хаотично и ни капли не романтично, и все же, должно быть, именно так ощущаются небеса. Ее соки покрывают мои пальцы, пока я продолжаю безжалостно трахать ее. Мой рот безжалостно захватывает ее, и я поглощаю ее полные криков стоны. Когда ее лоно снова сжимается вокруг моих пальцев, я знаю, что она вот-вот упадет с обрыва. Я слышу, как ребята снаружи моют руки, шутят между собой, прежде чем, наконец, уйти. В тот момент, когда я слышу, как закрывается дверь, я трахаю ее маленькую тугую киску изо всех сил и отрываю свой рот от ее, чтобы услышать, как мое имя срывается с ее губ.

— Логан! — Кричит она, когда наконец оргазм обрушивается на нее с силой, как десятифунтовый кирпич.

Она не единственная, кто разваливается на части. Вид полного экстаза опрокидывает и меня, и я чувствую, как мой член кончает так, как никогда раньше. Мы оба изо всех сил пытаемся восстановить дыхание, глядя друг другу в глаза и одновременно теряясь в них.

— И что я заставляю тебя чувствовать прямо сейчас? — Спрашивает она, затаив дыхание.

— Я гребаный король, — отвечаю я, оставляя воздушные поцелуи на ее плече.

— Хорошо. Потому что ты всегда будешь править моим сердцем, Логан.

Она наклоняется и целует меня еще раз, но на этот раз ее поцелуй не наполнен гневом или похотью. Он наполнен чем-то гораздо более опасным и желанным. Он наполнен той же любовью, которую я испытываю к ней. И в ответ я вкладываю всю свою душу в этот поцелуй.

Я не лгал, когда признавался ей в любви. Всем своим сердцем я люблю Вэл. Я знаю, что мы все еще учимся в средней школе, поэтому признание в таких чувствах может показаться преждевременным, и все же я знаю, что они никогда не изменятся, сколько бы времени ни прошло. Вэл это все, чего я хочу в жизни. Она это все, чего я когда-либо захочу.

Загвоздка в том, что даже после того, что мы только что сделали здесь сегодня, я не думаю, что меня когда-либо будет достаточно для Валентины. Как бы сильно я ни хотел это

отрицать, ее сердце всегда будет разорвано на три части. Она спросила меня, было ли стихотворение, которое я написал, о ней, но она ничего не сказала о том, что стихотворение также о Картере, Куэйде и мне. Потому что, в конце концов, она знает, что наши сердца принадлежат ей. Единственный вопрос, который еще не был задан, кому она принадлежит больше всего? И, как трус, которым я и являюсь, я держу этот животрепещущий вопрос взаперти внутри себя, молясь, чтобы никто из моих лучших друзей никогда не заставил ее делать выбор.

Если они это сделают, я боюсь, что никто из нас не выйдет победителем.

ГЛАВА 5
СЕЙЧАС
ВАЛЕНТИНА

Сегодня не самый удачный день. Вся энергия последних нескольких дней растаяла, и я чувствую реальность своей ситуации больше, чем когда-либо.

Я умираю.

Этим утром ребята ходили вокруг меня на цыпочках, все бросали на меня обеспокоенные взгляды, а у меня даже нет сил усерднее притворяться, что все в порядке. Моя голова раскалывается, мое тело, кажется, весит десять тысяч фунтов, и у меня нет аппетита, но это наш пятый день во Флоренции, и сегодня мы устанавливаем наши любовные замки на Понте Веккьо, и я не могу сегодня оставаться в постели. Завтра мы снова уезжаем, так что у нас мало времени.

Кажется, что в этой поездке у меня вечно не хватает времени.

У меня звонит телефон, и я тяжело вздыхаю, когда вижу, что это доктор Ченнинг. Я знаю, чего он хочет. И ответ отрицательный. Я приняла решение на последнем приеме у врача. Если последнее лечение не сработало, с меня хватит. При выполнении чего-либо другого риски были слишком высоки. Варианты были для меня ясны. Стать овощем или умереть.

Я предпочитаю умереть.

Я выключаю телефон и направляюсь в ванную, чтобы попытаться подготовиться к предстоящему дню.

— Кто это был? — Подозрительно спрашивает Картер. — С этого номера тебе довольно часто звонили на прошлой неделе.

Я раздражительная, поэтому трудно не рявкнуть ему, чтобы он не совал нос не в свое дело. Но мне удается контролировать себя. Еле-еле.

— Просто старый знакомый, — устало отвечаю я, прежде чем исчезнуть из комнаты. Я не хочу им лгать, но каждый день убеждает меня, что я делаю именно это.

Я ненавижу сама себя.

Глядя в зеркало, я начинаю принимать таблетки и пытаюсь использовать косметику, чтобы скрыть тот факт, что я увядаю. С каждым днем все больше и больше. Я никогда не

ожидала, что буду ненавидеть себя еще больше по мере того, как продолжалась эта поездка. Последние десять лет я проводила каждый день, ненавидя себя, поэтому тот факт, что я действительно могу ненавидеть себя еще больше прямо сейчас, когда воссоединилась со всеми ними, мягко говоря, беспокоит. Но это то, что происходит. Потому что каждый шаг этого путешествия означает, что мы просто влюбляемся друг в друга все больше и больше, а вы не должны лгать тем, кого любите. Это для защиты их воспоминаний обо мне, неуверенно думаю я про себя. Это для того, чтобы мы могли насладиться моими последними днями, но даже когда я думаю об этом, я знаю, что лгу не только им, я лгу и самой себе.

— Готова к работе? — Мягко спрашивает Логан. Он пытается скрыть напряжение в своем голосе, но у него это не получается. Он отчаянно хочет спросить меня, почему я выгляжу так, будто держусь на волоске, но Логан всегда делал все, что мог, чтобы заботиться обо мне и делать меня счастливой, поэтому я знаю, что он не спросит.

— Да. Куэйд и Картер нашли какие-нибудь замки? — Спрашиваю я.

Логан улыбается.

— Очевидно, есть много людей, у которых такой же список покупок, как у тебя, потому что они продают замки почти во всех сувенирных магазинах здесь.

Теперь я заулыбалась, моя первая настоящая улыбка за день. Как раз в этот момент входит Куэйд, держа замки с широкой глупой улыбкой на лице.

— Мы украсим этих малышей символами нашей любви?

Картер тоже заходит и изображает, что его тошнит, и я смеюсь. Все они выглядят облегченными, услышав звук, издаваемый мной. Я внезапно осознаю, что мы все вместе в небольшом пространстве. Бабочки порхают у меня в животе, когда их разнообразные опьяняющие запахи окутывают меня. Конечно, если я включена, это означает, что я не умру сегодня, верно?

— Готовы начать? — Спрашиваю я, и мой голос звучит намного хрипло, чем предполагалось. Глаза Картера темнеют, когда он это слышит. Дыхание Логана и Куэйда учащается, и я могу сказать, что они оба думают о том, когда смогут снова раздеть меня.

Ой, нам нужно убираться отсюда, иначе у меня такое чувство, что поход на мост не состоится, и, к сожалению, активность в сторону моста звучит намного более приемлемо для того, как я чувствую себя сейчас, чем возня в простынях.

Я протискиваюсь мимо парней и захожу в гостиную, где просматриваю покупки, сделанные Куэйдом и Картером. К моей радости, они смогли найти упаковку маркеров для надписи на замках. Есть три замка, которые мы установим на мосту. Потому что, хотя мы все вовлечены в эту трагическую историю любви, наши отношения по-прежнему разделены. И я хочу уважать это.

После украшения замков с помощью шутливых подсказок ребят мы отправились по оживленным улицам на поиски моста. Я устало слушаю, как они смеются и шутят друг с другом, и мне интересно, будет ли настоящим чудом и счастливым концом всего этого тот факт, что они восстановят свои отношения друг с другом. Эти отношения начались до того, как я появилась у них, и я надеюсь, что они продлятся еще долго после того, как меня не станет.

Наконец-то мы добираемся до моста. Мне придется попросить поймать такси на обратном пути, хотя я люблю гулять по улицам этого древнего города. Последнее, что я хочу делать прямо сейчас, это падать в обморок.

Мост перегружен замками. Я читала, что в городе принято периодически срезать

некоторые замки, чтобы освободить место для новых, но я притворяюсь, что этого не произойдет. Хотелось бы думать, что этот маленький символ, каким бы банальным он ни был, выдержит испытание временем.

Группа влюбленных пар делает то же самое, и я улыбаюсь при виде девочки-подростка и ее такого же молодого парня, которые в экстазе цепляют свои замки на мосту. Я знаю, что некоторые люди смотрят на них и думают, что им еще многому предстоит научиться, но мне хотелось бы верить, что есть и другие, которые находят свою вторую половинку в молодости.

Ребята притихли рядом со мной, и я оглядываюсь. У каждого в руке по замку, и они смотрят на него. Я думаю, они наконец-то увидели слова, которые я написала на них, когда они не смотрели. У Картера я написала “моя душа”. У Логана я написала “ мое сердце”. А у Куэйда я написала “ моя жизнь”. Мы говорили об этом давным-давно, когда были детьми, и я пыталась выразить словами, что они значат для меня. Судя по выражению их лиц, они помнят этот разговор.

Интересно, все ли слова, которые мы когда-либо говорили друг другу, выгравированы в их сердцах так же, как в моем?

Картер прочищает горло и протягивает мне замок, который он держал, и достает свой телефон.

— Я собираюсь делать снимки, пока мы делаем это, — объясняет он, и я нежно улыбаюсь ему. Он делал больше снимков в последние несколько дней после всего этого взрыва эмоций, и я рада, что у всех них будет что-то осязаемое, на что можно будет оглянуться, когда все это закончится.

Я закрепляю замок Картера и свой на место, пока Куэйд и Логан делают два других. Щелчок защелкивающегося замка останется со мной надолго. Сейчас они все смотрят на меня, и я боюсь того, что они могут увидеть. Иногда мне кажется, что я сделана из ничего, кроме прерывистого сердцебиения, и мне интересно, видят ли они это. Могут ли они это понять.

Хотелось бы думать, что они могут. Точно так же, как мне хотелось бы думать, что эти замки останутся на этом мосту навсегда.

Точно так же, как мне хотелось бы думать, что наша любовь может длиться вечно.

ГЛАВА 6
ТОГДА
КУЭЙД

— Твоя девушка выглядит потрясающе в своей форме для чирлидинга, Куэйд, — насмехается Бруклин Эванс, тщательно облизывая губы и вытягивая руку над головой.

Вместо того, чтобы ответить кулаком ему в лицо, как он того заслуживает, я полностью игнорирую его самодовольную ухмылку и просто продолжаю разминку. Я знаю, что он пытается вывести меня из себя, но я не собираюсь заглатывать наживку. Конечно, в моих мыслях, этот напыщенный мудак получает чертовски хорошую взбучку. Я просто не могу

действовать в соответствии со своими желаниями прямо сейчас. Не после того, что тренер объявил команде этим утром.

Наконец-то он ставит меня капитаном.

После трех лет борьбы за позицию, надрываясь на поле и за его пределами, чтобы показать ему, что работа всегда должна была принадлежать мне с самого начала, тренер, наконец, пришел в себя. Быть капитаном, огромное достижение для любого игрока, но поскольку это мой выпускной год в школе и скауты колледжа будут сидеть на трибунах, делая заметки к большинству наших игр, мне нужно сделать все, что в моих силах, чтобы выделиться, и это означает, что я получаю как можно больше тачдаунов, демонстрируя при этом, что я командный игрок.

Единственный, кто не слишком доволен изменениями, это придурок, который не может оторвать глаз от моей девочки, когда она отрабатывает сальто назад с остальными членами команды поддержки. Как и я, Бруклин хотел титул для себя, и он мог бы стать достойным соперником, если бы не был таким придурком. Бруклин, возможно, один из лучших полузащитников, которых когда-либо видела наша школа, но он вероломный придурок, который вытолкнул бы собственную бабушку на полосу встречного движения, если бы думал, что это улучшит его игру. Он играет только за себя, и это делает из него паршивого товарища по команде, не говоря уже о капитане команды.

— Блядь! — Стонет он, преувеличенно кусая костяшки пальцев, вызывая несколько смешков у парней, разминающихся рядом с ним. Я стараюсь игнорировать их, насколько могу, но, когда некоторые из них незаметно поправляют свое барахло, истекая слюной, моя голова поворачивается в сторону Вэл, чтобы посмотреть, что, черт возьми, происходит. И когда я это делаю, мое сердце чуть не выпрыгивает изо рта, когда я смотрю, как Вэл садится на шпагат, как будто это ее вторая натура. Она стала отличной гимнасткой. Я был бы первым, кто похвалил бы ее преданность спорту, если бы ее гибкое тело не устраивало шоу для парней из моей команды, раздавая им всем синие мячи. Я знаю, что их пристальный взгляд на нее непреднамерен, но это слишком для моей ревнивой задницы.

— Держите глаза в своих глазницах, ребята, или я лично засуну их обратно. Вы меня поняли? — Предупреждаю я, стиснув зубы.

Большинство моих товарищей по команде возвращаются к разминкам под руководством тренера, опасаясь, что я выполню свою угрозу, за исключением одного.

— О, да ладно тебе, Куэйд. Ты не можешь винить парней за то, что они восхищаются видом, — продолжает провоцировать Бруклин, пытаясь вернуть парней на свою сторону. Когда никто из них не осмеливается снова взглянуть на Вэл, он понимает, что ему чертовски не повезло. Мои товарищи по команде знают, что я не разбрасываюсь пустыми угрозами. Если я скажу им, что надеру им задницу, если они продолжат пялиться на мою девушку, они знают, что я так и сделаю.

Бруклин хмурится менее десяти секунд, зловещая ухмылка сменяет его разочарование.

— Как насчет того, чтобы ты позволил нам тоже попробовать ее на вкус? Я слышал, ей нравится, когда ее передают другим.

— Какого хрена ты мне сказал, придурок?! — Кричу я, бросаясь на высокомерного ублюдка.

— Ты слышал меня! — Рычит он, отталкиваясь. — Все знают, что ей нравится быть в команде с тегами. Так зачем держать ее при себе и своих приятелях? Мы тоже можем показать ей, как хорошо провести время, — подталкивает он, обхватывая свой член, чтобы

довести дело до конца.

Все, что я вижу, это красный цвет, с этого момента я замахиваюсь на его самодовольную физиономию, пока не чувствую, как ломаются кости у меня под костяшками пальцев. Я продолжаю яростно бить его, недовольный причиняемым ущербом, пока не слышу, как маленькая сучка плачет. Требуется четверо парней, чтобы оттащить меня от Бруклина, и я все еще вырываюсь из их хватки, недовольный тем, что они не позволяют мне покончить с этим ублюдком раз и навсегда. Единственное, что заставляет меня застыть на месте, это громкий свисток тренера, раздающийся у меня над ухом.

— Хватит! — Кричит тренер, надеясь, что его громкого строгого голоса будет достаточно, чтобы вскипятить мою кровь, которая в настоящее время переполнена необузданной яростью.

В ту минуту, когда я чувствую, что ограничения моих товарищей по команде ослабевают, я снова набрасываюсь на Бруклина и бью его головой по заднице. Маленькая сучка падает, как тонна кирпичей на поле, и отключается, как долбаный фонарь. Это должно заставить его замолчать на некоторое время.

— Ты удовлетворен? — Тренер набрасывается на меня, отталкивая от бесчувственного тела на земле.

— В значительной степени, да. — Я улыбаюсь, вытирая разбитую губу предплечьем. Я этого не почувствовал, но, по-видимому, ублюдок все же получил несколько выстрелов, если судить по моей окровавленной губе.

— О, ты думаешь, ты умный, да? Что ж, это маленькое шоу только что стоило тебе игры в пятницу.

Мои глаза расширяются, а сердце замирает.

— Тренер, ты, должно быть, шутишь!

— Похоже, что я шучу? — Отвечает он с суровым выражением лица, прежде чем повернуться к двум товарищам по команде, ближайшим к нокаутированному Бруклину. — Рори! Донаван! Вы двое отведите Бруклина на пост медсестры. Чтоб вы знали, я сейчас ни на кого из вас даже смотреть не могу! — Говорит он, поворачиваясь ко мне спиной, взбешенный сверх всякой меры.

— Тренер, ты не можешь ставить меня на скамейку запасных. Я нужен тебе в игре. — Говорю я, пытаясь вникнуть в его логику, и бегу за ним.

— Я могу поставить Рори на твое место.

— Рори? Но он неудачник! — Кричу я, в отчаянии вскидывая руки в воздух.

— Теперь осторожнее, — ворчит тренер, замедляя шаг, чтобы я не отставал. — Если твои товарищи по команде услышат, как ты так о них порицаешь, у тебя не будет много друзей в команде.

— У меня есть друзья. Мне не нужно, чтобы кто-то из них любил меня, — бормочу я себе под нос.

— Говоришь как настоящий мудак. Небольшой совет, Куэйд, никому не нравятся самоуверенные дерзости.

— Тренер, прости, ладно? — Раздраженно фыркаю я. — Я исправлюсь. Я буду лучше. Но ты должен позволить мне играть! — Настаиваю я, недовольно дергая себя за кончики волос.

— Я не обязан заниматься всяким дерьмом. Я говорил тебе, что дам тебе шанс, но ты должен был показать мне, что ты тот тип капитана, который нужен этой команде. Это

означает иметь ясную голову и не попадаться на каждое заманчивое слово, которое тебе говорит оппонент.

— Он нес всякую чушь о моей девушке, тренер. Настоящий мужчина защищает свою женщину, — киплю я.

— Парень, не говори со мной так, как будто твои яйца не упали только вчера. Ты ребенок, талантливый, но все еще гребаный ребенок. Значит, Бруклин нелицеприятно отозвался о твоей девушке? Большое, блядь, дело. На поле ты услышишь гораздо хуже. Кроме того, тебе семнадцать. Ты думаешь, это единственная девушка, которая у тебя когда-либо будет?

Теперь моя очередь строго посмотреть на него.

— Да, тренер. Так и есть. Я женюсь на Вэл, как только мы закончим школу.

Его брови поднимаются к макушке лысой головы, делая его похожим на деформированного мистера Картофельная голова.

— Серьезно? — Усмехается он.

— Да, сэр. Собираюсь сказать и ее отцу тоже и сделать это официально.

— Может быть, Бруклин нанес несколько хороших ударов, потому что ты несешь чушь.

— Без обид, сэр, но вы не знаете Вэл так, как я. Она из тех девушек, которым не дают уйти.

— Хорошо. Я буду потакать тебе, парень. Итак, эта девушка та самая. Отлично для тебя. Это все еще не значит, что ты можешь тыкать кулаком в лицо каждому парню, который говорит о ней гадости. Это футбол. Игроки будут использовать любые рычаги, которые смогут найти, чтобы ослабить твою игру. Это означает, что ничто не исключено, включая твою драгоценную подругу. Тебе нужна кожа потолще, парень, и пока у тебя ее нет, я не могу допустить, чтобы ты был на передовой, возглавляя мою команду. — Он указывает на меня угрожающим пальцем.

— Тренер, я могу справиться со всем, что кто-либо скажет. Я сосредоточен. Тебе просто нужно дать мне шанс, — умоляю я.

Он делает преувеличенный выдох и смотрит мне глубоко в глаза.

— Я хочу, Куэйд, но из-за тебя самого я не могу тебе доверять.

— Это зимняя официальная игра, тренер. Я даже извинюсь перед Бруклином, если придется. Оплачу его больничные счета, если ему это нужно, но дайте мне эту игру, тренер, и я докажу вам, что гожусь для этой работы.

Он оглядывает меня с ног до головы, потирая при этом подбородок.

— Отлично. Я буду отрицать, что сказал это, но Рори действительно ни хрена не умеет бросать мяч. Ты в игре. Но если на поле повторится то, что только что произошло, то ты вылетаешь не только из игры, но и из моей команды. Это понятно?

— Да, сэр.

— Я поговорю с директором Уильямсом об этом маленьком инциденте и скажу, что вы, мальчики, просто были грубы на поле. Но тебе придется проявить мужество и извиниться перед Бруклином. Я не хочу, чтобы между вами возникла вражда в ночь игры.

Слишком поздно для этого.

— Считай, что это сделано, — лгу я.

— Хорошо. А теперь иди прими душ и убирайся с глаз моих.

Я даже не спрашиваю, могу ли я вернуться к практике. Очевидно, что он закончил со мной на сегодня, и поскольку я не хочу, чтобы он передумал разрешать мне играть в нашу

следующую игру, я бегу в раздевалку, чтобы сделать так, как он говорит, молясь, чтобы долгого холодного душа под зад было достаточно, чтобы обуздать мой темперамент. Я действительно не должен был позволять Бруклину так играть со мной. Он знает тренера дольше, чем я, так что он, должно быть, подозревал, что если я проиграю с ним, то Тренер проиграет со мной.

Урок усвоен.

Я не собираюсь поддаваться на грязные уловки Бруклина во второй раз, это уж точно, черт возьми. И все же его слова все еще звучат у меня в ушах. Это то, что школа думает о Вэл? Что Логан, Картер и я просто передаем ее друг другу, как какую-то дешевую игрушку? Я пытаюсь поставить себя на их место и подумать о том, какими они, должно быть, видят нас. Она держится за руки с Логаном в коридоре. Она убегает в библиотеку, чтобы пообедать с Картером в интимной обстановке. Я играю с ее волосами цвета воронова крыла в классе и посылаю поцелуи украдкой, когда могу, не беспокоясь о том, кто это увидит.

Блядь.

Я понимаю, какое у них складывается о нас впечатление. Сама мысль о том, что все обзывают единственную девушку, на которую мне когда-либо было не наплевать, разжигает мой гнев до предела, и прямо сейчас я не уверен, на кого я действительно зол, на учеников в этой школе, которые говорят о ней всякое дерьмо за ее спиной, или на двух моих лучших друзей, которые любят ее так же страстно, как и я.

Я закрываю кран, зная, что холодный душ не решит моих проблем и не остановит кипение моей крови. Я оборачиваю полотенце вокруг талии и ложусь на скамейку, пытаясь взять себя в руки. Я должно быть оставался в таком состоянии долгое время, потому что не успеваю я опомниться, как тренировка заканчивается, и мои товарищи по команде врываются в комнату, большинство из них выглядят взбешенными из-за того, что тренер наказал их за мою горячность. Не желая оставаться здесь, я одеваюсь и ухожу, прежде чем кто-нибудь из них скажет что-нибудь, что может снова подстегнуть мою ярость. Не то чтобы с их стороны потребовалось много уговоров. Эта ярость, которая живет во мне, может быть, и нова, но она чертовски сильна, и все, что требуется, это неверный взгляд в мою сторону, чтобы она вспыхнула. Ирония судьбы, когда я думаю об этом, Картер тот, кто обычно зол на весь мир, а не я. Я пытаюсь скрыть свое разочарование шуткой или улыбкой, в то время как он отчуждается, предпочитая спокойно воспринимать жестокие шутки жизни через объектив. Однако прямо сейчас я его прекрасно понимаю, особенно учитывая настоятельную необходимость найти единственного человека, который когда-либо был способен уменьшить нашу боль, а также вызвать ее на одном дыхании.

Помня о нашем убежище, мои решительные ноги несут меня обратно на футбольное поле в поисках ее, девушки, которая предлагает нам утешение и покой, а также крадет само наше здравомыслие. Когда я подхожу, я наблюдаю, как Вэл пьет воду из своей бутылки, на ее губах играет улыбка, когда она разговаривает с несколькими девушками после тренировки группы поддержки.

— Извините, дамы, я собираюсь украсть у вас Вэл.

Ее брови хмурятся, когда я хватаю ее за руку и оттаскиваю от хихикающих товарищей по команде.

— Куэйд? Что случилось? — Спрашивает она обеспокоенно, мгновенно чувствуя, что я не в том настроении. — Куэйд? — Снова настаивает она, сбитая с толку, дергая меня за

руку, но я не отвечаю ей.

Вместо этого я отвожу ее под трибуну, где мы можем побыть наедине, не говоря ни слова. У меня и так в голове полный бардак, и, если я сейчас начну бессвязно болтать, я просто напугаю ее и не получу желаемых ответов… ответа, который мне чертовски нужен прямо сейчас, чтобы успокоить свое сердце.

Когда я, наконец, нахожу уединенное место, гарантирующее, что нас не увидят, я прижимаю ее к одной из балок, нависая над ней всем телом.

— Кто я для тебя?

— Ч-что? — Заикается она.

— Ты слышала меня, Вэл. Кто я для тебя?

Ее золотые глаза смотрят глубоко в мои, разбивая мое сердце прямо посередине уязвимостью, которую я вижу в них.

— Ты мой лучший друг, Куэйд.

— И это все? — Я заикаюсь, не в силах скрыть свое разочарование и боль.

Она прижимает раскрытую ладонь к моей щеке, ее ресницы хлопают со скоростью мили в минуту.

— Ты знаешь, что это не все, — шепчет она с тяжелым вздохом.

— Тогда докажи это, — рычу я, вторгаясь в ее личное пространство.

— И как я могу это сделать?

— Поцелуй меня, Вэл. Я хочу, чтобы ты меня поцеловала.

Она наклоняется и оставляет слабый целомудренный поцелуй на моей щеке. Когда она отстраняется, в ее глазах светится безымянная эмоция, которую я хотел бы точно определить, чувство, похожее на то, что горит внутри меня, угрожая взорваться, если не назвать.

— Нет, Вэл. Этим дело не ограничится, — отвечаю я и кладу руку ей на затылок, притягивая к себе.

Когда мои губы наконец встречаются с ее губами, я не сдерживаюсь. Я бросаю все свое ноющее сердце к ее ногам, молясь, чтобы она не растоптала его. Когда она охотно и взволнованно принимает мой пылкий поцелуй, это лучше, чем любая фантазия, которую я когда-либо мог воплотить в своей голове. Валентина на вкус как самый сладкий летний фрукт, декадентский и волнующий, и я, например, не могу насытиться ею. Я притягиваю ее ближе к себе, ее руки на моей груди, ползут к моей шее, пока она не тянет за мои короткие кончики волос, затаив дыхание и опьянев от нашего лихорадочного поцелуя. Пока она поддается чувству, я теряю себя в этом единственном наполненном сердцем моменте. Время, насколько я знаю, останавливается, пока я пытаюсь запомнить, каково это, когда Валентина теряет всякий контроль и просто любит меня так, как я хочу любить ее.

— Куэйд, — выпаливает она, когда ее губы продолжают приближаться к моим.

Я с болью выдавливаю ее имя, и мой язык проникает в ее теплый рот, мой член твердеет над ее маленькой юбкой.

— Господи, Вэл. Ты сводишь меня с ума, — хриплю я, прикусывая зубами ее нижнюю губу.

Мы прижимаемся друг к другу, ее руки медленно спускаются по моей груди, проникая под футболку, чтобы почувствовать мою разгоряченную кожу под ней. Я чувствую, как ее нежные прикосновения становятся все более ненасытными, и без промедления стягиваю футболку через голову, чтобы дать ей то, что она хочет. Ее взгляд обжигает мою кожу, в то

время как ее прикосновения сжигают меня изнутри. Я шиплю, когда она начинает целовать мою грудь.

— Черт, — бормочу я.

Все, что она сделала, это поцеловала меня, и я чуть не кончил в своих спортивных штанах. Она запрокидывает голову, чтобы посмотреть мне в лицо, ее глаза превращаются в расплавленное золото, когда я бросаю на нее взгляд из-под ресниц. Я облизываю губы и ловлю ее руку в свою, запечатлевая нежный поцелуй на ее запястье, прежде чем положить ее обратно себе на грудь. Она не отстраняется, когда я использую ее руку для исследования своего тела. Когда я медленно опускаю ее ниже пупка, туда, где моя боль становится невыносимой, чтобы справиться с ней, Вэл тоже не останавливает меня, и расцвет надежды побуждает меня к следующему действию. Я опускаю ее руку к своим спортивным штанам, достаточно низко, чтобы она почувствовала, в каком я состоянии.

— Вот что ты делаешь со мной, Вэл. У меня постоянно встает, когда я рядом с тобой, когда я даже думаю о тебе.

— Тебе больно? — Шепчет она, ее глаза останавливаются на выпуклости, на которой она нежно держит руку.

— Да, — стону я, закрывая глаза, когда она слегка ласкает его.

— Чем я могу помочь?

Блядь!

— Господи, Вэл, просто прикоснись ко мне. Все, чего я хочу, это чтобы ты прикоснулась ко мне, — прошу я, прерывисто дыша.

Ее дрожащая рука сильнее сжимает мой член, и я издаю стон одновременно от удовольствия и боли.

— Могу я посмотреть?

— Что? — Я заикаюсь, мои глаза широко открываются, чтобы убедиться, что я правильно ее расслышал, и это не мое принятие желаемого за действительное, играющее со мной в игры.

— Я никогда раньше их не видела. Можно? — Кротко спрашивает она, ее любопытство и нервозность еще больше ослабляют меня. Все, что я могу сделать, это кивнуть, поскольку у меня не хватает слов. Не то чтобы я когда-либо мог отказать Вэл в чем-либо, тем более отвергнуть ее прикосновения.

Нетерпеливыми руками она стягивает с меня спортивные штаны, мой возбужденный член свободно покачивается на прохладном ветерке. Ее любопытные легкие пальцы бегают по нему вверх и вниз, только усиливая мою боль.

— Он должен выглядеть так сердито? — Спрашивает она, искренне заинтригованная.

Я издаю тихий смешок и убираю непослушные локоны, выбившиеся из ее конского хвоста, с ее лица, заправляя их ей за ухо.

— Поверь мне, это не злость. Это чертовски экстатично, когда ты к нему прикасаешься.

— Я и не думала, что это будет настолько масштабно.

— Лесть поможет тебе везде, — поддразниваю я, мой член твердеет от ее невинного замечания.

— Ты смеешься надо мной? — Она приподнимает бровь, ее сочные пухлые губы изгибаются в сторону.

— Прямо сейчас мне и в голову не пришло бы вывести тебя из себя, — шепчу я. — Это достаточно напряженно, чтобы не думать о твоих руках на мне, не говоря уже о том, чтобы

шутить.

— Вот так? — Насмехается она, обхватывая мой член своим маленьким кулачком.

— Черт. Да, вот так просто, — запинаюсь я.

Она сильно прикусывает нижнюю губу, когда ее рука начинает двигать меня вверх и вниз. Поначалу ее ритм неуверенный, она не уверена в том, что делать. Я подбадриваю ее словами похвалы, мои тихие стоны доказывают, что она все делает правильно. Как только она чувствует себя смелее, увереннее в своих силах, каждый удар наносится с убежденностью. Настолько, что она заставляет меня мысленно повторять имена футбольных легенд, просто чтобы не лопнуть.

— На ощупь как гладкий бархат. Мне нравится, как он растет в моей руке. — Она одаривает меня озорной улыбкой.

— О, поверь мне, мне это тоже нравится, — ворчу я, хватаясь за балку позади нее, чтобы не упасть.

— Что это? — Спрашивает она, когда предварительная сперма растекается по моей грибовидной головке.

— Это просто доказательство того, как сильно я люблю твои руки на мне.

— Хм, — с любопытством напевает она и, прежде чем я успеваю ее остановить, проводит по нему подушечкой большого пальца, а затем втягивает его в рот.

Блядь!

— Оно соленое.

— Господи, Вэл. Ты меня здесь убиваешь!

— Ты начал эту игру.

— Я могу закончить это, если захочу.

— Я не думаю, что ты это сделаешь. — Она подмигивает мне, такая уверенная в себе.

Кого я обманываю? Черта с два я когда-нибудь это остановлю. Вэл держит меня за яйца, как в переносном, так и в буквальном смысле.

— Хотя интересно ... — размышляет она про себя.

— Что? — Я стону, не уверен, что смогу продолжать в том же духе, не поставив себя в неловкое положение. Прежде чем я успеваю спросить ее снова, что роется в ее хорошенькой головке, Вэл падает на колени в грязь, ее язык дразнит мою головку.

— Вэл, блядь! Я кончу, если ты сделаешь это снова, — рычу я, вцепляясь в балку всемогущей хваткой, в то время как моя рука в ее волосах остается легкой, как перышко.

— Пока нет. Мне все еще любопытно, — отвечает она.

В тот момент, когда ее губы обхватывают мой член, все чувства покидают меня. Во мне нет ничего, кроме ощущений и желания, когда ее рот пробегает вверх и вниз по моему члену. Но, как я и предупреждал, я в нескольких секундах от того, чтобы взорваться у нее во рту.

— Вэл, детка, пожалуйста, вставай. Я больше не могу сдерживаться, не тогда, когда я вот так у тебя во рту, — умоляю я, теряя всякое остроумие.

— Тогда кончай, — приказывает она, глядя на меня теми же великолепными золотыми глазами, которые держали меня под своими чарами с самого первого дня.

Черт.

Она втягивает свои щеки, расслабляя горло, и втягивает меня в свой теплый рот, заглатывая меня целиком без каких-либо ограничений. В три удара я кончаю, как болван, мои пальцы заплетаются в ее волосы, завязываются в хвост, чтобы я мог засунуть свой член в

ее рай, пока весь не иссохну.

Мое сердце колотится со скоростью мили в минуту, когда я заправляю себя обратно в штаны, а затем поднимаю ее на ноги и целую до бесчувствия, мой вкус на кончике ее языка только разжигает мое желание к ней еще раз. Когда мы расстаемся, глаза Вэл полуприкрыты, и я не пропускаю, как она незаметно покачивается из стороны в сторону, ее собственная боль очевидна.

— Это было впервые, — признаюсь я, не заботясь о том, что признаюсь в своем первом минете.

Все мои первые и единственные работы все равно были обещаны Валентине, так почему я должен притворяться, что это не так?

— У меня тоже, — подтверждает она, румянец на ее щеках делает ее еще более привлекательной для меня. Я беру ее лицо в свои ладони, прижимаюсь лбом к ее лбу.

— Как ты себя чувствуешь?

Она хлопает ресницами, глядя на меня, все еще шатаясь.

— Я не могу это объяснить.

— Попробуй, — настаиваю я.

— У меня как будто пожар в животе, и это так же больно, как и приятно.

— Я тоже могу помочь с этим, если хочешь.

— Как? — Спрашивает она, затаив дыхание.

— Ты мне доверяешь?

Она кивает, и мне приходится подавить стон, который я отчаянно хочу издать, мой член снова вытягивается по стойке смирно от мысли, что у меня кружится голова.

— Задери юбку, — приказываю я.

— Что?

— Подними ее, принцесса. Просто доверься мне, хорошо?

Она делает, как ей приказано, и мой взгляд немедленно фиксируется на мокром пятне в центре ее белых хлопчатобумажных трусиков. На этот раз я тот, кто падает на колени. Я чувствую запах ее возбуждения в нескольких дюймах от моего лица, и мне приходится приложить все усилия, чтобы не сорвать с нее трусики, как пещерный варвар. Но это в новинку и для меня, и для Вэл, поэтому я действую осторожно и деликатно, надеясь, что не облажаюсь.

Я провожу большим пальцем по ткани, слегка дразня ее клитор, довольный тем, как ее тело мгновенно реагирует на мои интимные ласки. Ее голова откидывается на балку, веки закрываются сами по себе, а рот слегка приоткрывается, чтобы вздохнуть. Я задираю ее юбку еще чуть-чуть, мой голод по ней возрастает втрое.

— Вэл, посмотри на меня. Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, хорошо?

Она открывает глаза и застенчиво кивает мне. Я стягиваю с нее трусики, аромат ее секса, смешанный с желанием, еще больше увлекает меня. Мой язык совершает один нежный круг, и я не могу сдержать громкий стон, который вырывается у меня. Как я и подозревал, ее киска такая же сладкая и соблазнительная, как и она сама. Как бы я ни старался придерживаться ритма моего нежного нападения на нее, я слишком рано поддаюсь искушению и съедаю ее, как будто она единственное, что мне нужно для продолжения питания.

— Так чертовски замечательно.

— Куэйд, — стонет она, беспорядочно прижимаясь губками киски к моему рту.

Я продолжаю, безжалостно хватая ее за талию, в то время как мой безжалостный язык играет с ее скрытым бугорком. Она тянет меня за волосы, почти вырывая их с корнем, теряя всякую сдержанность.

— Куэйд! Что-то происходит! — Кричит она шепотом, с трудом цепляясь за реальность, стремясь узнать, что находится по другую сторону, оставляя меня с чувством гребаной победы.

Я не сдаюсь и просто поклоняюсь ей своим языком, наслаждаясь ее вкусом на нем.

— Куэйд, — кричит она на этот раз, наконец-то преодолевая пропасть.

Я продолжаю ласкать ее, продлевая ее оргазм, и только когда я уверен, что она насытилась, я поднимаюсь на ноги и целую ее. Ее великолепное лицо раскраснелось, а на лбу блестит пот. Ее колени не могут перестать дрожать, поэтому я крепко держу ее, чтобы она не упала.

— Спасибо, — шепчу я, вдыхая ее клубничный аромат.

— За что?

— За то, что позволила мне быть твоим первым.

Ее брови печально сходятся вместе, и прежде, чем она успевает сказать что-нибудь, чтобы испортить момент, я целую ее. Как только я чувствую, что ее тело сливается с моим, я отстраняюсь и прижимаюсь своим виском к ее виску.

— Я хочу, чтобы ты была моей парой на зимнем бале.

— Это больше похоже на приказ и меньше на приглашение, — шутит она, легонько тыча меня кулаком в живот.

— Отлично, — усмехаюсь я. — Тогда так… Ты будешь моей парой на зимнем бале?

— Да, — говорит она, сияя.

Когда ее глаза светятся таким счастьем, я почти произношу слова, которые застряли у меня в горле с самого первого дня, когда я увидел ее.

Я люблю тебя.

Но вместо того, чтобы произнести эти слова вслух, я целую еще раз, заставляя замолчать мое обнаженное сердце, сомнения и страх заставляют меня молчать. Глубоко в душе я знаю, что мое сердце всегда будет любить только Валентину. Для меня никогда не будет другого варианта. Я просто не уверен, что то же самое можно сказать о ней, и меня чертовски пугает, что однажды мне придется это выяснить.

ВАЛЕНТИНА

— Вэл, пришел твой кавалер, — кричит мой отец снизу.

— Минутку, — кричу я в ответ, еще раз быстро проверяя свой макияж в зеркале.

Я нервничаю и взволнована одновременно. Это будет мои первые официальные танцы под руку с Куэйдом. Обычно мы либо отказываемся от школьных танцев все вместе, либо идем с большой группой его друзей, в основном парней из футбольной команды и их вторых половинок.

Но не сегодня вечером.

Почему-то кажется, что это поворотный момент в наших отношениях. Или, может быть, мы сделали этот шаг еще дальше в начале этой недели, когда целовались под трибунами. Мои щеки приобретают мягкий оттенок розового при воспоминании о том, что мы делали друг с другом. С безумно бьющимся в груди сердцем, изнывающим от любви, я считаю от одного до десяти, просто чтобы сохранить самообладание. Взволнованная началом этого вечера, я спускаюсь по лестнице, но разочарована, когда Куэйд не видит, как я спускаюсь по ней в моем платье. Из гостиной доносятся приглушенные голоса, и я тихо пробираюсь туда, прячась за стеной. Мне любопытно услышать, как мой папа и Куэйд разговаривают приглушенными голосами, поскольку ни один из них не известен своим скрытным поведением.

— Это смелое заявление для семнадцатилетнего, — произносит мой отец, его тон звучит обеспокоенно.

— Это не надо выделять жирным шрифтом, мистер Э. Я просто констатирую факты. И нам обоим будет по восемнадцать, когда я это сделаю, я просто хотел твоего благословения, прежде чем спросить Вэл, — отвечает Куэйд решительным и твердым голосом.

— Мне кажется, ты можешь подождать еще несколько месяцев, чтобы получить это. Как ты сказал, ты задашь этот вопрос только после того, как вы оба закончите учебу, так что многое может произойти с этого момента и до тех пор.

Возбужденный кайф, который я испытывала несколько секунд назад, резко упал, моя грудь сжалась от темы их разговора.

— Будь то сейчас или через несколько месяцев, ничто не заставит меня передумать. Я попрошу вашу дочь выйти за меня замуж.

Я задерживаю дыхание, полностью прислоняясь к стене для прочности.

— Ты сказал Логану об этом? Картеру? — Допрашивает мой отец.

— Нет.

— Ты не думаешь, что тебе следует?

Между ними повисает неловкое молчание, и в тоне моего отца появляется раздражение.

— Они поймут причину, когда придет время, — отвечает Куэйд, его голос не такой уверенный, как минуту назад.

— Или, может быть, это тебе нужно вникнуть в суть, сынок, — зловеще добавляет мой отец.

— Ты хочешь сказать, что не дашь мне своего благословения, когда придет время?

— Поступай правильно с моей дочерью, и я дарую тебе все благословения в мире. Просто будь осторожен, Куэйд. Там, где твое сердце принадлежит только ей, у Вэл есть гораздо большее сердце, способное любить больше, чем тебе может быть удобно. Не заставляй ее выбирать, если не хочешь потерять в нем свое место.

Я сухо сглатываю и появляюсь в поле зрения именно в этот момент, желая положить конец их разговору. Какой бы ни была реакция Куэйда на совет моего отца, я не думаю, что мое сердце выдержало бы это. Оба мужчины поворачивают головы в мою сторону, мгновенно ощущая мое присутствие. Глаза моего отца сияют безусловной гордостью и любовью, в то время как глаза Куэйда затуманены печалью и тоской.

— Ты прекрасно выглядишь, Валентина, — говорит мой отец, подходит ко мне и целует в щеку.

— Спасибо, папа. — Затем я наклоняю голову к Куэйду, который пытается взять себя в

руки.

Мой отец прочищает горло, выводя Куэйда из ступора.

— Вэл, ты выглядишь… Слов нет, — хвалит он, подходя ко мне и нежно целуя меня в лоб.

— Спасибо.

— Тогда нам следует идти? — Спрашивает он, кладя твердую руку на ложбинку моей спины.

— Возвращайся к полуночи, — говорит папа.

— Я думала, мы договорились на час, — возражаю я, кладя руки на бедра.

— Извини, малышка, ничем не могу помочь. Я не видел платье, Вэл. Теперь я говорю полночь.

— Забавно, — бормочу я, на что Куэйд хихикает, поднимая мне настроение тем, что мой Куэйд вернулся к своему обычному жизнерадостному состоянию.

— К полуночи она будет дома в целости и сохранности, старина. Даю тебе слово.

— Правда? Так могу я также получить твое слово, что ты будешь настоящим джентльменом и никоим образом не будешь приставать к моей дочери? — Мой папа поднимает брови, глядя на нас обоих.

— Папа!!! — Кричу я, смутившись, в то время как Куэйд рядом со мной становится красным, как свекла.

Мой отец, однако, просто смеется над нашим неудобным положением.

— Давай, Куэйд, пока мой отец не сказал что-нибудь еще, столь же неловкое.

— О, я могу продолжать всю ночь, — добавляет мой отец, все еще пребывая в легкомысленном настроении. Он заставляет моего спутника перекрашивать все цвета в коробке для карандашей и наслаждается каждой минутой этого. — Например, я твердо убежден, что если ты недостаточно взрослый, чтобы покупать пиво, то тебе также незачем покупать презерватив.

— Папа! — Отчитываю я, но довольно сложно сохранять серьезное выражение лица, когда мой отец внутри глупо смеется, пытаясь сохранить жесткое выражение снаружи.

У него это с треском проваливается.

— Я ... эм ... спокойной ночи, мистер Э. Я обещаю, что буду хорошо обращаться с Вэл, — заикается Куэйд, предлагая вынужденное формальное прощание.

Так странно слышать, как он так разговаривает с папой, ведь они оба закадычные друзья.

— Тебе же лучше, сынок. В конце концов, это Техас, так что ты знаешь, что моя коллекция оружия не просто для галочки.

— Хватит, папа. Ты высказал свою точку зрения. Пойдем, Куэйд, пока он не увлекся и не показал тебе свой дробовик. Еще раз.

Глаза Куэйда вылезают из орбит, и я смеюсь над его неоправданным страхом. Мой отец плюшевый мишка эпических размеров и мухи не обидит, не говоря уже о Куэйде, которого он любит как сына. Я собираюсь сказать это, когда Куэйд открывает мне дверь, лимузин на подъездной дорожке, чтобы отвезти нас на танцы, лишает меня дара речи.

— Ты выложился по полной, да? — Спрашиваю я, впечатленная.

— Ничего особенного, я просто даю тебе то, чего ты заслуживаешь, — говорит он, и его зеленые глаза смягчаются.

— Я надеюсь, что это правда, малыш. Потому что моя малышка заслуживает всего, чего

пожелает ее сердце, — добавляет папа позади нас, и я чувствую, как тело Куэйда напрягается рядом со мной, еще больше портя ему настроение.

Сегодняшний вечер должен был стать хорошим началом для нас обоих, но почему-то я чувствую, что мы просто сделали два шага назад. Хуже всего то, что я не знаю, как продвинуть нас вперед или как развеять сомнения Куэйда, когда у меня так много своих собственных.

ГЛАВА 7
СЕЙЧАС
ВАЛЕНТИНА

Я никогда не была в таком прекрасном месте. Все места, которые мы посетили до сих пор, были особенными, действительно внушающими благоговейный трепет. Но это место. Это место заставляет вас хотеть плакать, потому что вам предоставился шанс увидеть это. Несомненно, Бог должен быть реальным, если в мире существует такое место, как это. Или, по крайней мере, я хочу в это верить. Я хочу верить, что все вокруг меня, это не просто случайная вещь, собранная из камней, упавших миллионы лет назад. Я хочу верить в это, чтобы у меня была надежда на несколько коротких недель впереди.

Бриз, дующий с океана, касается моего лица, заставляя завитки танцевать на ветру. Подходит официант и с улыбкой наполняет наши бокалы. Блюда подаются по-семейному. Я тщательно изучила, какие рестораны стоит посетить, и отзывы меня не обманули. Все потрясающе. Я всегда любила греческую кухню, но, очевидно, все, что я ела до этого, было бледной имитацией того, какой должна быть греческая еда на вкус.

— Я думаю, нам следует переехать сюда, — говорит Картер почти легкомысленно. Это настолько нехарактерно для него, что мы все трое останавливаемся и смотрим на него.

Щеки Картера слегка покраснели. Должно быть, вино быстро подействовало на него.

— Знаете, я побывал в ста шестидесяти странах, но я никогда не был в Греции, — продолжает он, поднимая свой бокал. — Я чертовски влюбился это место, — говорит он, когда сам произносит тост.

Куэйд и Логан готовы упасть со своих стульев от того, как сильно они оба смеются над ним. Я, например, чувствую, что наблюдаю за чем-то волшебным, происходящим прямо у меня на глазах. Я почти ожидаю, что греческий бог или богиня выскочат из-за угла и скажут мне, что они применили какое-то заклинание.

Картер счастлив. Не просто счастлив, он беззаботен.

Я не думаю, что Картер когда-либо вел себя беззаботно за всю свою жизнь. Он всегда носил с собой призраки своего прошлого.

— Я люблю вас, ребята, — продолжает он, делая еще один большой глоток вина.

Видя его таким, я задаюсь вопросом, кем был бы Картер, если бы не его прошлое. Был бы он смешнее Куэйда? Обаятельнее Логана? Или он всегда был бы более склонен к меланхолии? Если ему будет достаточно любви и поощрения, кем Картер станет в будущем?

Жаль, что я не смогу это выяснить.

Сегодняшний день был идеальным. С того момента, как мы сошли с парома в порту Афиниоса и отправились на остров, мы исследовали его. Одним из первых мест, куда мы отправились, были археологические раскопки Акротири. Как и его более известный аналог Помпеи, Акротири был погребен лавой в шестнадцатом веке. В отличие от Помпей, на этом месте не было найдено скелетов. Наш гид рассказал нам, как ученые предположили, что жители получили какое-то предупреждение перед взрывом и смогли уйти. Было жутко видеть перевернутую мебель и тарелки, все еще стоящие на столе, как будто они получили предупреждение, когда сидели вместе за ужином. Все было настолько идеально сохранено.

Я хотела бы, чтобы моменты могли быть такими, идеально сохраненными во времени. Вот почему Картер всегда любил фотографии, он думал, что это моментальные снимки во времени. Но я хотела бы, чтобы был способ пережить больше. Например, прямо сейчас, когда воздух идеальной температуры, когда вино вкуснее любого, что я когда-либо пробовала, когда музыка играет на идеальном уровне звучания…когда я никогда не чувствовала себя более влюбленной.

Картинка никогда не смогла бы по-настоящему передать это. Ладно, возможно, уровень звука не идеален, поскольку Картер начинает слишком громко фальшивить под кавер-версию песни Тома Петти Free Fallin, которую в данный момент играет гитарист. К счастью, мы получаем больше удивленных взглядов от окружающих нас гостей, чем раздраженных. Картер действительно ужасный певец. Песня, к счастью, заканчивается, и официант приносит еще еды, что отвлекает Картера настолько, что он прекращает попытки спеть нам серенаду.

Еда вкусная, но мне больше всего нравится то, как мы разговариваем. То, как я могу услышать об их жизни. Я рассказываю им о медицинской школе, о том, как меня вырвало, когда я впервые разрезала человеческий труп, и я поняла, что никогда не стану хирургом. Немного иронично вспоминать тот момент, поскольку скоро я тоже стану всего лишь человеческим трупом…

— Где ты застряла, Вэл? — Тихо спрашивает Логан, и я озадаченно смотрю на него. Они все смотрят на меня, обеспокоенные, как обычно.

Я понимаю, что понятия не имею, о чем мы говорили. Я паникую, пытаясь восстановить в памяти события последних нескольких минут. Или прошло больше нескольких минут? Как много я забыла?

Мои руки дрожат, когда я сжимаю вилку, и она звякает о тарелку. Это первый упущенный кусок времени, который у меня был с ними. Это происходило намного чаще во время моего лечения.

— Ты говорила о медицинской школе, — мягко объясняет Логан, и я благодарно киваю.

— Какую историю я рассказывала? — Спрашиваю я, смеясь, пытаясь воспроизвести это, как будто люди регулярно забывают целые разговоры. Потому что я не помню, чтобы я даже начинала этот разговор.

Куэйд и Картер смеются и выпивают еще вина, но Логан видит меня.

Я спешу рассказать несколько историй, о которых, уверена, не могла упомянуть раньше, потому что они не особенно смешные или умные. Но они безопасны. И когда никто их не комментирует, я делаю глубокий вдох. За исключением того, что уловка кажется еще хуже, чем когда-либо.

Скоро наступит время, когда я не смогу скрывать правду.

Мы заканчиваем ужин без новых инцидентов, хотя я заметно тише, чем была раньше. Куэйд вызвался проводить пьяного, очаровательного Картера домой.

А потом остаемся только Логан и я.

Странно жаждать их всех и в то же время по-прежнему жаждать только одного из них. Я даже не знаю, есть ли в моих словах смысл, но время наедине с каждым из них это то, чем я наслаждаюсь.

— Хочешь потанцевать? — Тихо спрашивает Логан, и мое сердце совершает тот забавный скачок, который оно всегда совершает при виде мягкости Логана.

Он также стал более подавленным с того момента за ужином, и я просто рада, что он не предложил нам вернуться в отель с остальными.

— Всегда, — тихо шепчу я, беря его за протянутую руку. Он ведет меня на танцпол. Это совсем не похоже на тот клуб в Париже. Если на том танцполе был только жар тел, то на этом, только романтика.

Мы начинаем раскачиваться в такт, пока гитарист творит волшебство неподалеку.

— Вы все прожили такие удивительные жизни без меня, — говорю я ему неуверенно, когда он прижимает меня к себе, как будто я самое дорогое, к чему он когда-либо прикасался.

— Я бы вряд ли назвал продвижение по корпоративной лестнице интересным, Валентина, — мягко отвечает он.

— Я нахожу в тебе все интересным, — отвечаю я в ответ.

И после этого мы просто замолкаем.

Танцевать с ним все равно что влюбляться, но это больше похоже на распад на части, когда он кружит меня по танцполу. В его глазах сверкают звезды. Они взывают ко мне. Все в нем заставляет меня хотеть его, и в тысячный раз я удивляюсь, как я жила без этого, как каждый день я находила в себе волю просыпаться без него. Без них.

После нескольких песен мы решаем прогуляться по выбеленным дорожкам, вырубленным в скале. Там есть смотровая площадка, о которой нам сказал консьерж, когда мы регистрировались в нашем отеле, и нам не потребуется слишком много времени, чтобы добраться туда.

Вот это зрелище.

— Ты думаешь, что то, что происходит между всеми нами… это возможно продлить после этой поездки? — Внезапно спрашивает Логан обеспокоенным голосом. — Я имею в виду, это не реальный мир. Это отрыв от реального мира. Все наши проблемы все еще ждут нас там.

Я закрываю глаза и вдыхаю запах воды. Это должно быть то место, где я говорю ему, где я рассказываю и другим. Что не имеет значения, что ждет в реальном мире, потому что меня не будет рядом. Не будет никаких проблем, с которыми придется столкнуться. Это самая простая бесплатная карта выхода из тюрьмы, которую я могу им дать.

Очевидно, что прямо сейчас я говорю себе много лжи.

Логан обнимает меня, кладя подбородок мне на плечо, пока мы оба продолжаем смотреть на воду. Яркие цветы фуксии и фиалки окружают нас повсюду, еще больше подчеркивая побеленные здания, которые покрывают каждый дюйм этой стороны острова. Где-то мужчина продолжает играть на гитаре и петь. Его скорбные, красивые тексты песен только усиливают магию момента.

— Я не хочу забывать об этом, Валентина, — беспокоится Логан. — Дома меня ждет

так много всего. Моя карьера. Давление, заставляющее меня оставаться на своем пути. Я не хочу забывать, как я наконец-то чувствую себя цельным…как я наконец-то чувствую себя свободным. Скажи мне, что мы можем сделать так, чтобы это чувство длилось вечно.

Его руки сжимаются вокруг меня, как будто он боится, что меня унесет ветром. И, возможно, он прав, что так думает. С каждым днем я чувствую себя немного слабее, как будто мой дух только и ждет, чтобы его отпустили. Я бы хотела, чтобы его руки могли удержать меня прямо здесь.

Я не хочу идти куда-либо еще.

Это отчаянное, наполненное болью желание, заставило бы меня загадать желание на каждой звезде, свече и одуванчике, если бы я знала, что это сработает.

— Я буду любить тебя всю свою жизнь, — яростно обещаю я ему, когда мы стоим на черных утесах с видом на сапфировые воды. — И, надеюсь, ты сможешь запомнить это, и это поможет тебе после того, как все это закончится.

— Мы всегда можем вернуться, — тихо комментирует он, почти про себя.

Мое сердце сжимается при этой мысли. Когда я закрываю глаза, я вижу себя здесь в белом платье и длинной кружевной вуали, которая волочится за мной по мощеным дорожкам, когда я иду. В моей руке пионы. Нет ... может быть, полевые цветы. Так было бы лучше. Что-нибудь дикое и раскованное, вроде того, что они заставляли меня чувствовать каждую секунду моей жизни.

В моем воображении я иду по этой дорожке. Впереди виднеется побеленная выцветшая арка, покрытая теми же цветами, которые я несу. Низенький, лысеющий, загорелый священник в черно-белом ждет под аркой, но с таким же успехом его могло бы там и не быть.

Потому что все, что я могу видеть, это они.

— Валентина, — внезапно говорит Логан, выводя меня из моих грез наяву и возвращая в настоящее. То, как он произносит мое имя, звучит отчаянно, и мне интересно, что такого есть в этом диком, прекрасном месте, что заставляет нас обоих испытывать такие чувства.

На секунду меня почти подмывает рассказать ему, как мне страшно, как я чувствую, что жизнь, которой я жила, была потрачена впустую. Я не знаю, как начать объяснять ему, где я была и куда направляюсь. И даже когда он обнимает меня, я не могу не чувствовать себя одинокой. Я хочу умолять его не забывать меня. Потому что на Земле нет никого, кроме них троих, кто действительно знал бы меня. Если они будут продолжать помнить меня, возможно, я на самом деле никогда не уйду.

Слеза скатывается по моему лицу и попадает на его руку, которая обнимает меня за талию.

— Почему ты плачешь? Почему мне кажется, что каждый шаг этого путешествия на самом деле прощание? — Хрипло шепчет он.

— Возможно, каждый шаг, который мы делаем в жизни, на самом деле является шагом к прощанию, — отвечаю я.

После этого он замолкает.

Может быть вместо того, чтобы умолять их не забывать меня, мне следует умолять их не сожалеть обо мне. Отчаяние продолжает нарастать внутри меня. Оно бьется в моей голове и моем сердце, говоря мне бежать, пока у меня еще есть шанс. Я должна прекратить это прямо сейчас. Я должна освободить их всех, пока не стало слишком поздно.

— Слишком поздно, — отвечает он, и я понимаю, что произнесла эти слова вслух.

— Слишком поздно, — повторяю я.

И после этого мы больше не разговариваем.

Мы стоим там, обнявшись, наблюдая за морем, зная, что мы ничего не можем сделать, чтобы остановить то, что грядет, даже несмотря на то, что версия Логана о том, что ждет нас впереди, кардинально отличается от моей.

Финал будет трагичным, но я решаю, что он также будет красивым.

Все любовные истории рано или поздно заканчиваются. И, возможно, всем великим из них суждено разгореться в огне, а не медленно угасать год за годом. В эту ночь Логан занимается со мной любовью по-другому. Это дико и страстно, как и все предыдущие разы, но, когда вы оба знаете, что каждое ваше прикосновение пронумеровано, все всегда будет меняться. Каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждый звук это все просто нечто большее.

— Не забывай меня, — наконец вздыхаю я после того, как это сделано. Хотя я пообещала себе, что эти слова никогда не сорвутся с моих губ.

— Никогда, — обещает он.

И я верю ему настолько, что засыпаю, довольная знанием того, что по крайней мере часть меня сможет жить дальше в его памяти после того, как все будет закончено для меня.

ГЛАВА 8
ТОГДА
КАРТЕР

Декольте Трейси Холлис утомительно трется о мою грудь, тщетно пытаясь привлечь мое внимание, когда я чувствую, как эти орехово-золотистые глаза, которые преследуют меня в снах, обжигают мою кожу. Я не признаю их и не отправляюсь на поиски этих темно-янтарных драгоценностей, как мне отчаянно хочется, но вместо этого я продолжаю притворяться, что жалкие уговоры Трейси мне на ухо, это то, что мне нравится.

Это не так.

Но какая-то больная часть меня не хочет, чтобы Валентина знала, как мне смертельно надоели слова Трейси. Я самодовольно ухмыляюсь, когда чувствую, как яростный взгляд Вэл начинает метать кинжалы в мою сторону, покалывая мою кожу от ее гнева и ревности. Трейси принимает мою косую усмешку за интерес и начинает кокетливо водить своими ухоженными ногтями вверх и вниз по моей груди. Я собираюсь поставить Трейси на место, но останавливаюсь, когда разъяренная Валентина бросается, как слон в посудной лавке, к моему шкафчику. Очевидно, прикосновение Трейси ко мне, это переломный момент для Валентины.

— Картер, могу я поговорить с тобой минутку? — Я слышу ее приказ из-за перекисной блондинки передо мной.

— Не могу. Я занят.

Я слышу, как Валентина раздраженно фыркает, и мое разочарование наступает

мгновенно, когда я вижу, как моя любовь поворачивается к нам спиной, уходит в гневе, вместо того чтобы стоять на своем и сказать Трейси или любой другой девушке, если уж на то пошло, чтобы она держала свои руки подальше от меня.

К сожалению, Трейси воспринимает мое пренебрежение к Вэл как разрешение провести ее пальцами вниз по моему телу, желчь мгновенно поднимается к моему горлу. Я обхватываю ее запястье и крепче сжимаю.

— Это не для тебя. — Я стискиваю зубы.

— О, Картер. Не будь таким, — воркует она мне на ухо, пытаясь схватить мой член во второй раз.

Я отталкиваю ее от себя и захлопываю дверцу своего шкафчика прямо у нее перед носом. Лицо Трейси становится пепельным и окаменевает от моей внезапной смены настроения. Я даже не объясняю ей, почему ее прикосновения вызывают у меня отвращение, хотя всего несколько секунд назад, казалось, меня это ничуть не беспокоило. Но это было, когда Валентина смотрела. Теперь, когда ее нет, мне насрать на нее или на кого-либо еще.

— Картер, куда ты идешь?! — Кричит она мне вслед, когда я начинаю отходить от нее.

— Подальше от тебя, — бормочу я себе под нос, уже открывая дверь для своего побега.

Мне нужно убираться отсюда, пока я не причинил еще больше вреда. Я не знаю, почему я сделал все возможное, чтобы навредить Валентине.

Лжец.

Я точно знаю, почему я это сделал, даже если я не хочу признаваться в этом самому себе.

Все в школе думают, что Валентина сейчас встречается с Куэйдом только потому, что мой лучший друг повел ее на какие-то дурацкие школьные танцы на прошлой неделе. Ходящие по школе слухи о том, что теперь они стали предметом всеобщего обозрения, чертовски раздражают меня до бесконечности. Я хочу сказать им, что она не его девушка, она, блядь, моя, но почему-то я не могу заставить себя сделать это. Может быть потому, что в глубине души я знаю, что солгал бы им так же сильно, как лгал себе все эти годы. Поэтому вместо этого я позволил всем поверить, что я свободный агент. Готовый и желающий, чтобы любая жаждущая цыпочка отсосала у меня. Это было злобно и мстительно, но я все равно это сделал.

Не в силах оставаться в школе после того, что только что произошло, я сажусь на байк и езжу по городу, пытаясь взять себя в руки. Проходят часы, а в моей голове по-прежнему остается единственный образ Валентины в объятиях Куэйда, танцующих всю ночь напролет, как будто они созданы друг для друга, не оставляя места ни для кого другого.

Когда я, наконец признаю поражение, не в силах справиться со своим буйным настроением, я иду домой, только чтобы найти бабушку на ее обычном месте, перед телевизором, смотрящей дневные сериалы.

— Картер, все в порядке? — Обеспокоенно спрашивает она.

— Все в порядке, бабуль.

— Ты уверен? Ты пришел домой из школы довольно рано, — добавляет она, указывая на напольные часы в комнате, которые показывают, что занятия в школе все еще продолжаются.

— Мне просто нужно разобраться в некоторых вещах, — отвечаю я, надеясь, что этого достаточно, чтобы оправдать, почему я сбежал из школы раньше.

— Это как-то связано с Валентиной?

— Почему ты так думаешь?

— О, без причины. За исключением, может быть, того факта, что она наверху в твоей комнате в течение последнего часа, ожидает тебя. Я подумала, что вы двое, возможно, поссорились.

Блядь.

— Валентина здесь?

Моя бабушка кивает.

— Наверху, — повторяет она.

Двойное дерьмо!

— Я сказала ей, что она может подождать тебя там.

Вместо того, чтобы сказать моей бабушке, какая это была чертовски плохая идея, я коротко киваю ей и несусь вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, надеясь, что Валентина прямо сейчас не сходит с ума. За все годы, что мы знаем друг друга, я никогда не позволял Валентине заходить в мою комнату, и по уважительной причине тоже. Моя бабушка, дающая ей карт-бланш рыться в моих вещах, это полный пиздец. Там она увидит мои секреты. Мое сердце. Мою гребаную душу. И какими бы хрупкими и разбитыми ни были они сегодня, я не уверен, что смогу справиться с отказом Валентины.

Или, что еще хуже, с отвращением.

Когда я открываю дверь в свою комнату, я стою как вкопанный, мои легкие отказываются работать от открывшегося передо мной зрелища. Прямо в самом центре моей комнаты стоит Валентина, молча осматривая окружающую обстановку. Она делает несколько шагов к одной стене, в восторге от прикрепленных там фотографий, нежно обводя каждую пальцем.

На стене представлены сотни снимков.

Некоторые из них Бабушка. Другие Логан и Куэйд. Даже одна или две мой родной брат Алекс, но большинство из них, девяносто процентов из них, принадлежат ей.

Ее золотистые глаза смотрят на нее саму, когда она прикрывает рот рукой, чтобы удержать все, о чем она думает, запертым внутри нее, только увеличивая мои мучения.

— Ты не должна быть здесь, — говорю я, захлопывая за собой дверь ногой.

— Почему? — Бормочет она себе под нос. — Почему-то мне кажется, что я всегда была здесь.

Я медленно подхожу к ней, пока она стоит ко мне спиной. Она закрывает глаза, когда чувствует, как мое дыхание щекочет ей ухо.

— Я думаю, в некотором смысле, ты права. Итак, что думаешь?

— Они прекрасны. Я даже не узнаю себя в большинстве из них.

Я натягиваю локон цвета воронова крыла и накручиваю его на палец.

— Все они, это ты. Настоящая ты.

— Я помню это.

Она указывает на фотографию, на которой ей было около пятнадцати, и на ее губах появляется слабое подобие улыбки.

— Я помню этот день. Мы были на реке все лето, а у меня все еще не хватало смелости спрыгнуть с тарзанки. В тот день у меня наконец-то хватило смелости это сделать. Я даже не знала, что ты взял с собой камеру.

— Я всегда ношу свою камеру с собой.

Я смотрю на рассматриваемую картинку и дорожу ею так же сильно, как дорожу

воспоминанием о том дне. Валентина выглядит свободно, когда она подпрыгивает в воздухе, ее растрепанные волосы цвета черного дерева развеваются на ветру, а широкая улыбка занимает центральное место на ее прекрасном лице. Снимок был сделан в ту долю секунды, когда ее глаза оставались открытыми, прежде чем она рухнула в воду, сияя восторгом от того, что у нее хватило смелости совершить прыжок после месяцев колебаний. Двое моих лучших друзей стоят в воде внизу, подбадривая ее, любовь, преданность и гордость плавают в их глазах, готовые подхватить ее в каждом прыжке, который она когда-либо решит совершить.

Взгляд Валентины продолжает изучать мое почтение, в то время как ее грудь вздымается вверх и опускается от моей близости.

— Так вот почему ты раньше никогда не позволял мне подниматься к тебе в комнату?

Я не отвечаю, вместо этого я осторожно убираю ее длинные волосы с плеча, оставляя открытой ее шею, чтобы я мог запечатлеть нежный поцелуй у нее за ухом.

— Ты мог бы показать мне это раньше.

— Я показываю тебе это сейчас, — говорю я, покрывая ее шею легкими, как перышко, поцелуями.

Она ерзает на месте, но не отстраняется.

— Но ты мне их не показал. Я вторглась в твою комнату.

— Не имеет значения. Теперь ты здесь.

Она оборачивается и смотрит мне прямо в глаза, печаль покрывает каждую ее безупречную черточку.

— Почему ты сегодня разговаривал с Трейси Холлис? — Строго спрашивает она обвиняющим тоном.

— Почему тебя это волнует? — Я отвечаю, делая шаг назад от нее, предпочитая сидеть на краю своей кровати и сохранять дистанцию.

Она покусывает нижнюю губу, знак, который говорит мне, что она не только зла, но и нервничает.

— Мне не все равно, — она замолкает, ее глаза опускаются к своим ногам.

Уродливый пронзительный смех покидает меня, заставляя ее запрокинуть голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

— А ты? Насколько я слышал, ты теперь девушка Куэйда.

Она в замешательстве хмурит брови.

— Где ты это услышал?

— Все в школе говорят о золотой паре. Ты действительно собираешься стоять там и говорить мне, что они неправы?

Когда она не отвечает и склоняет голову, мое сердце падает на пол, как хрупкая граната, готовая взорваться при малейшей провокации.

— Так почему тебя волнует, что Трейси разговаривала со мной?

— Мне это не понравилось.

— Жесткое дерьмо. Мне тоже не нравится, что все думают, что ты только Куэйда, — огрызаюсь я на нее, не в силах скрыть свой гнев.

Она сохраняет свою мрачную позу, но то, как она сжимает руки в кулаки, показывает мне, что она так же расстроена, как и я.

— Иди сюда, — приказываю я.

Она выпрямляет спину и смотрит мне в глаза, ни на дюйм, не приближаясь ко мне.

— Иди сюда, Валентина, — повторяю я доминирующим тоном.

Очень медленно она подходит ко мне, и мои ноги широко раздвигаются, чтобы она могла устроиться между ними.

— Меня совершенно не интересует Трейси Холлис.

— С того места, где я стояла, это выглядело не так.

— Меня не волнует, как это выглядело. Я говорю тебе, что она мне не нужна.

— Кто тебе нужен? — Вопрос, заданный шепотом, целует мое ноющее сердце.

Я облизываю губы и провожу подушечкой большого пальца по маленькой полоске кожи у нее из-под футболки. Как и все, что связано с Валентиной, ее кожа насыщенная и опьяняющая.

— Как ты думаешь, кто мне нужен?

— Скажи это, — командует она, проводя пальцами по моим волосам, ее ногти божественно скользят по моей коже головы.

Я откидываю голову назад ровно настолько, чтобы посмотреть на нее, мой язык играет с моими губами, как будто я хотел бы поиграть с ее. Я так чертовски голоден по ней, но, если я скажу Валентине, чего она хочет, я никогда не смогу снова это отрицать.

— Скажи это, Картер. Я хочу, чтобы ты это сказал.

— Ты. Я хочу тебя, Валентина. Всегда хотел и всегда буду.

Довольная улыбка, которая появляется на ее губах, согревает мою темную душу.

— Докажи это, — шепчет она.

Одним быстрым движением я хватаю ее за талию и бросаю на кровать, мое тело нависает над ней полностью.

— И как я должен это доказать? — Я поддразниваю, проводя костяшками пальцев по ее оливковой щеке.

— Поцелуй меня, — умоляет она, затаив дыхание и прикрыв глаза.

Не раздумывая, я делаю, как она просит. Я целую ее и вкладываю всю свою тоску, душевную тоску и страдание в этот поцелуй. Все слова, оставшиеся невысказанными между нами, наполняют этот поцелуй. Он говорит о тоске, отчаянии и, в конечном счете, о моей бессмертной любви к ней. Когда я отстраняюсь, в ее глазах стоят слезы. Я открываю рот, чтобы спросить, что не так, но она хватает меня за шею и снова целует.

В то время как мой поцелуй был полон боли и тоски, ее поцелуй полон обещаний. Обещаний, в которые мое измученное сердце отчаянно хочет верить. И с каждой безмолвной клятвой, которую она дает своим поцелуем, я хватаюсь за нее и запираю глубоко в заточении моей израненной души для безопасного хранения.

Наши языки продолжают танцевать друг с другом, пока наши руки знакомятся с остальными частями нашего тела. Она тянет за подол моей рубашки, и я, следуя ее примеру, стягиваю оставшуюся часть через голову, чтобы предоставить ей полный доступ ко мне. Она вздыхает мне в рот, и я проглатываю это. Ее ногти впиваются в мою спину, и я дорожу отметиной, которую она оставляет на мне. Мой твердый член трется о ее горячую сердцевину, умоляя выпустить его из клетки, чтобы он тоже мог насладиться ее светом. Я стаскиваю с нее рубашку и начинаю целовать каждый участок кожи, который могут найти мои губы, стремясь раскрыть каждый скрытый секрет, который она может хранить. Пальцы Валентины скользят по моей спине, пока я ласкаю один дерзкий сосок зубами и языком. Я посасываю через материал ее кружевного бюстгальтера, ее соски становятся тверже ограненных бриллиантов.

— Сними его, — призывает она, наклоняясь ровно настолько, чтобы я мог расстегнуть ее лифчик.

Я делаю, как она говорит, и мое вожделение только усиливается, когда ее груди оказываются у моего лица. Я целую ее шею, покусывая ее, когда моя рука хватает одну полную грудь. Она задыхается и выгибает спину, ее киска соприкасается с моим членом, сводя меня с ума. Мне нужно быть внутри нее, как кислород, чтобы жить.

К черту это!

Мне это нужно больше, чем воздух, которым я дышу.

Я целую ее в рот, поглощая ее стоны и вскрики, пока расстегиваю молнию на ее джинсах. Мои пальцы находят ее влажной, и мучительный стон вырывается из моего горла от того, насколько она влажная для меня. Я провожу рукой вверх и вниз по ее щели, наслаждаясь тем, как ее соки покрывают мои пальцы. Я вставляю в нее одну цифру, и она кричит так громко, что я не уверен, что моя почти глухая бабушка не услышит снизу.

— Как сильно ты меня хочешь, Валентина? — Спрашиваю я, покусывая мочку ее уха, в то время как мои пальцы продолжают свою атаку на ее киску.

— Я хочу тебя. Всего тебя, — поет она, поворачивая ко мне голову, чтобы прикусить мою нижнюю губу и пососать ее. У меня перехватывает дыхание, когда ее другая рука сжимает мой член, подтверждая ее заявление.

— Блядь, как же это приятно.

— Сними джинсы, — приказывает она

— Только если ты тоже снимешь свои.

Мы вдвоем спешим сесть на кровати, чтобы снять всю оставшуюся одежду, которая на нас еще осталась, пока она и я не оказываемся голыми друг перед другом. Мы вдвоем тяжело дышим, и теперь стоим на коленях, наши глаза путешествуют по нашим телам, вбирая в себя все наше совершенство. Не в силах дальше держать свои руки подальше от нее, я наклоняюсь к ней только для того, чтобы она остановила мои домогательства.

— Картер, подожди, — умоляет она, ее руки на моей груди.

— Что не так?

— Прости. Я не могу этого сделать, — извиняющимся тоном отвечает она, ее взгляд падает на небольшое расстояние между нами.

— О чем ты говоришь?

Когда она не отвечает, я медленно преодолеваю небольшой разрыв и начинаю целовать ее в шею, мягко и с любовью.

— К-Картер, — заикается она.

— ТСС, Валентина. Это всего лишь я, — воркую я, мягко толкая ее обратно, чтобы она легла на кровать.

Она позволяет мне поцеловать ее еще раз, когда я нависаю над ее обнаженным телом. Сначала я целую ее нежно, но, когда это становится более требовательным, она извивается подо мной так, что ее горячая сердцевина обжигает мой член. Я чувствую, как мой поцелуй перед окончанием открывает ее, посылая ударные волны по всему моему телу в предвкушении. Я впиваюсь зубами в ее плечо, головка моего члена в нескольких дюймах от того, чтобы открыть дверь рая.

— Картер, я не могу. Я не могу. Пожалуйста, — умоляет она, качая головой, когда вырывается из-под меня.

Именно ее “пожалуйста” ледяное ведерко ледяного отказа, которое останавливает меня

на моих путях. Я отстраняюсь, ложусь на спину рядом с ней, поглаживая свое лицо ладонью, чтобы охладить себя, нахуй.

— Что на этот раз? — Горько огрызаюсь я, не в силах скрыть свое разочарование.

— Пожалуйста, не веди себя так. Я просто еще не готова.

— Серьезно? Или просто ты в этом не со мной? Может быть, если бы на тебе были Куэйд или Логан, они бы уже были внутри тебя. — Стискиваю зубы я.

— Это было дерьмово сказано.

— Правда ранит, не так ли? — Огрызаюсь я.

— Ты ведешь себя неразумно, как придурок, — возражает она, спрыгивая с кровати и начинает одеваться.

— Я? Правда, Валентина? Потому что с моей точки зрения, я был чертовски разумным. Я жду тебя все эти годы, и каждый раз, когда я чувствую, что мы приближаемся к чему-то, ты отталкиваешь меня.

— Это неправда! — Обиженно огрызается она в ответ.

— Ты уверена в этом? Потому что мне кажется, что это чертовски правдиво!

— Картер, — шепчет она, изо всех сил пытаясь сдержать свой темперамент. — Пожалуйста, не будь таким. Это важный шаг, и я просто хочу убедиться, что он идеален. Разве ты не хочешь, чтобы твой первый раз был идеальным?

Внезапно стыд и вина подкрадываются ко мне, и с моими разбушевавшимися эмоциями я недостаточно быстр, чтобы скрыть это.

— Для тебя это было бы не в первый раз, не так ли? — Спрашивает она в упор, в ее словах слышны боль и ярость.

Я не осмеливаюсь дать ей ответ, который, как она уже знает, является правдой. Стоя на коленях в одной футболке, она на дюйм ближе ко мне на кровати. Я откидываюсь всем телом на подголовник, скрестив руки на груди, чтобы мне было чем занять руки.

— Ответь мне! Это было бы у тебя не в первый раз, не так ли?

— Это был бы мой первый раз с тобой. Это все, что имеет значение, — наконец грубо отвечаю я, не в силах смотреть ей в глаза.

— Знаешь что?! Ты мудак! Ты пытаешься заставить меня переспать с тобой, когда сам вообще не проявлял никакой сдержанности!

— Если хочешь девственника, иди к Логану или Куэйду. Они твои послушные марионетки. Не я! — Кусаюсь я в ответ, и следующее, что я чувствую, это жжение от ее пощечины прямо на моем лице.

Я не двигаюсь.

Я даже не дышу.

Потому что по сей день я никогда раньше не видел столько боли в ее золотисто-карих глазах.

— Валентина, — шепчу я, пытаясь дотянуться до нее, но она просто отстраняется, пока снова не встает с кровати, глядя на меня сверху вниз, как на совершенно незнакомого ей человека.

— Н- Не прикасайся ко мне, — заикается она, дрожа всем телом.

Эти слова, слетевшие с ее губ, ранили меня больше, чем любая пощечина, которую она когда-либо могла мне отвесить. Я встаю с кровати и хватаю ее за плечи, ее кулаки ударяют меня в грудь, когда слезы начинают стекать по ее прекрасному лицу. Вид этой боли, так отчетливо проступающей на ее ангельских чертах, режет меня изнутри, заставляя

чувствовать себя худшим человеком во всем мире.

Она продолжает бить меня в грудь, и я позволяю ей. Я позволяю ей вымещать на мне все свои разочарования, весь свой гнев. Я заслуживаю этого. Я гребаный ублюдок. Я мог бы подождать. Логан и Куэйд ждут. Им не нужен никто, кроме нее, и они готовы ждать ее.

Дело в том, что я тоже готов, и именно это всегда пугало меня до чертиков.

Я бы дал обет безбрачия, если бы она этого хотела. Я бы сделал все, о чем она просила. И поскольку я знал это, моя саботажная задница сделала прямо противоположное. Это был единственный способ, которым я мог защитить свое сердце. Восстав против своих чувств и показав, что у нее нет власти надо мной, которая, очевидно, у нее была… я причинил ей боль.

— Мне жаль, — шепчу я, гладя ее по волосам, пока она продолжает избивать меня. — Мне жаль, — повторяю я, мои глаза щиплет от моих собственных непролитых слез.

Блядь!

Вот почему я сделал то, что я сделал, потому что Валентина вызывает у меня слишком сильные чувства. Наблюдение за тем, как она разваливается на части в моих объятиях, разбивает меня так, что я не уверен, что когда-нибудь смогу собрать все воедино. Я продолжаю извиняться, пока ее гнев не иссякает, и она не кладет голову мне на грудь, ее слезы теперь текут по моей обнаженной коже.

— Я ненавижу тебя, — произносит она в перерывах между рыданиями, но за этим нападением не стоит никаких сантиментов.

— Ну, это, блядь, отстой детка, потому что я, блядь, безумно люблю тебя.

Она чуть приподнимает голову, и я вытираю остатки ее слез, оставляя свои собственные, наполненные водой глаза на виду, чтобы она могла их видеть.

— Неважно что, кто-то другой на несколько минут овладел моим телом. У тебя, Валентина, моя гребаная душа на всю жизнь. Но могу ли я сказать то же самое о тебе? У меня есть твоя?

Когда она опускает лицо и яростно прижимает меня к себе, не отвечая, я прикусываю язык, чтобы не дать моей тоске вырваться наружу. Но это бесполезно. Мазохист во мне не может помешать жгучему вопросу, застрявшему у меня в горле, выйти на свет божий.

— Ты никогда не будешь только моей, не так ли?

Каждый порез в моем сердце, осязаемое доказательство того, что ее молчание, это самое громкое подтверждение, которое она когда-либо могла выразить словами.

ГЛАВА 9
СЕЙЧАС
ВАЛЕНТИНА

Мы готовимся к прогулке на лодке, когда мой телефон подает звуковой сигнал, и я смотрю на него, чтобы увидеть сообщение от Лукаса. Мое прощание, казалось, так и не дошло до него, и за последний год я довольно часто получала сообщения и звонки. Иногда я

отвечала, но в большинстве случаев нет.

Я все еще скучаю по тебе.

Это всегда было проблемой с Лукасом. Я никогда не скучала по нему.

— Кто, черт возьми, такой Лукас? — Рычит Картер у меня за спиной, читая текст через мое плечо.

— Просто парень из прошлого, — говорю я печально.

Картер неверно истолковывает боль в моем голосе за то, чем она не является. Внезапно он разворачивает меня и прижимает к стене, держа мои руки над головой и прижимаясь ко мне.

— Нас троих недостаточно, Валентина? Неужели другие недостаточно занимаются этой жадной киской? — Спрашивает он мягким зловещим голосом.

Моя грудь быстро поднимается и опускается от его демонстрации агрессии. Я безумно возбуждена, и мои груди прижимаются к нему, трутся о него, когда я дышу, и заводят меня еще больше.

— Тебя более чем достаточно. Вас всех. — Говорю я ему, затаив дыхание. — Просто мне кажется, что я оплакиваю время, которое я потратила впустую на человека, который за все время, что я с ним встречалась, ни разу не заставил меня почувствовать ни капли той страсти, которую я испытываю всего за минуту с одним из вас.

Я закрываю глаза, когда он начинает водить кончиком носа вниз по моему лицу, а затем по шее.

— Я ненавидела себя, когда была с Лукасом. Он был совершенен. Все так думали. Он относился ко мне так, как будто я была всем его миром. Но он все время знал, что, что бы он ни делал, мне всегда будет недостаточно. Мы никогда не ссорились, потому что я никогда не заботилась о том, чтобы на что-то обращать внимание. У него никогда не было возможности разбить мне сердце, и именно поэтому я порвала с ним, когда узнала, что снова заболела. Потому что я ничего не чувствовала, когда была с ним, и я не хотела проводить свои последние минуты на Земле в таком оцепенении.

Губы Картера перестают шевелиться, когда я говорю. Он застыл на моей коже, и я дрожу, не только от ощущения его рядом со мной, но и потому, что чувствую, что потеряла что-то внутри себя, рассказав ему все это. Что говорит о нашей любви то, что я предпочла бы ссориться с Картером, Логаном или Куэйдом, чем испытывать какое-либо блаженство с кем-то другим.

Эти мужчины - мои гребаные родственные души.

Картер, кажется, смягчен моим объяснением, но он все еще стреляет кинжалами в мой телефон, когда я кладу его в сумку, чтобы взять с собой. Хотя я даже не знаю, зачем я ношу его с собой. Нет никого, кого бы я хотела услышать на данный момент, кого бы сейчас не было со мной.

Мы идем по тропинке, которая вьется вниз по склону утеса. Я борюсь, даже несмотря на то, что это спуск. Это один из тех моментов, когда вы пытаетесь дышать как можно тише, чтобы никто не узнал, насколько вы не в форме. Хотя я не теряю форму. Мое тело просто отключается.

— Ты теперь знаешь о моих прошлых отношениях, — начинаю я, не отрывая взгляда от воды под нами. Я даже не знаю, почему я собираюсь спросить то, что собираюсь спросить. — Был ли у тебя когда-нибудь кто-нибудь особенный в твоей жизни? — Спрашиваю я Картера.

Картер приподнимает бровь, спрашивая, действительно ли я иду в том направлении. Я не уверена, зачем я это делаю, но, возможно, мне нужен укол боли сегодня, чтобы почувствовать себя более живой. Прошлой ночью у меня пошла кровь из носа посреди ночи. Это продолжалось часами, и я почти дошла до того момента, когда собиралась разбудить ребят, чтобы они отвезли меня к врачу, когда это прекратилось так же внезапно, как и началось.

— Я не знаю, назвал бы я кого-либо в моем прошлом отношениями, — наконец отвечает он после минутного раздумья. — Были подружки по сексу, да. Но никаких отношений.

Я морщусь от этого термина. Я ненавижу думать о том, что он с кем-то трахался. Особенно когда он все еще не занимался со мной любовью.

— Ты сама спросила, Валентина, — злобно отвечает Картер после того, как видит, как я съеживаюсь. — И чья, блядь, вина в том, что эти женщины вообще получили шанс быть со мной?

Мои губы дрожат от страстности его тона. В последнее время у нас все шло так хорошо. Но, очевидно, нам еще многое предстоит решить. Картер удаляется по тропинке. Логан и Куэйд оба остаются рядом со мной.

— Ты в порядке, принцесса? — Спрашивает Куэйд нерешительно.

Я вздыхаю и киваю, не доверяя себе, чтобы заговорить, потому что знаю, что заплачу. Я была дурой, думая, что несколько недель могут исправить десять лет сердечной боли. Особенно с Картером. Он чувствует вещи глубже, чем большинство людей. Я уверена, что мое предательство и уход проникли в самую его душу, на которой теперь отметина, которую, возможно, не удастся стереть.

Куэйд прочищает горло.

— Ты знаешь…Я думаю, что одной из самых сложных вещей в жизни после тебя была борьба за то, чтобы найти кого-нибудь еще, кто мог бы соответствовать воспоминаниям о тебе. Иногда мне казалось, что я схожу с ума. И в процессе, я уверен, я разбил миллион сердец в своем стремлении прикоснуться к чему-нибудь, что могло бы содержать частичку того, что у нас было вместе. Но это было бесполезно. Никто не мог соответствовать тому образу, который сложился у меня в голове о том, кем ты была для меня. Со временем я начал сомневаться, действительно ли то, что у нас было, было таким особенным, как я думал. Я солгал себе, сказав, что это не так, а затем чувство вины и злости только усилилось. Потому что я ненавидел тот факт, что твой призрак был лучше, чем что-либо реальное передо мной.

Он пытается снова откашляться и продолжает пристально смотреть перед нами. По его боковому профилю я могу сказать, что он часто моргает, как будто пытается удержаться от слез.

— Я был откровенен с каждой женщиной, с которой я встречался. Я сразу говорил, что мы никто друг другу и никогда ничего не будем значить друг для друга. Но я знал, что они хотели большего. Они всегда хотели большего. И это на моей совести, — также сокрушается Логан рядом со мной, делая долгий вдох, прежде чем продолжить. — Сначала я просто пытался выкинуть тебя из своей системы. Особенно после того первого года, когда я по глупости ждал, что ты вернешься к нам. А потом, когда я понял, что этого никогда не произойдет, я сделал это просто для релиза, — добавляет он с легким румянцем на щеках из-за того, насколько ему неловко из-за рассматриваемой темы.

— Ты ждал целый год? — Спросила я Логана, даже когда Куэйд начал идти быстрее

впереди нас. Логан неловко чешет голову.

— Я не думал, что ты сможешь остаться в стороне. Потому что мне казалось, что я умирал, когда ты ушла. Я думал, что ты вернешься из-за такой же боли. Мне казалось, что мою душу вырвали из тела. Блядь, — ругается Логан, потирая грудь.

Мы остановились на гребне холма прямо над оживленным доком под нами. Куэйд исчез из поля нашего зрения, и, возможно, это к лучшему. Я не хочу знать, как долго Куэйд ждал, чтобы трахнуть девушку после моего ухода. Я сомневаюсь, что у него была такая же сдержанность, как у Логана, и это факт.

Вдоль дорожки оказалась утопленная деревянная скамейка, и я с благодарностью опускаюсь на нее. Я потираю область над сердцем, чтобы вспомнить боль, о которой он говорит. Я тоже думала, что умру. Сначала я считала часы, говоря себе, что если я смогу просто пережить следующий час, не позвонив им и не вернувшись, тогда все будет в порядке. А затем часы растянулись в дни, а дни превратились в недели, а затем, в конечном счете, в месяцы.

И вдруг у нас украли десять лет.

Боль просто превратилась в тупую ноющую боль, шрам, который болел всякий раз, когда я по-настоящему смотрела на свою жизнь и понимала, что я несчастлива. Это истинное счастье было недостижимо для меня, и, по-видимому, для них тоже.

Я, наконец, встаю и беру Логана за руку, когда мы спускаемся туда, где нас ждут Картер и Куэйд. Я сжимаю его руку прямо перед тем, как мы подходим.

— Я не могла выбирать. — Это единственное объяснение, которое я могу дать ему, почему я так и не вернулась.

К счастью, мы добираемся туда до того, как Логан может спросить, что изменилось.

Картер игнорирует меня, когда мы подходим к причалу, где нас ждет наша лодка на день. Куэйд нервный, несомненно, напуганный тем, что я собираюсь спросить о количестве женщин, с которыми он спал за последние десять лет. Логан ... ну, он просто угрюмый.

Так держать, Валентина. Ты проделала потрясающую работу, испортив нашу прогулку.

Когда появляется наша команда на день, я облегченно вздыхаю, надеясь, что день можно спасти, но, к сожалению, кажется, что становится только хуже.

Адонис, наш гид, именно такой…Адонис. Не так много мужчин могут сравниться внешностью с Куэйдом, Картером и Логаном. Девушки всегда были от них без ума, типа “не могу спать, не могу есть, отправлю им использованные трусики”.

Адонис ... что ж, он действительно близок к тому, чтобы оправдать свое имя.

Он загорелый и мускулистый во всех отношениях, с черными как смоль волосами и темными как ночь глазами с ресницами, которым позавидовали бы многие женщины. На нем нет ничего, кроме низко сидящих красных плавок, которые демонстрируют упаковку из шести банок и тот V-образный вырез, который всегда сводит дам с ума.

Он также чрезвычайно кокетлив.

Его глаза загораются, когда он видит меня, и он немедленно прекращает разговор, который вел с Картером, чтобы встретиться со мной.

— Пожалуйста, скажи, что ты та Валентина, которая забронировала сегодня мою лодку, — воркует он, хватая мою руку и целуя ее, сохраняя зрительный контакт. Он бросает на меня соблазнительный взгляд, который говорит мне, что он готов перенести эту вечеринку в спальню, как только я буду к этому готова.

Смущенная флиртом в его лице, я краснею ярким румянцем, а затем слышу рычание. Поднимая глаза, я обнаруживаю, что Логан и Куэйд сдерживают разъяренного Картера, который выглядит так, словно может убить Адониса голыми руками. Я быстро убираю руку и делаю шаг назад от Адониса.

— Спасибо, что согласились взять нас на прогулку. Мы рады провести день на этой прекрасной воде. — Вежливо говорю я ему, стараясь держаться на безопасном расстоянии от подражателя Казановы.

Куэйд отпускает Картера, как только удостоверяется, что тот остыл, и подходит ко мне, обнимая меня за талию. Это явно собственнический жест, призванный наглядно показать Адонису, что я занята, но наш гид просто выглядит удивленным, вместо того чтобы принять подсказку всерьез.

— Ну, тогда давайте начнем, да? — Он энергично напевает, направляясь к изящному белому скоростному катеру позади него.

Картер бросает на него убийственный взгляд, когда Адонис проходит мимо него, взгляд Логана выглядит ничуть не лучше. Адонис либо не видит этого, либо видит и ему все равно, потому что его походка никогда не сбивается. Он запрыгивает в лодку и машет нам, чтобы мы следовали за ним. Картер еще раз что-то ворчит себе под нос Логану, прежде чем сердито посмотреть на меня, а затем шагает к лодке, игнорируя попытку Адониса помочь ему подняться на борт. Куэйд и Логан парят рядом со мной, следя за тем, чтобы они были по обе стороны от меня и Адонис не мог дотянуться до меня, чтобы помочь мне забраться на лодку. Адонис посылает мне дерзкую ухмылку, когда я прохожу мимо, и я не могу не улыбнуться ему в ответ. У Адониса хватит смелости справиться с тремя альфа-самцами, которые сегодня со мной. Я просто надеюсь, что он не перегнет палку, иначе мои люди могут его утопить.

Адонис объясняет маршрут на день, не сводя с меня глаз все это время, а затем мы отправляемся. Я временно забываю о том, как сильно я разозлила парней, когда мы заходим все дальше в воду, наблюдая, как вся Фира расстилается перед нами среди скал, изумрудная вода идеально оттеняет побеленные здания, врезанные в вулканическую породу.

Неподалеку плещется дельфин, и я подпрыгиваю от неожиданности, движение, которое временно снимает напряжение и заставляет всех, кроме Картера, расплыться в улыбке. Как я уже говорила ранее, улыбки Картера трудно добиться, особенно когда он зол.

Когда Адонис паркует катер, мы все раздеваемся до наших купальных костюмов. Для парней это просто означает снятие футболок, но я с таким же успехом могла бы раздеваться перед шестом, потому что все мужчины на лодке смотрят на меня так, словно собираются съесть.

Я думала, что сегодня буду плавать с дельфинами, но мне все больше кажется, что меня окружают акулы.

КАРТЕР

Я сдерживаю стон, когда дюйм за дюймом открывается вид на ее гладкую, идеальную кожу. Сегодня на ней бирюзовое бикини, которое должно быть незаконным. Это делает ее золотистую кожу и темные волосы еще более эффектными, и я снова думаю, что никогда не видел ничего более красивого.

Она соблазнительница из ада, которая полна решимости утащить меня за собой.

Сейчас я даже не уверен, почему я так зол. Я просто знаю, что наш разговор вывел меня из себя. Я не хочу, чтобы мне напоминали обо всех женщинах, которых я трахал на протяжении многих лет, потому что я тосковал по любви, которая решила, что я недостаточно хорош. Я знаю, что на самом деле произошло не это, но в этот момент легче обвинить ее, чем признать, что я действительно мудак без каких-либо искупающих качеств, кроме моей способности любить Валентину всей душой.

Эта мысль преследует меня, когда пара рук сильно толкает меня в плечо, и я падаю в гребаный океан. Я брызгаю слюной, когда поднимаюсь, выплевывая соленую воду, когда откидываю назад волосы, чтобы посмотреть, кто из придурков, с которыми я делю Валентину, сделал это со мной.

Куэйд самоуверенно пялится на меня с борта лодки, приподняв одну бровь и расплывшись в самодовольной ухмылке. Конечно, это был он.

Мудак.

— Просто защищаю добродетель моей принцессы. — Он непримиримо пожимает плечами.

Я закатываю глаза. Он блядь чертовски уверен, что той ночью очень хорошо “защищал” добродетель Валентины. Мне потребовались все силы, чтобы не ворваться в комнату, когда она так громко кричала.

Везучий ублюдок.

Даже несмотря на то, что вода холодная, это все равно не мешает мне возбуждаться при мысли о том, что я с ней в той комнате. Я не знаю, чего я жду. Она дала мне все сигналы, что она готова. Она определенно наверстывает упущенное время с Куэйдом и Логаном. Я был в постоянном возбуждении от того, как эти трое, кажется, не могут оторваться друг от друга.

Опять же, чего я жду?

Валентина перегибается через борт лодки, к сожалению, предоставляя Адонису прекрасный вид на ее задницу, которым он в полной мере пользуется. Я не могу убить гида, напомнил я себе.

Я не могу убить гида.

По крайней мере, не пока мы все еще на воде. Однако меня можно убедить убить этого ублюдка, если Валентина решит пригласить его в маленький гарем, который она создала для себя. Это неприятная мысль, и я знаю, что Валентина никогда бы так не поступила, но сейчас я иррационально зол. И в этом заключается проблема.

Несмотря на то, что я тот, кто собрал нас всех вместе, во мне все еще много гнева. И, к моему удивлению, это не обязательно связано с необходимостью делиться ею. Это просто обо всем. О потерянном времени. О ее уходе в первую очередь. О том, какая загадочная она сейчас, с ее охраняемыми секретами и нежными улыбками, чтобы отбить у нас охоту требовать от нее правды.

Я знаю, что все не так, как кажется. Добавьте к этому мое добровольное безбрачие, и я окажусь в полной заднице.

Мне всегда нравился секс ... немного грубый.

Я боюсь, что если я поддамся своим желаниям и, наконец, уложу Валентину в постель, то выпущу на волю монстра, с которым ее хрупкое тело не сможет справиться. Что я буду слишком груб с ней из-за своей ярости. Я мудак, но я бы никогда намеренно не хотел причинить ей боль. Я бы лучше причинил боль себе. Чем я и занимаюсь, последние несколько недель постоянно передвигаясь с синими шарами, мать их так.

— Как вода? — Спрашивает Валентина, наклоняясь над лодкой, чтобы коснуться воды.

— Почему бы тебе не зайти и не узнать?

Как только я это говорю, Логан подхватывает ее на руки и прыгает в воду, посылая волну воды прямо мне в лицо. Второй раз менее чем за пять минут я обнаруживаю, что глотаю морскую воду. Я слышу смех Валентины, и любое раздражение, которое у меня возникает, сразу же исчезает. Валентина все время смеялась, когда мы были моложе. Сейчас ее смех редок и далеко не всегда. Я уверен, что она сказала бы то же самое и обо мне. Хотя разница в том, что я никогда особо не улыбался, и меньше всего смеялся.

На самом деле только для нее.

Валентина подплывает ко мне после попытки замочить Логана, с чем он, очевидно, соглашается, потому что мы все настолько одержимы этой женщиной, насколько это вообще возможно.

— Мне жаль, — тихо шепчет она в своей милой манере, которой всегда удается разрушить мою защиту.

Я притягиваю ее к себе, и она обхватывает меня ногами, в чем мой напряженный член не нуждался. Она, должно быть, замечает мою эрекцию, но она ничего не говорит, она просто гладит мою щеку рукой и смотрит на меня так, как будто я намного лучший мужчина, чем я есть на самом деле. Почему-то в ее голове я всегда был Прекрасным принцем, в то время как в истории любого другого я был бы злодеем.

— Тебе не за что извиняться, — говорю я неохотно, не уверенный, имею ли я в виду слова, которые слетают с моих губ.

— Как ты думаешь, ты когда-нибудь сможешь простить меня? — Спрашивает она.

Логан начинает подплывать к нам.

— Давай поговорим об этом позже. Поужинаем сегодня вечером, только я и ты.

Ее глаза загораются, и я не могу поверить, что мне посчастливилось это видеть. Я не могу поверить, что она так смотрит на меня.

Логан оттаскивает ее от меня, когда Куэйд влетает пушечными ядрами, забрызгивая всех нас. Я снова чувствую себя ребенком. Воспоминания о том, как мы летом купались в Сан-Антонио, оживают в наших умах, и в течение следующего часа мы плаваем и брызгаем друг на друга, пытаясь воссоздать лучшие годы нашей жизни.

Я гоняюсь за Валентиной в воде, когда внезапно она кричит.

— Акула!

Она отчаянно начинает плыть к лодке, пока я оглядываюсь в поисках плавника. В воздухе раздается кудахтанье, когда дельфин проносится перед лодкой, выпрыгивая из воды на расстоянии не более десяти футов. Валентина перестает плавать, ее лицо приобретает пепельный оттенок. Логан подбегает и хватает ее, утешая после момента, полного ужаса.

Я смотрю на Куэйда, и он изо всех сил старается не рассмеяться. И вдруг мы оба начинаем смеяться. Валентина пытается выглядеть рассерженной, но вскоре она поддается приступу хихиканья и разражается хохотом прямо вместе с нами. Я не собираюсь признаваться, как быстро забилось мое сердце при мысли о близости акулы, поскольку испуг стоил того, чтобы просто услышать ее смех.

Адонис объявляет, что обед готов, и мы все плывем обратно к лодке. Мы с Куэйдом оба сверлим взглядами, когда Адонис помогает Валентине забраться в лодку, стараясь как можно больше касаться ее обнаженной талии.

Ты не можешь убить его, снова напоминаю я себе.

На большом подносе нас ждут различные виды мясного ассорти, хлеб, крекеры и сыр, и мы набрасываемся на них. Валентина спрашивает Адониса, каково было здесь расти, и он потчует нас историями, которые очень похожи на то, каково было бы расти в раю, если бы я когда-нибудь перестал это представлять.

— Нам следует купить здесь загородный дом, — вмешивается Куэйд, оглядывая всех нас. — Мы все могли бы присоединиться, и это было бы место, где мы могли бы просто сбежать от всего этого. Бьюсь об заклад, мы могли бы найти что-нибудь, пока мы здесь на этой неделе, и все это настроить.

Логан заинтересованно кивает, но Валентина становится еще бледнее, чем при угрозе акулы. Она выглядит так, словно Куэйд предложил кого-то прикончить, а не купить загородный дом. Куэйд нетерпеливо смотрит на Валентину.

— Что ты скажешь?

Валентина делает большой глоток своего лимонада, явно оттягивая время.

— Может быть, нам стоит подождать с покупками, пока мы во всем не разберемся, — наконец отвечает она.

Наступает мрачная тишина.

Я говорю “мрачная”, потому что никто из нас не воспринимает то, что она только что сказала, очень хорошо. Потому что, похоже, она думает, что это между нами все еще временно.

— Прости? — Упрекает Куэйд, и в его голосе слышится угроза, которая далека от образа классного клоуна, который, кажется, всегда присутствует у Куэйда.

Даже Логан выглядит взбешенным, и он, вероятно, прыгнул бы в кишащие акулами воды, если бы она попросила его об этом. Гнев внутри меня, который всегда ждет там, прямо под поверхностью, растет. Валентина выглядит пораженной, как будто она не совсем понимает, что происходит и почему Куэйд так с ней разговаривает. Адонис, который жадно слушал, наконец понимает, что это не тот “веселый” разговор, ради которого ему стоит задерживаться. Он предусмотрительно берет свой обед и направляется в каюту лодки, чтобы создать для нас некоторое подобие уединения, но меня не обманешь его бесцеремонным отношением. Я уверен, что он все еще будет пытаться жадно прислушиваться к предстоящей ссоре. За что я его на самом деле не виню. Временами в этом путешествии мне казалось, что я попал на сцену одной из тех дневных мыльных опер, которые всегда смотрела моя бабушка.

— Что именно тебе нужно выяснить?

— Я просто имею в виду, как все будет это работать. Ты живешь в Далласе, где ты известный футболист. Знаменитость, к которой женщины бросаются к ногам, — добавляет она последнюю часть с некоторой горечью. — Или ты забыл это?

Если бы мы не застряли на яхте, я знаю, Куэйд бы убежал с этим комментарием. Хотя Куэйд всегда был душой вечеринки, он также своего рода горячая голова. И да, я знаю, я тот, кто называет черное черным.

— А ты, — продолжает она, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Логана. — У тебя партнерство в одном из самых престижных инвестиционных банков в мире ... через всю страну от Далласа.

Плечи Логана напрягаются, и мне становится жаль парня. Потому что Валентина, очевидно, не понимает, что он отказался бы от всего ради шанса снова быть с ней. Я знаю это, потому что я бы сделал то же самое. Что угодно если хотите.

Осознание этого поражает меня сильно и быстро. Сила чувства настолько сильна, что одна мысль об этом почти отбрасывает меня назад, обратно в воду. Впервые, когда она в следующий раз поворачивается ко мне, во мне нет гнева, набрасывающегося из-за ее неуверенности в том, как мы все будем работать. Мы разберемся, потому что другого выхода нет. Нет такого места, куда бы я не пошел, ничего такого, чего бы я не сделал ... для нее.

— И, Картер, ты путешествуешь по всему миру. Ты сказал нам всем, что тебя никогда не бывает дома, что ты путешествовал практически всегда. Как вообще могут сложиться такие отношения?

Ее нижняя губа дрожит, когда она заканчивает свою тираду, отчаянно ожидая, что мы скажем ей, что она права. Но я все еще пытаюсь смириться с тем, что только что осознал, что это меняет мою жизнь, поэтому мне требуется секунда, чтобы сказать ей, что она чертовски сумасшедшая, если думает, что я когда-нибудь снова брошу ее. Логан и Куэйд оба выглядят шокированными, когда я наконец вытаскиваю голову из задницы, осознав, что это я рационален и спокоен. Я встаю и сажаю Валентину обратно к себе на колени.

Я приглаживаю ее мокрые волосы и притягиваю ее еще ближе, так что мой рот оказывается прямо у ее уха. И поскольку я ни хрена не умею говорить, именно поэтому я делаю фотографии, чтобы проиллюстрировать свои чувства и мысли, я цитирую одного из ее любимых авторов. “Я вижу тебя повсюду, в звездах, в реке, для меня ты - все, что существует в этом мире.”

Она мгновенно приникает ко мне. Раньше она заставляла меня читать Вирджинию Вульф вместе с ней в библиотеке, когда ей надоедало смотреть, как я копаюсь в своих картинах. Так что она сразу понимает, что я пытаюсь до нее донести. В этот момент выходит Адонис с бутылкой рома в руках и прерывает наш разговор. Логан и Куэйд немедленно приступают к разборке бутылки, им нужно что-нибудь крепкое, чтобы смыть боль. Однако я воздерживаюсь. Во-первых, я все еще хочу пригласить Валентину на свидание сегодня вечером, и я не хочу быть пьяным, когда сделаю это, и, во-вторых, сегодня та ночь, когда я собираюсь снова сделать ее своей. И мне не нужно, чтобы что-то мешало моей работе.

Валентина делает только один глоток, предпочитая еще немного подержаться в своем задумчивом состоянии. Логан и Куэйд, с другой стороны, оправляются от своих прежних настроений по мере того, как льется ликер. К тому времени, когда мы причаливаем к причалу после дня, проведенного за плаванием и рыбалкой, они уже на седьмом небе от счастья и в лучшем расположении духа. Возможно, напускной ужас был их способом

обеспечить нам с Валентиной возможность побыть наедине.

Я готов немного побыть с ней наедине.

Я готов к вечности с ней.

ВАЛЕНТИНА

Картер другой. Это ощутимое отличие от того, как он начинал это путешествие. У него словно груз свалился с плеч, и несмотря на то, что ранее он цитировал мне Вирджинию Вульф что, кстати, очевидно, они с Логаном пытаются использовать все имеющееся в их распоряжении оружие, используя литературу против меня, я все еще нервничаю из-за того, что это изменение означает для меня.

Мне было бы легче, если бы он мог продолжать ненавидеть меня за все, через что я заставила нас пройти, потому что сегодняшняя ситуация с домом только укрепила то, что это ад, в который я попаду, когда перейду в следующую жизнь.

Мы возвращаемся в отель, и Куэйд с Логаном расходятся по своим номерам. Картер удивляет меня, притягивая в свои объятия и проводя носом по моей шее. Честно говоря, я привыкла к тому, что он немного холоден, но с того момента на яхте, когда он усадил меня к себе на колени, он был просто горячим.

— Ты все еще готова пойти со мной на свидание? — Спрашивает он, и мурашки бегут от каждого дюйма моей кожи, к которому он прикасается, каскадом спускаясь по моему телу. Он улыбается, касаясь моей кожи, и я знаю, что ему нравится эффект, который он производит на меня.

Я очень устала, но я преодолею это ради шанса побыть с ним наедине сегодня вечером.

— Конечно, — говорю я, еще теснее прижимаясь к нему. Я отчаянно нуждаюсь в такой привязанности с его стороны. Даже если бы я жила сто лет, я бы не воспринимала то, что они заставляют меня чувствовать, как должное. — Что мне нужно надеть? — Спрашиваю я, думая о том, что сейчас я, вероятно, выгляжу как дохлая крыса.

— То, что на тебе надето, подходит, — радостно говорит он мне.

И теперь я с подозрением отношусь к тому, что влечет за собой наше свидание ... потому что Картер не бывает веселым. Но он явно чем-то очень взволнован.

— Я, по крайней мере, собираюсь причесаться, — говорю я ему, прежде чем неохотно покидаю тепло его рук.

Я начинаю идти к своей комнате, оглядываясь один раз, просто чтобы убедиться, что он настоящий, а не плод моего воображения. Мне пришлось много раз перепроверять вещи в этой поездке. Часть меня чувствует, что в любой момент я могу проснуться и обнаружить, что впала в кому из-за опухоли головного мозга, и все это было просто моим воображением. Он стоит там и смотрит на меня так, словно я - сам воздух, которым он дышит. Я мысленно представляю его лицо, желая сохранить этот образ при себе, несмотря ни на что, а затем я исчезаю в своей комнате, где я делаю гораздо больше, чтобы подготовиться, чем причесываюсь.

В конце концов, я не каждый день хожу на свидание с Картером Хейсом.

После того, как я надела самое модное бикини, которое у меня есть, нанесла свежий слой макияжа и тонкую полосу ярко-красной помады, которая подходит к упомянутому бикини, я нанесла немного средства на свои локоны, и я готова идти.

Картер также переоделся в другие шорты и майку, и у него в руках корзина для пикника.

— Оказывается, пикники - популярное блюдо в меню этого отеля, — говорит он, пожимая плечами. Взяв меня за руку той, в которой нет корзины, и мы отправились через город, в конце концов вызвав такси.

— Куда направляемся? — Спрашиваю я, и он просто подмигивает мне.

— Увидишь через мгновение.

Водитель высаживает нас, кажется, у черта на куличках. Прежде чем он отъезжает, Картер что-то спрашивает у него в окно, и водитель указывает налево, где я вижу небольшой пролом в скалах. Картер кивает, а затем подходит ко мне.

— Нам нужно пройти по этой тропинке вниз к пляжу, — объясняет он, когда мы направляемся туда, куда указывал водитель. Конечно же, пролом в скалах на самом деле представляет собой узкую тропинку, которая ведет к пляжу внизу с песком ярко-красного цвета.

Солнце только начинает опускаться за линию, где море встречается с горизонтом, и небо заливается акварелью розовых, пурпурных и оранжевых тонов. Мы оба снимаем сандалии, как только оказываемся на песке, а затем Картер ведет меня немного дальше по пляжу, прежде чем поставить корзину для пикника и вытащить белое одеяло, которое он расстилает на песке.

— Они обо всем подумали, не так ли? — Изумленно спрашиваю я, когда он достает две тарелки и столовые приборы, куриные кебабы, рис с лимоном и несколько плоских питас. В ресторане к курице даже подавали соус цацики.

Мы оба устраиваемся поудобнее на одеяле, на самом деле ничего не говоря, пока поглощаем вкусную еду. Вокруг никого, так что кажется, что мы в нашем собственном маленьком мире. Я наслаждаюсь шумом воды, разбивающейся о берег, ветром, мягко ласкающим мое лицо, и тем фактом, что каким-то образом у меня появился шанс заняться сексом с красивым мужчиной, сидящим напротив меня.

Когда я слишком наедаюсь, чтобы съесть еще кусочек, я отодвигаю тарелку и ложусь на одеяло, закрыв глаза, продолжая наслаждаться этим маленьким моментом совершенства. Как получилось, что за десять лет я ни разу не испытала ничего похожего на этот простой момент?

— О чем ты думаешь? — Спрашивает Картер. Мои глаза распахиваются, и я вижу, что он наблюдает за мной.

— Просто интересно, как один момент времени может каким-то образом быть лучше, чем десять лет мгновений во времени, — признаюсь я, удивляя себя своей честностью.

— Я думал об этом. Нам почти тридцать гребаных лет, и сумму того, чего я хочу на всю оставшуюся жизнь, можно найти в этом текущем моменте времени. Это, несомненно, заставляет тебя оценить то, что ты сделал, не так ли?

— Это так, — мягко соглашаюсь я. Я сажусь и обнимаю колени. Я надеюсь, что, когда они оглядываются назад и видят мою ложь, они все еще могут видеть моменты истины среди лжи. Моя правда в том, что я никогда ничего и никого не любила так, как я люблю их. Мое сердце умирало каждый день вдали от них, просто жестокость жизни в том, что мое тело

умрет теперь, когда я их обрела снова.

— Ты готова ко второй части свидания? — Спрашивает он, вставая и протягивая мне руку.

Стремясь избавиться от меланхолии момента, я благодарно киваю и беру его за руку. Когда мы встаем, он отпускает меня и внезапно снимает рубашку. Я вопросительно смотрю на него, а затем краснею, когда за ней быстро следуют его плавки.

— Что, если кто-нибудь увидит? — Спрашиваю я, оглядываясь по сторонам, мои щеки все еще пылают.

Как и двое других, Картер - бог. На его животе рябят впадины и тени, и я хочу лизнуть каждую из них. Небольшая прядь волос обрамляет его эрекцию. Я проглатываю комок в горле, когда внимательно смотрю на него. Он идеален везде. Желание проносится между моих бедер, и он наблюдает, как я извиваюсь, когда он злобно поглаживает свою твердую длину, пока я наслаждаюсь.

Картер знает, с чем он работает.

— Я дышу тобой, — шепчет он мне, медленно спуская одну бретельку моего бикини вниз, а затем другую. Я знаю, что он имеет в виду, он знает, что много значит для меня, он тот самый кислород, которым я и сама дышу. Я была с ним раньше, запомнила, как ощущалась его кожа на моей. Но это кажется чем-то большим. Гораздо большим.

Он оставляет меня вот так, подмигивая, прежде чем уйти с голой задницей в воду. Он бросается в воду, а я все еще смотрю ему вслед с открытым ртом. Моя грудь вздымается от того, насколько я возбуждена. Я еще раз оглядываюсь, полностью ожидая, что на вершине холма, с которого мы спустились ранее, внезапно появится автобус с туристами. Когда я по-прежнему никого не вижу, я делаю глубокий вдох и быстро раздеваюсь. Я двигаюсь быстро, не стремясь быть соблазнительной, но я чувствую на себе взгляд Картера из воды. Мой клитор пульсирует от его взгляда, и я мокрая, очень мокрая, и тяжело дышу от предвкушения.

Я быстро бросаюсь к воде, где он ждет меня с сексуальной улыбкой. Он встречает меня на краю океана и разворачивает меня, прежде чем завести нас глубже в воду, пока мои плечи не погрузятся в воду.

Мы кожа к коже ... и это все.

Крепче прижимая меня к себе, он боготворит мой рот своим, и мое тело нагревается от его прикосновений, когда он ласкает каждую тень шепота. Он улавливает мой стон, вбирая его в себя, чтобы смешать со своим. Я всхлипываю, когда он целует меня в щеку к уху и вниз по шее, покусывая впадинку над ключицей. Мои руки двигаются, они повсюду… его плечи, предплечья, пробегают по жестким линиям его спины.

Все, что он делает со мной, вызывает нечестивую пульсацию между моими бедрами.

— Валентина, — произносит он, мое имя молитвой слетает с его губ. Его имя срывается с моих губ шепотом. Я отстраняюсь от него, чтобы посмотреть на него. Небо уже почти потемнело, и миллион звезд проглядывают сквозь темно-фиолетовый гобелен позади него. Наверное, мне следует бояться, что нас съедят акулы, но здесь, в его объятиях, я не чувствую, что меня может коснуться что-то плохое.

Его волосы зачесаны назад с лица. Тени от наступающей ночи очерчивают резкие черты его лица. В этом тусклом свете его глаза кажутся черными. Они не бездушны или безжизненны, как вы могли бы подумать. Они похожи на камни-близнецы из оникса, отражение бесконечной полосы полуночного неба, простирающегося вокруг нас. Его глаза

таинственны и глубоки, храня секреты, которые я хотела бы, чтобы у меня было время раскрыть.

Я глажу его по лицу. Я чертовски сильно люблю этого человека. Моя ложь разрушит нашу историю. Я знаю, что поступила неправильно. Я собираюсь разбить сердце этого человека. Разбить сердца их всех.

Этот день все ближе и ближе.

Мантра зарождается в моей голове и воспроизводится при повторении. Я люблю его сегодня, я хочу его сегодня вечером. Я хочу его навсегда.

Вода облизывает мой подбородок, когда я обхватываю его ногами. Мои руки сжимаются в его волосах, когда мои губы прижимаются к его губам. Он стонет, когда я провожу языком по его рту, заставляя его ответить. Он отрывается, запыхавшийся и голодный. Едва сдерживаемый контроль покидает его, когда он тянется к моей груди, грубое сжатие его пальцев, мягкая ладонь для успокоения, и мой клитор пульсирует тяжелым, ноющим ритмом. Под тяжестью его взгляда это становится более настойчивым, но я ищу не своего удовольствия, его. Мне нужно завладеть им, сделать его своим, чтобы та, кто придет после меня, никогда не смогла стереть тот факт, что он когда-то был моим. Что он всегда будет моим.

Я провожу ладонью по его эрекции, грубо провожу рукой вверх и вниз. Его глаза вспыхивают.

— Валентина, — рычит он, и это распаляет меня еще больше.

Он начинает выводить нас из воды. Я дрожу в его объятиях, когда прохладный воздух касается моей кожи, когда дюйм за дюймом обнажается мое тело. Он укладывает меня там, где песок встречается с морем. Я продолжаю сжимать его в кулаке, и его губы изгибаются, когда он берет меня за волосы, притягивая к своему рту для поцелуя, который я чувствую до глубины души. После нескольких минут лихорадочных поцелуев он отстраняется от меня, пока не оказывается на коленях, его твердая длина выступает из его идеального тела.

Я беру его в руку у основания, и наши глаза встречаются, когда я смотрю вверх сквозь ресницы.

— Не сдерживайся, — шепчу я вниз по его члену. — Я хочу попробовать тебя всего. — Проводя языком от основания до кончика, я провожу крошечными движениями языка по всей его напряженной длине и вокруг напряженной головки. Я поднимаю взгляд и вижу, что в его глазах собираются грозовые тучи, затягивающие меня в бушующие глубины черноты.

— Прикоснись ко мне своим ртом, — выдавливает он сквозь зубы, вены вздуваются на его шее. Я целую кончик, облизывая его языком. — Сейчас, Валентина, — командует он, запуская обе руки в мои волосы. — Рот сейчас же.

От его команды я становлюсь еще влажнее. Если бы на мне было нижнее белье, оно бы промокло. Я хочу его с яростью, которая пугает меня, потому что это грубо, реально и вызывает привыкание. Твердый, шелковистый, скользкий, я беру его и сосу. Он стонет. Закрыв глаза, он толкается, и мы находим быстрый темп, от которого волосы под его пупком щекочут мой нос с каждым движением. Мой рот и пальцы действуют в тандеме, чтобы продлить его удовольствие.

— Черт, я принадлежу тебе детка, — выдавливает он, когда я подношу его к задней стенке своего горла и глотаю. Он откидывает голову назад и стонет, громко и протяжно. Это хорошо, приятно ощущать его шелковистое скольжение по моему языку, и я хочу большего, больше его, больше пьянящих ощущений, которые приходят вместе с тем, чтобы увести его

туда, где он может расслабиться, где сочетаются свобода и страсть. Место, где секс, это настоящая любовь, и я могу любить его своим ртом и своим телом. Место, где ничто и никто не разлучит нас. Я могу сказать, что он близко, по рывку за мои волосы и его быстрым толчкам, быстрее, и еще быстрее. Я наполнена им, наполнена любовью и страхом того, как скоро все это будет потеряно. Не останется ничего, кроме воспоминаний, которые я унесу с собой в могилу.

— Валентина, я собираюсь кончить, — отчаянно рычит он, лихорадочно толкаясь в мой рот.

Я хочу, чтобы он это сделал. Я хочу попробовать его на вкус. Я хочу, чтобы он был внутри меня, постоянным напоминанием о нашем времени вместе. Мои зубы касаются его набухающего члена. Он пытается оттащить меня, но я сжимаю пальцы на его заднице, а затем он дико кончает мне в рот. Уступая требованиям своего тела, он берет меня, пока не проникает в мое горло и не кончает, одна длинная струя за другой, пока он не опустошается и тяжело дышит.

— Детка, — снова стонет он, содрогаясь.

Взяв меня под мышки, он тянет меня вверх. Я в отчаянии. Взбираясь по его телу, я обвиваю ногами его талию и целую его глубокими, длинными, жаждущими поцелуями. Он отшатывается назад, неуклюже приближаясь к земле, и, оказавшись там, падает на меня сверху. Я не позволю ему ослабить хватку, в моей хватке маниакальный уровень отчаяния. Я чувствую это, и я знаю, что с ним также.

Соответствуя моим потребностям, Картер тянет меня за волосы, открывая мою шею для своего рта, зубы и язык спускаются к моей груди. Я выгибаюсь в его объятиях, замирая на грани между удовольствием и болью, когда он засасывает мой сосок так глубоко в рот, что я чувствую это своим клитором. Сильная, пульсирующая боль требует его внимания. То одним, то другим движением он дергает и покусывает чувствительные пики, а я извиваюсь под ним, ища его прикосновения в том месте, где он нужен мне больше всего. Словно читая мои мысли, он скользит рукой, раздвигая меня, чтобы найти мой клитор. Три пальца надавливают ровно, втирая меня в яркий обжигающий свет. Его зубы и язык дразнят мою грудь, когда я расслабляю ноги, чтобы позволить ему овладеть мной. Моя голова откидывается в сторону, когда я хватаюсь за песок, ища что-нибудь, за что можно зацепиться.

— О, черт, — тяжело дышу я, двигая бедрами, чтобы имитировать его движения, а затем его руки движутся вниз по моей гладкости и внутрь.

— Так готова, — бормочет он у моей кожи.

— Пожалуйста, — умоляю я. — Пожалуйста, я хочу чувствовать тебя.

В мгновение ока он раздвигает мои бедра, сжимает основание своей обновленной эрекции и постукивает ею по моему клитору, потирая им мои складочки. Его предыдущая версия не сделала ничего, чтобы укротить бурю в его глазах.

— Почувствуй меня, Валентина, — командует он и наблюдает, как его член погружается в меня, медленно, растягиваясь, глубоко и наполняясь. Я стону от изысканного давления. Мои веки закрываются.

— Нет, — рычит он. — Посмотри на меня. Смотри, как я беру тебя.

Я не могу отказать ему. Не Картеру, когда его требование ясно, когда его грудь и пресс напрягаются при движении. Пальцы впиваются в подушечку плоти над моей задницей, чтобы притянуть меня к его эрекции, вгоняя контролируемыми движениями, снова и снова,

снова и снова. Так медленно. Так полно. Так чертовски хорошо.

— Ты чувствуешь, насколько мы совершенны, любовь моя? Насколько идеально я вписываюсь в тебя?

Он скользит внутрь, пока не достигает моего естества, и мы на одном уровне, доказывая свою точку зрения, прижимаясь ко мне, чтобы вращать своими чертовски идеальными бедрами. Я плачу.

— Пожалуйста. — Пожалуйста, возьми меня, разгони мои страхи, заставь меня забыть, что, возможно, я испытываю это в последний раз. Мне хочется закричать об этом, но вместо этого я снова хнычу. Глаза Картера не отрываются от моих.

— Скажи мне, детка. Я хочу услышать, как ты говоришь, насколько это прекрасно, насколько мы идеальны.

Я стону и позволяю своему телу говорить за меня с приливом удовольствия, скользкая влажность смягчает каждое движение, каждый толчок глубже предыдущего, как будто одной силой он может сделать нас единым целым.

— Картер. — Я хватаю его за запястья, используя его как рычаг, чтобы тереться о свой клитор, тереться о него, когда он погружен так глубоко во мне, что я не чувствую разделения между его телом и моим. — О, черт, — я снова плачу, когда напряжение истощает меня.

— Сейчас, Валентина. Отдай себя мне. — Да, я сделаю это, и я делаю. Сжимаясь вокруг его члена, я выгибаюсь на песке, когда давление достигает пика, и я срываюсь, брыкаясь против него, кончая так сильно, что использую его тело, чтобы увести меня за пределы мыслей в блаженную темноту. Его стон и давление его пальцев, впивающихся в мою плоть, возвращают меня в сознание.

Он наваливается на меня, руки напряжены, мышцы перекатываются, как капли пота на его лбу, и он входит в меня длинными, глубокими толчками. Поймав мой взгляд, он снова и снова двигает бедрами, ища собственного освобождения и соблазняя меня другим.

— Валентина. — Он выдыхает мое имя и опускается мне на грудь, окутывая меня своим теплом. Обнимая меня, он прижимается губами к моей шее, его движения становятся быстрыми и резкими.

— Я отдаю себя тебе, — думаю, он шепчет, и мне хотелось бы думать, что это правда, потому что его дыхание неровное на моей коже.

Затем меня поглощает рев его оргазма у меня под ухом и проникает в мое сердце, бьющееся в том же бешеном темпе, что и пульс между моих ног. Он входит в меня, раз, другой, дергаясь при каждом предложении. Я лижу его плечо, наслаждаясь его сладкой соленостью, прежде чем прошептать то, что он должен услышать.

— Да, Картер. Мы идеальны. Мы всегда были идеальными.

Мы лежим, переплетенные, пока наши тела не остывают. Слезы обжигают мои веки. Я изо всех сил пытаюсь сдержать их, пока он целует и посасывает мою шею. Реальность вторгается секунда за секундой, и, наконец, он приподнимается на локтях, сузив глаза, наблюдая за мной.

— Ты собираешься рассказать мне, что происходит?

— О чем ты говоришь? — Задыхаюсь я.

— Что-то не так. Я вижу это в твоих глазах. Твое тело предает тебя. Ты доверила мне свое сердце, почему ты не можешь доверить мне свою душу? — Спрашивает он.

— Нет. — Я качаю головой со слишком большой горячностью. Я не могу потерять его сегодня вечером, не после того, чем мы только что поделились.

Он морщится.

— Ты не могла бы сказать ничего такого, что изменило бы то, что я чувствую к тебе, что мы все чувствуем к тебе.

Теперь моя очередь морщиться, потому что я знаю, что он неправ. Когда я начала эту ложь, я полагалась на воспоминания о страсти и любви, которые мы разделили, чтобы руководствоваться своим решением. Мои воспоминания были всего лишь тенью нашей настоящей любви, разницей между черным и белым и идеальной цветопередачей. Отчаяние. Желание. Я чувствую все это, когда смотрю на него, лежащего рядом со мной, раскинувшегося, как дерзкий король.

Его бровь складывается в три линии, четко очерченные под мерцающими звездами и луной, такой большой, что мне кажется, я могла бы протянуть руку и коснуться ее, если бы попыталась.

— Я пока не могу тебе сказать. — Из моих глаз брызнули слезы. Первый удар причиняет боль, второй невыносим, поскольку реальность моей ситуации приближается к убийству будущего, которое, как я так старалась притвориться, может сбыться.

— Нет, детка, пожалуйста, не надо. — Он хватает меня за руки и притягивает к себе.

Но его ласка и тихие слова, призванные успокоить, заставляют меня плакать сильнее, и тогда я позволяю этому прийти. Я полностью позволяю себе понять, что значит умирать. Я закрыла истинную реальность в своей голове, как нежеланного врага. Я должна покончить с этим сейчас. Холодная правда проникает в мою душу, укрепляя все стены, которые Картер, Логан и Куэйд взломали настежь.

Я должна уйти прямо сейчас, чтобы они могли ненавидеть меня за уход, а не за то, что я умерла.

Освободившись, я опускаюсь на колени, как будто расставание уменьшит боль, когда оно наступит. Из всех ужасных вещей, которые я пережила, это будет худшим. Я люблю его, я люблю их, но не с той чистотой, с какой я любила своего отца. Это жадная, нужная, наполненная силой, горячая и похотливая, сладкая и поющая любовь. Та любовь, которая разрушает все на своем пути, обещая вечность, которая никогда не наступит.

Я умираю.

Эта мантра прорывается сквозь мое притворное спокойствие и больно ударяет по сердцу. Я успокаиваю себя очищающими вдохами, одним глубоким вдохом за другим, преодолевая боль. Нет никакой подготовки к реализации такого рода. Это больно. Это чертовски больно, удары проникают в мои вены, разрывают мои органы. Из моей груди вырывается рыдание, и я закрываю его губами.

Я кашляю от комка, который образовался у меня в груди, и смотрю на Картера. Его глаза невыразительны, не читаемы, как будто он замкнулся в себе, чтобы подготовиться к тому, что я от него утаиваю.

— Просто обними меня, — наконец шепчу я, потому что понимаю, что в этот момент я слишком слаба, чтобы оставить их.

Мне просто нужно придумать, как уйти до моего истинного конца.

Жар Картера силен, когда он движется позади меня, совсем близко. Не прошло и секунды, как он протягивает руку мне под колени и поднимает меня, притягивая к себе так, что мой нос прижимается к его шее. И за каждым всхлипом следует вздох, наполненный им. Он встает и подводит нас к одеялу. Моя кожа, зудящая и стянутая от высыхающего песка. Это свидетельство того, каким потрясающим был секс, если я даже не поняла,

насколько неудобно на самом деле заниматься любовью на пляже.

Я буду доставать песок отовсюду в течение нескольких дней.

Мы устраиваемся на одеяле, его слова, произносимые шепотом, теряются в моем прерывистом дыхании и приступах плача, которые приходят и уходят, пока ничего не остается. Залезая в корзину, он протягивает мне салфетку, и по какой-то причине я начинаю плакать еще сильнее. Я ненавижу свою слабость, но я люблю его больше, поэтому я вырываюсь из его крепких объятий и смотрю в его сияющие глаза. Они наполнены таким состраданием, что он снова расплывается под водопадом, который кажется бесконечным.

— Детка, — шепчет он так тихо, что я едва слышу его из-за стука своего сердца. — Не плачь, пожалуйста, моя милая, нежная Валентина.

Я прислушиваюсь и смотрю на него сквозь влажные ресницы. Я касаюсь его щеки. Он тыкается щекой в мою ладонь, как будто я нужна ему так же сильно, как и он мне.

— Моя милая девочка. — Он обхватывает мой затылок, касаясь пальцами моей головы.

— Ты не захочешь меня, когда узнаешь, — говорю я ему сквозь прерывистые рыдания.

— Я всегда буду хотеть тебя, — рычит он, приподнимая мой подбородок, чтобы я могла видеть, как его глаза каким-то образом умудряются еще больше потемнеть от напряжения.

Всегда, он хочет меня всегда.

Я поднимаю руку к его подбородку, покрытому жесткой щетиной из-за того, что он не брился. Мои пальцы гладят его по щеке и поднимаются ко лбу. Я разглаживаю напряженные линии, а затем перехожу к его волнам. Я сжимаю его волосы в кулак, и когда его ноздри раздуваются, я притягиваю его рот к своему. Я не целомудренна и не мила. Я хочу снова почувствовать каждую его частичку, позволить ему забрать реальность, которая преследует меня.

— Ты уверена, что хочешь это сделать? — Грубо бормочет он.

— Пожалуйста, ты мне нужен.

Он сдается, еще раз пробормотав:

— Всегда, — а затем целует меня. Так нежно, даже когда я пытаюсь углубить поцелуй, и он увеличивает темп, это медленно, нежно.

Укладывая меня обратно на одеяло, он боготворит каждый дюйм моего тела своим ртом и языком, руками и пальцами, а затем, наконец, своим телом. Жесткий, но в то же время нежный, он овладевает мной успокаивающим скольжением, и все же я выкрикиваю его имя, обрушиваясь на него.

Слезы стекают по щекам и затекают в волосы. Мы лежим так, кажется, часами, он все еще внутри меня, и он шепчет слова, которые, как я когда-то думала, я никогда больше не услышу.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя моя сладкая девочка. Я люблю тебя так чертовски сильно.

ГЛАВА 10

ТОГДА

ВАЛЕНТИНА

— Ты взволнована? — Спрашивает меня папа, доставая из холодильника посуду со вчерашней лазаньей.

— Взволнована, это еще мягко сказано, — с энтузиазмом отвечаю я, вызывая один из его глубоких смешков.

— Понятно. Тебе исполняется восемнадцать только один раз, малыш, так что наслаждайся этим.

Это не единственная причина, по которой я взволнована, но я опускаю этот лакомый кусочек. Я уверена, что мой отец не выпустил бы меня сегодня из дома, если бы знал, каковы мои намерения на сегодняшний вечер. Без ведома Логана, Куэйда и Картера, сегодня вечером я наконец потеряю свою девственность, и я собираюсь убедиться, что именно они ее заберут. У меня ни за что не хватило бы смелости сказать об этом папе.

— Ты знаешь, куда мальчики поведут тебя ужинать? — С любопытством спрашивает он, после того как поставил свою еду готовиться в микроволновку.

— Я думаю, Куэйд смог заказать у Лоренцо в сити.

— Шикарное место. — Мой папа преувеличенно насвистывает. — Этот парень выкладывается по полной, да?

— Они все такие. — Я прикусываю уголок нижней губы в предвкушении. Я никогда в жизни не была так взволнована и напугана, но бабочки в моем животе побеждают трепет.

— Что ж, я надеюсь, ты повеселишься сегодня вечером, милая. Просто будь дома к часу, хорошо?

— Я думала ближе к двум. — Я шевелю бровями.

— Ты так думала, да? — Он усмехается.

— Папа, у меня осталась всего одна неделя в школе. Все мои экзамены сданы, и эти последние дни, просто формальность перед выпуском. Так что не навредит, если я задержусь еще немного. И, кроме того, сегодня вечер пятницы. Я могу выспаться завтра.

— Ты ведь уже все решила, не так ли?

— Да. — Я озорно подмигиваю ему.

— Хорошо, пусть будет два. Но я не лягу спать, пока ты не вернешься домой.

— Папа, ты не обязан. — Закатываю глаза я.

— Я хочу. Ты моя малышка. Неважно, исполнится тебе восемнадцать или восемьдесят, ты всегда будешь моей малышкой. Так что пусть твой старик не ложится спать и подождет, чтобы убедиться, что ты доберешься домой в порядке. Господь свидетель, я не смогу этого делать, когда ты уедешь в колледж.

— Хорошо, — сдаюсь я, зная, что в конечном итоге он это сделает, хочу я этого или нет.

Он указывает на кухонные часы, мой взгляд следует за его взглядом.

— Тебе следует приготовиться. Если я знаю этих парней так хорошо, как мне кажется, они будут здесь с минуты на минуту.

— О черт, ты прав, — восклицаю я, целуя отца в щеку, прежде чем помчаться вверх по лестнице, чтобы собраться.

Я все еще слышу смех папы с кухни, когда закрываю дверь своей спальни и спешу в ванную, чтобы принять душ.

Сегодняшний вечер должен быть идеальным. Ребята понятия не имеют о моих планах, но как только я изложу им свои намерения, я надеюсь, что они согласятся. Я имею в виду,

это не значит, что я не разобралась со всеми ними в тот или иной момент. Это просто большая игра, которую мы практиковали годами. То, о чем я попрошу их сегодня, у меня никогда не хватило бы смелости сделать, но я сделаю. Я хочу быть любимой всеми тремя сразу.

— Все будет хорошо, Вэл. Они любят тебя, а ты любишь их, — бормочу я себе под нос, надеясь успокоить нервы.

Это всего лишь следующий шаг в наших отношениях. В следующем году, когда мы уедем в колледж, мы не сможем видеться так часто, как нам хотелось бы. Логан уедет в Принстон. Куэйд в Алабаме, а Картер в своем турне по США, я буду в Беркли. Может быть, мне удастся тайком навестить Куэйда, так как он будет ближе, но Картера и Логана я, вероятно, увижу только на каникулах. Я даже представить не могу, насколько это будет болезненно. Это будет последнее лето, которое мы проведем вместе. То, о котором у нас останутся самые дорогие воспоминания. А что может быть лучше, чем начать лето, отдавшись нашим чувствам друг к другу? Я просто надеюсь, что они видят это таким образом.

После того, как я принимаю душ, я сушу волосы феном и оставляю свои длинные волнистые черные локоны ниспадающими на плечи. Я захожу в свою комнату, мое красное платье-спагетти с открытой спиной лежит на кровати, обещая, что это будет ночь, которую я никогда не забуду. В тот момент, когда я увидела его в торговом центре, я поняла, что оно идеально подходит для того, что я задумала. Я натягиваю его на себя, ткань приятно холодит кожу, идеально облегая все мои изгибы. Я подхожу к своему туалетному столику и наношу легкий макияж, уделяя основное внимание глазам. Мне потребовались годы, чтобы не видеть отражение моей матери каждый раз, когда я смотрелась в зеркало. Хитрость, которая помогла мне пройти через это, заключалась в том, чтобы сосредоточиться на одной особенности, которую я унаследовала от своего отца… глаза. Теперь я даже не вижу сходства с женщиной, которая дала мне жизнь. Я вижу только себя.

Я подпрыгиваю, когда слышу звонок в дверь снизу. Как и сказал папа, мальчики приходят на час раньше.

Боже мой! Начинается!

Я сажусь на край своей кровати, просто чтобы занять несколько секунд, чтобы успокоить свои нервы. Я считаю до ста, вдыхая и выдыхая, напуганная до смерти тем, что собираюсь сделать. Но это хороший вид страха, который заставляет меня чувствовать себя живой.

После того, как я убеждаюсь, что собрала все свое самообладание, достаточное для того, чтобы мой отец, по крайней мере, не заподозрил мое поведение, я делаю еще один глубокий вдох, понимая, что в следующий раз, когда я войду в свою комнату, я уже не буду прежней девушкой. Я не могу сдержать широкой улыбки, которая появляется на моем лице при этой мысли, когда я спускаюсь по лестнице, три пары глаз с тоской наблюдают за каждым моим шагом.

— Вау, — произносит Куэйд, его глаза задерживаются на каждом обнаженном дюйме кожи, который позволяет мое платье.

— Ты прекрасно выглядишь, Валентина, — добавляет Логан, блеск в его голубых глазах такой же интенсивный.

Картер не говорит ни слова, но я вижу, как он прижимает руки к бокам, и я знаю, что это потому, что он пытается не трогать меня, когда мой отец в другой комнате.

— Вы, ребята, тоже неплохо выглядите, — отвечаю я хрипло, рассматривая каждый наряд моих любимых.

Они действительно выглядят хорошо. Действительно хорошо. Аппетитные, и мое возбуждение возрастает еще больше при одном взгляде на них.

Кто-то прочищает горло, прерывая наши пристальные взгляды и затаенное дыхание. Мой папа прислоняется к дверному проему гостиной с насмешливой улыбкой, пришитой к его лицу.

— Теперь, когда мы убедились, что все выглядят хорошо, как насчет того, чтобы вы, мальчики, взяли мою дочь отпраздновать? Она заслуживает провести ночь в городе.

Я подскакиваю к отцу и обнимаю его за живот, его руки мгновенно прижимают меня к нему.

— Я буду дома к двум.

— Я никак не смогу уговорить тебя прийти домой пораньше, да?

Я качаю головой с лучезарной улыбкой.

— Хорошо, я пытался. — Он пожимает плечами. — Думаю, ты уже взрослая. Просто не забудь принимать правильные решения, хорошо, малыш?

— Хорошо, папа. Люблю тебя. — Говорю я, прежде чем поцеловать его в щеку.

— Я тоже тебя люблю. Всегда и навеки.

Я отстраняюсь и лучезарно улыбаюсь ему, прежде чем Куэйд дергает меня за руку, выпроваживая за дверь, пока я машу своему хихикающему отцу.

— Мы берем мою машину, — объявляет Куэйд.

— Конечно, мы так делаем, — ухмыляется Логан рядом со мной.

— Эй, не будь таким раздражительным, потому что у тебя нет колес.

— У меня есть колеса, — насмешливо возражает Картер.

— Нет, у тебя мотоцикл, как у какого-нибудь плохого парня из клише. Это не считается, — шутит Куэйд.

— Чертовски верно, — отвечает Картер, подмигивая мне, пока мы все идем к машине Куэйда. Логан открывает передо мной переднюю дверь, как настоящий джентльмен, и я сажусь на переднее сиденье.

— Пристегнись, принцесса. Мы собираемся отпраздновать тебе лучшее восемнадцатилетие в истории. — Со смешком говорит Куэйд.

— Я не ожидаю от вас троих ничего меньшего.

Лоренцо, это все, что я ожидала увидеть.

Ресторан источает романтику. Атмосфера при приглушенном свете свечей, звучащая на заднем плане проникновенная музыка создают интимную обстановку, а на каждом столике выставлены свежесрезанные красные розы, придающие заведению атмосферу влюбленных.

Мне, однако, пришлось подавить неподобающий леди сдавленный смешок, когда метрдотель побледнел, когда мы все четверо появились в заведении. По его беспокойному

состоянию было очевидно, что он привык только к двум званым обедам, а не к групповому, который только что прошел мимо дверей его ресторана. Он немного успокоился, когда убедился, что наши бронирования были сделаны заранее, имея в виду четырех человек. Куэйд дал нам указания занять тихий угловой столик, чтобы мы могли любоваться великолепным пейзажем и при этом чувствовать себя комфортно, оставаясь самими собой. Вы были бы удивлены, узнав, как много людей меняют свою индивидуальность, просто чтобы вписаться в такое модное место, как это.

За ужин можно умереть. Каждый кусочек еды еще вкуснее, чем следующий. Но компания, сидящая со мной за одним столом, действительно усиливает мой голод, учитывая, как соблазнительно выглядит каждый из моих любимых сегодня вечером. Говорите что хотите, но в мужчине в отглаженной рубашке с белым воротничком, закатанными рукавами и сексуальной ухмылкой на губах есть что-то особенное. Логан и Куэйд выглядят так, словно сошли со съемок GQ photo, в то время как Картер в своем обычном черном наряде является воплощением заманчивой опасности.

На протяжении всего ужина в глубине моего сознания маленькие порочные фантазии насмехаются надо мной. Они крутятся в соблазнительном цикле, заставляя меня ерзать на стуле при мысли о том, что я осуществлю их через несколько часов. Мне так не терпится вытащить нас отсюда, но я оттачиваю свои возможности как можно лучше, чтобы не выдавать себя ребятам, прежде чем буду готова. Кроме того, я также хочу насладиться каждой минутой сегодняшнего вечера так же сильно, как и двухзвездочной Мишленовской кухней.

Как только мы доедаем десерт, я замечаю похожий оттенок срочности на лицах всех моих любимых.

— Что? У меня что-то застряло между зубами? — Немедленно спрашиваю я, подтягивая белую салфетку со своих колен ко рту, чтобы скрыть то, что смущает их и привлекает взгляды в мою сторону.

— Ничего подобного, — говорит Логан, сияя, и толкает меня своим плечом.

— Тогда что?

— Вот, — добавляет Куэйд, прежде чем передать маленькую бархатную коробочку в центр стола.

— Что это? — Удивленно спрашиваю я, подтягивая маленькую фиолетовую коробочку к себе.

— На что это похоже? Это подарок тебе на день рождения, глупышка, — объясняет Логан со смешком.

— Сейчас? — Сияю я, глядя на каждое из их лиц.

— Просто открой это уже, пока у Куэйда не случился сердечный приступ, — дразнит Картер, привлекая мое внимание к беспокойному Куэйду.

Чувствуя, что он не единственный, кто сидит на краешке стула, я открываю коробку, чтобы своими глазами увидеть, что мои лучшие друзья сочли идеальным подарком мне на восемнадцатилетие. Конечно, в ту минуту, когда я открываю крышку, я теряю дар речи. Внутри на бархатной синей подушечке лежит ожерелье. Но не просто ожерелье, а то, которое было изготовлено специально для меня. На серебряной цепочке находится маленький компас с нашими инициалами по краям.

Мои эмоции переполняют меня, когда я дрожу, доставая его из коробки.

— Это самая красивая вещь, которую я когда-либо видела, — выдыхаю я.

— Не для нас, — с любовью произносит Логан, его голубые глаза мерцают обожанием.

— Ты можешь надеть это на меня? — Я прошу его, на что он соглашается с милой улыбкой на губах.

— Тебе это действительно нравится? — Спрашивает Куэйд после того, как оно обвивается вокруг моей шеи.

— Мне это более чем нравится. Мне это очень, очень нравится.

— Хорошо. Твой папа подал нам всем идею. — Хрипло объясняет Куэйд, его глаза не отрываются от компаса, лежащего на верхней части моей груди.

— Это идеально. Я никогда не сниму его.

— Хорошо. Нам нравится видеть его на тебе. — Говорит Картер, подмигивая.

Нас окружает эта тяжелая энергия. Как ощущение электричества в воздухе перед грозой. Она такая густая, что моя грудь вздымается от давления компаса на мою грудь. Все мы это чувствуем. Потребность прикасаться и целоваться. Поддаться этому чувству прямо здесь и наплевать на последствия.

— Итак, что ты хочешь делать дальше? Картер раздобыл для всех нас несколько поддельных удостоверений личности, так что, если ты хочешь пойти в клуб, мы можем, — говорит Логан после нашей долгой похотливой паузы.

— Вообще-то, я думала, мы могли бы сделать что-нибудь другое, — отвечаю я, моя первоначальная идея о том, что я хотела бы сделать сегодня вечером, укрепилась в моей голове больше, чем когда-либо, после того момента, который мы только что пережили.

— Твой день рождения, твои правила. Что ты хочешь сделать? — Вмешивается Картер, откидываясь на спинку сиденья.

— Я хочу пойти к реке.

— Река? – Спрашивает Логан, сбитый с толку.

— Ночь теплая. На небе полная луна, поэтому я подумала, что нам всем было бы весело пойти туда и просто поговорить. Может быть, даже поплавать.

— Я иду плавать, — бодро говорит Куэйд.

— Почему бы и нет. Не были там с детства. Будет весело.

— Тогда давайте убираться отсюда. У меня от этого места крапивница, — парирует Картер, глядя на щегольски одетых мужчин и их собеседников за ужином с возмущенным видом.

Я не могу удержаться от смеха над тем, как неуместно он выглядит в такой причудливой обстановке. Мы все возвращаемся к машине, шутим и балуемся во время тридцатиминутной поездки к реке. Когда я выхожу, теплый ветер бьет мне в лицо, не делая ничего, чтобы уменьшить мою нервную дрожь.

— Все в порядке? Ты выглядишь взволнованной. — Спрашивает Логан, сжимая свою руку в моей.

— Наверное, я скучала по этому месту больше, чем думала. Я смотрю на лица моих мальчиков, и все они, кажется, прекрасно понимают, что я чувствую.

Именно здесь впервые зацвела наша дружба. Вполне естественно, что я хочу, чтобы это было место, где мы сделаем следующий шаг в наших отношениях и перейдем к чему-то вечному.

По пути сюда мы увидели множество машин, припаркованных в основном районе реки, но, как и в детстве, мы никогда не останавливались в этой части. У нас есть свое особое место. Уединенное от остального мира только для нас. Мы идем в тишине, пока добираемся

до небольшого утеса, спускающегося к краю берега реки. Когда мы были детьми, он казался крутым и опасным. Но теперь, после многих лет спуска по нему, мы больше не боимся этого, зная, что спуск стал для нас второй натурой. И все же мы остаемся прикованными к своему месту, просто любуясь пейзажем. Луна ярко освещает воду, придавая ночи волшебный вид и шепча мне на ухо, что все возможно.

— Ты права. Я скучал по этому месту больше, чем думал, — бормочет Картер себе под нос, ностальгия поражает его так же сильно, как и всех нас.

— Не спуститься ли нам вниз?

Они кивают и осторожно спускаются, Логан все время держит меня за руку. Я рада, что у меня хватило ума захватить сегодня вечером балетки вместо высоких каблуков, так как это делает спуск менее напряженным. Когда мы добираемся к низу, я снимаю их, чтобы почувствовать прохладную воду на ногах.

— Кто-нибудь хочет окунуться?

— Ты ел как зверь за ужином. Ты уверен, что хочешь зайти? — Логан предупреждает Куэйда, когда тот начинает снимать обувь.

— Перестань быть таким кислым ворчуном, — насмехается Куэйд, начиная расстегивать рубашку. — Поживи немного.

У него под рубашкой виден гладкий золотистый пресс, и я не могу удержаться, чтобы не облизать губы, наблюдая, как он раздевается. Логан закатывает глаза на детские насмешки Куэйда, но все равно начинает раздеваться, следуя примеру Куэйда. Когда Картер стягивает через голову свою черную футболку, мое сердце подскакивает к горлу. Мое тело дрожит в предвкушении, даже если моя кожа ощущается как раскаленная печь. Я сухо сглатываю, когда все трое парней остаются в одних боксерах, каждый из которых совершеннее другого.

— Твоя очередь, Вэл. Или ты собираешься испортить это хорошенькое платьице, которое на тебе надето? — Картер ухмыляется и озорно подмигивает.

Я прикусываю нижнюю губу, перекидывая через плечо одну бретельку, затем другую. Когда платье спускается к моим ногам, они все ахают. Они не ожидали, что под моим платьем не было другого предмета одежды. Их пристальные взгляды изучают каждый дюйм моего тела, их адамовы яблоки выпячиваются в замешательстве и восторге.

— Вэл? — Логан заикается, не веря своим глазам.

Я собираю волосы в пучок на макушке и, отворачиваясь, медленно захожу в воду. Я стою по колено в воде, когда поворачиваюсь лицом к мальчикам, которые держат мое сердце в своих руках, приросших к небольшому участку песка.

— Чего вы ждете? Вода отличная, — кричу я, прежде чем развернуться и нырнуть в прохладную воду.

Когда я выныриваю, мой взгляд возвращается к берегу. Именно Куэйд первым снимает свои боксеры и прыгает со мной в воду. Даже издалека я вижу, какой у него стояк. В ту минуту, когда Куэйд рассекает воду, Логан снимает свои боксеры, чтобы последовать за ним, в то время как Картер остается на берегу, просто наблюдая за мной. Ни Куэйд, ни Логан не подходят слишком близко, позволяя мне плавать, сколько душе угодно.

Когда я вижу, что Картер не сдвинулся ни на дюйм, мое сердце начинает учащенно биться в груди. Я подплываю ближе к кромке воды и встаю, как только оказываюсь достаточно близко, чтобы увидеть его хмурый взгляд, луна делает его еще более угрожающим.

— Не в настроении поплавать?

— Ты так это называешь?

Я выхожу из реки, вода капает с моего тела, когда я на дюйм приближаюсь к нему.

— Как бы ты это назвал?

— Ловушка, — возражает он, его лицо сердитое.

— Что ты за задница? — Спрашивает Куэйд, заставляя меня обернуться через плечо. И он, и Логан последовали за мной ва-банк, их сердитые взгляды прикованы к мальчику передо мной, не впечатленные мрачным взглядом, которым Картер одаривает меня.

Картер проводит рукой по лицу, разочарование портит все его темные черты.

— Идиоты! Разве вы не видите, что она пытается сделать?! — Кричит он, хватая свою футболку с пола и надевая ее обратно.

— И что именно я пытаюсь сделать? — Кричу я в ответ, моя собственная ярость начинает прорываться наружу.

— Не прикидывайся невинной со мной, Валентина! Я знаю тебя насквозь. Я точно знаю, что все это такое и к чему это должно привести. Не отрицай этого!

— Что происходит? О чем говорит Картер? — Логан подозрительно спрашивает меня.

Я открываю рот, чтобы защититься, но затем закрываю его, не в силах найти правильные слова, чтобы спасти эту ночь.

— Картер просто ведет себя как придурок. Вот что происходит, — парирует Куэйд, протягивая мне мое красное платье, чтобы прикрыться.

— Перестань смотреть на вещи сердцем! Черт возьми, Куэйд! Открой свои гребаные глаза и посмотри на дерьмо таким, какое оно есть! Она никогда не выберет тебя. Она тоже никогда не выберет тебя, Логан. И я чертовски уверен, что она не выберет меня. Не тогда, когда она думает, что может заполучить нас троих!

— Ты говоришь так, как будто я не могу этого хотеть! Почему я должна лишать себя кого-то из вас, когда вы все трое владеете моим сердцем! — Кричу я после того, как натягиваю платье на свое мокрое, дрожащее тело.

— Потому что это гребаная сказка! Это не реальность. Ты думаешь, какая-нибудь больница примет тебя за серьезного врача, если они узнают, что ты трахаешься с тремя парнями одновременно?! Ты думаешь, Куэйду не станет дурно на футбольном поле, когда станет известно, что его девушка делит постель с двумя его лучшими друзьями? Ты думаешь, эти парни с Уолл-стрит будут относиться к Логану лучше?!

— Я думала, то, что у нас есть, важнее досужих сплетен, — отвечаю я, мой голос звучит так же пусто, как я себя чувствую.

— Это не сплетни, если это правда. Ты разрушишь наши жизни, а мы в конечном итоге разрушим твою.

— Вы двое тоже так чувствуете?

Логан из приличия склоняет голову, в то время как Куэйд продолжает смирять Картера убийственным взглядом, но он этого не отрицает.

— Понятно, — бормочу я, подбирая свои балетки, прежде чем повернуться, чтобы уйти.

— Принцесса, куда ты идешь? — Кричит мне Куэйд, когда я начинаю подниматься наверх.

— Домой! — Кричу в ответ.

— Позволь нам отвезти тебя, — присоединяется Картер, и я слышу шаркающие шаги позади меня.

— Нет! Просто оставьте меня в покое, — заикаюсь я, но оборачиваюсь, чтобы в

последний раз взглянуть на них. — Спасибо, что сделали сегодняшний вечер таким запоминающимся. Я никогда этого не забуду.

Горького тона в моем голосе достаточно, чтобы остановить Куэйда и Логана на месте. Картер все еще внизу, на берегу, сидит на краю, его голова между колен. Мои слезы продолжают стекать по моему лицу, когда я убегаю от разбитых кусочков моего сердца.

Я им не нужна.

Не так, как я хотела.

Необычный порыв ветра дует на меня, когда я мчусь домой от реки, смывая слезы резким прохладным воздухом. Я не уверена, должна ли я быть благодарна, что никто из них не помчался за мной, чтобы увидеть, в каком состоянии они меня оставили, или разочарована, что они уважили мое желание уединиться. Возможно, сочетание того и другого. Я, честно говоря, думала, что сегодня будет та ночь. Ночь, которая станет началом чего-то прекрасного. Но вместо этого мое сердце разбито, я сбита с толку и взбешена.

Я все еще бешено бегу, когда наконец добираюсь до нашей улицы. Я вытираю лицо, как могу, когда вижу мягкий свет телевизора, доносящийся из окна моей гостиной. Как он и обещал, папа все еще не спит, ждет, чтобы убедиться, что я добралась домой в порядке.

О боже.

Когда папа увидит меня в таком состоянии, у него возникнет миллион вопросов, но сегодня вечером я действительно благодарна, что он не спит ради меня. Мне нужно рассказать ему, что произошло у реки. Рассказать ему, почему мне больно, и, может быть, у него будут ответы. Чтобы облегчить боль. Чтобы как-то все это уладить. Может быть, он сможет показать мне, как я могу избежать этой душевной боли и, может быть ... просто, может быть, придумает решение для решения всех наших проблем.

Папа всегда поддерживал меня во всем, во что я вкладывала свое сердце и душу. И он всегда знал, что Логан, Куэйд и Картер были большой частью того, что делало меня счастливой. Если есть кто-нибудь, кто может найти способ, чтобы мы были вместе, я уверена, папа что-нибудь придумает. Если нет ничего другого, то, по крайней мере, у него будет готовое, поддерживающее теплое плечо, на котором можно поплакать.

Я открываю входную дверь, вытираю оставшиеся слезы, которые все еще текут по моему лицу, и направляюсь в гостиную.

— Папа?

Я подхожу к дивану и вижу, что его глаза закрыты. Должно быть, он заснул во время просмотра телевизора. Я выключаю его и вздыхаю. Несмотря на то, что мне отчаянно нужно поговорить с ним, я думаю, придется обойтись завтрашним днем.

— Папа. — Шепчу я, слегка встряхивая его за плечо. — Папа, ты уснул, — говорю я, указывая на очевидное. — Давай, старина. Давай вернем тебя в твою комнату.

Мои брови складываются в глубокую V-образную складку, свидетельствующую о том, что он не двигается ни на дюйм, даже когда я настойчиво трясу его за плечо.

— Папа? — Говорю я чуть громче, встряхивая его с чуть большей силой. — Проснись, папа.

Но все равно, ничего.

— Папа, если это одна из твоих дурацких шуток, то это не смешно, — хриплю я, на этот раз тряся его за оба плеча. Но опять же, никакого движения.

Без дыхания.

Ничего.

Неконтролируемый всхлип вырывается из моего горла, когда я зажимаю рот обеими руками. Я начинаю сильно трясти головой, не желая принимать то, что вижу прямо у себя на глазах.

— Проснись! — Кричу я, мои колени ударяются об пол рядом с диваном, когда я колочу его в грудь. — Проснись!!!

Я трясу его и трясу, и по-прежнему ничего. Не слышно ни нежного храпа, ни нежной улыбки в мой адрес.

Ничего.

Мои слезы больше не беззвучны. Это реки отчаяния и душевной боли с душераздирающими воплями, которые разносятся по всему нашему дому.

— Пожалуйста! Пожалуйста, папа! Не бросай меня. Пожалуйста! Ты все, что у меня есть! — Кричу я. — Ты мне нужен папочка! Я не могу сделать это без тебя. Пожалуйста. Вернись. Пожалуйста! — Я плачу, держась за него, мои слезы смачивают его рубашку.

Приложив ухо к его груди, я подтверждаю, что его сердце больше не бьется, заставляя мое разбиться на миллион маленьких кусочков. Я достаю телефон из сумочки и набираю 911, но знаю, что уже слишком поздно. Сейчас никто ничего не может для него сделать.

Он ушел.

Единственный мужчина, который безоговорочно любил меня с самого рождения, ушел.

И все, о чем я могу думать, это… Мне следует пойти за ним.

ГЛАВА 11
СЕЙЧАС
ВАЛЕНТИНА

Я безнадежно соскучилась по любви. Я застряла на прошлой ночи, вспоминая сладкий и грязный ненасытный аппетит Картера, как только мы вернулись с пляжа. Как будто он чувствовал, как мало времени у нас осталось.

Этот мужчина может делать невероятные вещи: быстро и долго, прислонившись к стене, в душе, на кровати и склонившись над диваном, как будто это никого не касается. Мы мало спали, и к тому времени, когда солнце выглянуло из-за горизонта, мои ноги ослабли, а внутренности дрожали, как желе.

Я кутаюсь в одеяло с чашкой кофе и смотрю на восход солнца, голова Картера лежит у меня на коленях, он дремлет, когда выходит Логан. Он с обнаженной грудью, капли воды стекают по его идеальному прессу к тому месту на его теле, которое, я знаю, не дает ничего, кроме счастливого конца. Несмотря на ночной секс-праздник, в котором я только что участвовала, я немедленно хочу его с той же неистовой страстью, которую чувствовала всю ночь с Картером, но сейчас я вялая, и от одного его вида мне хочется плакать, несмотря на охватившее меня вожделение.

— Доброе утро, милая, — говорит он с душераздирающей улыбкой. Я не уверена, как

все мои любимые вещи оказались упакованы в этих трех мужчинах, но я, конечно, не жалуюсь.

— Доброе утро, — шепчу я, медленно выбираясь из-под Картера и подсовывая подушку ему под голову, чтобы он мог продолжать спать.

Я тоже должна спать. Видит бог, мое тело едва держится на ногах. Но после нескольких судорожных попыток я сдалась.

— Как прошла прошлая ночь? — Спрашивает он, его брови поднимаются вверх и опускаются. — Я знал, что ты сможешь приручить дракона.

Мои щеки краснеют от интонации в его голосе. Это, в сочетании с образами всего того, как я укрощала прошлой ночью, только заставляет меня краснеть еще сильнее.

— Ты в порядке? — Спрашиваю я, думая о том, что произошло после той первой ночи с Логаном.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. И я хочу, чтобы были счастливы мои лучшие друзья. Со всем остальным мы справимся.

— Я не заслуживаю тебя, Логан Купер, — говорю я ему, притягивая его в самые крепкие объятия, какие только возможны. Мои руки наслаждаются ощущением его обнаженной кожи на моей.

— Ты просто не видишь себя такой, какая ты есть, милая, — шепчет он, оставляя поцелуй на моей макушке. — Ты бы оставила нас и никогда не оглядывалась назад, если бы могла ясно видеть, насколько мы тебя не заслуживаем. — Он вздыхает и сжимает меня крепче. — Ты спасла меня, детка. Каждый день ты спасаешь меня.

— Мы спасаем друг друга, — шепчу я, обводя линию его мышц на спине.

Я просто хотела бы, чтобы это было правдой.

Счастье не может длиться вечно.

Это уродливый факт жизни.

Для меня счастье, которое я обрела с Картером, Логаном и Куэйдом, закончилось в Праге. Это закончилось, потому что я больше не могла скрывать, что умираю.

В Праге у меня началось кровотечение из носа, и оно не прекращалось. Точно так же, как дождь, который не перестает лить на нас. Я пытаюсь скрыть это от них, говоря, что я обо что-то ударился носом, а затем обвиняю в этом сухой воздух, из-за которого оно не прекращается. Мои руки дрожат сильнее, чем когда-либо, и чертова чашка, которую я держу, дребезжит, когда я пытаюсь держать ее достаточно долго, чтобы сделать глоток.

Ложь нелепа, и никто в нее не верит. В воздухе витает негодование, оно приторное и густое, и я пытаюсь его игнорировать. Я отчаянно пытаюсь игнорировать это, поскольку Картер смотрит на мою дрожащую чашку, как будто это чем-то оскорбило его лично.

— Так зачем мы здесь, Вэл? Горячий шоколад восхитителен, но я уверен, что у тебя припасено что-то еще, — без особого энтузиазма замечает Куэйд, пока мы, наблюдаем из-под навеса в кафе, которое предложил консьерж. — Я думал, что ты захочешь посетить

Лондон или что-то в этом роде и показать нам достопримечательности.

Мысль о Лондоне пронзает болью мою грудь. Я бы хотела показать им Лондон, но там моя мама. И она знает. Она хотела бы говорить об этом со мной каждую секунду каждого чертова дня, заставляя меня чувствовать вину за то, что я не делаю большего. Она даже использовала бы Кару против меня. Не то чтобы она не делала этого раньше. Я не собираюсь тратить свои последние дни, слушая уловки манипуляторов. Где она была во время моего лечения? Прилетела ли она из Лондона, чтобы убедиться, что я не одна?

Конечно, нет. Больницы никогда не были ее коньком.

Мое сердце болит из-за того, что я не увижу Кару в последний раз перед концом, но это тоже, наверное, к лучшему. Я бы предпочла оставить моей сестре несколько хороших воспоминаний, которые мы разделили вместе, чем стать ее первой встречей со смертью. Больно, что у нас не так много общих воспоминаний с самого начала. Моя попытка быть ближе к ней, пока я училась в Оксфорде, была испорчена моей матерью, и я уверена, что Кара когда-либо смогла отделить то, кем я была для нее, от того, кем моя мать всегда хотела, чтобы я была. Между нами было слишком много неприязни, чтобы прятать ее под ковер и называть нас счастливой семьей. Во мне было слишком много от моего отца, чтобы это было возможно, это уж точно.

Отгоняя мрачные мысли, я возвращаюсь к настоящему. Я указываю на падающий дождь, который не прекращается все те несколько дней, что мы здесь.

— Мы собираемся танцевать под дождем, — спокойно говорю я ему, совсем не чувствуя себя глупо из-за того, что потащила их в Прагу ради чего-то подобного.

Рядом кто-то смеется, и звук отдается в моем мозгу. Последние несколько дней у меня постоянно болит голова, и мои таблетки, похоже, больше не действуют. Подзывая официантку, я прошу чашку кофе, надеясь, что всплеск кофеина поможет.

Я чувствую на себе внимательный взгляд Картера, как всегда. Он спрашивал меня, что не так, слишком много раз за сегодняшний день, чтобы сосчитать, и на мой отказ дать ему нужный ответ Картер раздраженно встает и выходит. Я знаю, что веду себя как идиотка. Я знаю, что на данный момент моя уловка бесполезна, но я даже не знаю, что сказать, но это всегда было моей проблемой. Я никогда не знала, как защитить их от боли, которую моя правда будет вечно причинять.

Я не могу холодно объявить об этом так же, как сообщила новость своей матери. Но опять же, если не считать Кары, ей не нужно было, чтобы я надевала на нее лайковые перчатки. Я знаю, она верит, что любит меня по-своему, но я сомневаюсь, что она будет много времени думать обо мне после похорон. Может быть, Кара будет время от времени напоминать ей, что у нее была еще одна дочь. Я сомневаюсь, что Эдриен сделает это по собственной воле, когда меня не станет. Я всегда была для нее незаконченным делом, но с моей смертью заканчивается и ее материнский долг.

Этого нельзя сказать о мужчинах, которых я люблю всю свою жизнь. Они - мои родственные души. Они - часть меня, а я - часть их.

Как вы прощаетесь со своими родственными душами?

Я не уверена, что смогу.

Я вздыхаю, глядя на удаляющуюся спину Картера. Логан и Куэйд не говорят ничего, чтобы утешить меня, они так же расстроены мной. Они просто не могут заставить себя уйти. Если уж на то пошло, они привязались ко мне еще больше, становясь нервными, если я отсутствую в их присутствии дольше, чем на несколько минут.

Картер не возвращается все то время, пока я пью свой кофе. Когда я заканчиваю, мы встаем, чтобы уйти, и я покачиваюсь на ногах, когда на меня накатывает волна головокружения. Мир вокруг меня на мгновение расплывается, и я потрясена тем, что мне удалось удержаться на ногах, когда мир наконец возвращается в фокус.

Куэйд уже уходил, поэтому он не заметил, но Логан стоит прямо там, выглядя напуганным до смерти. Он хватает меня за руку и тащит через кафе, не останавливаясь, пока мы не оказываемся на улице, уютно устроившись в нише вдали от посторонних глаз.

Он слегка встряхивает меня.

— Ты, блядь, уничтожаешь нас, Валентина. Пожалуйста, блядь, доверься нам настолько, чтобы позволить нам помочь. Я не могу так продолжать. Я не могу.

Он отпускает меня и в отчаянии хватается за волосы.

— Пожалуйста, — умоляет он, слезы застревают у него в горле.

Я не отвечаю, я просто хватаю его за руку и вытаскиваю под дождь. Однажды я прочитала в книге, что дождь в Праге обладает магической силой, мол вы обретаете силу, после прогулки по ним.

Может он придаст мне смелости.

Всего через час у нас запланирован речной круиз по Влтаве, поэтому мы отправляемся под дождем туда, где пришвартована лодка. Картер пытается курить всю дорогу, в то время как Куэйд хмурится на любого, кто на нас смотрит.

Мы, конечно, та еще веселая компания.

Мы почти на месте, когда начинается очередной приступ головокружения. Мир наклоняется и кружится вокруг меня, и, прежде чем я осознаю это, я падаю на мощеную улицу подо мной. Моя голова ударяется с резким треском.

А потом ничего нет.

ГЛАВА 12
ТОГДА
ЛОГАН

Валентины, которой я посвятил свое сердце и душу, больше не существует.

Она превратилась в кого-то неузнаваемого для меня, призрак ее прежней жажды жизни. Ее оливковый оттенок лица бледный и пепельный, темные круги под глазами говорят о ее беспокойных, наполненных криками ночах. За последние два дня она никому не сказала ни слова. Не во время сегодняшних дневных заупокойных служб и не сейчас, во время поминок, которые проводятся в ее доме. Скорбящие подходили к ней, чтобы выразить свои искренние соболезнования, а она не поблагодарила ни одного, не простым кивком, не обычным благодарным словом.

Ничего.

Со смертью отца Валентина превратилась в пустую оболочку, где обитают только страдания, не оставляя места ни для чего другого. Даже для нас.

Сердечный приступ.

Вот что в итоге получилось у Эрика Росси.

Гребаный сердечный приступ в тот же день, когда его дочь отпраздновала свое восемнадцатилетие. Человек, у которого было сердце размером с баскетбольный мяч, внезапно просто падает замертво на свой диван во время просмотра повторов своих любимых ситкомов по телевизору. Что за гребаный способ покончить с жизнью, которая принесла столько радости в мир. Это несправедливо. Мой собственный отец участвовал в различных опасных миссиях, каждый раз рискуя своей жизнью, и ему всегда удавалось вернуться к нам целым. Валентина однажды вечером пошла с нами в гребаный ресторан, а когда вернулась, ее отца уже не было.

Этого не должно было произойти таким образом.

Но это сработало. И я не уверен, что Вэл когда-нибудь полностью восстановится.

Я прислоняюсь к порогу входной двери, наблюдая, как она сидит на качелях крыльца, просто глядя в никуда. Ее пустой взгляд такой же пустой, как она, должно быть, чувствует себя.

— Хочешь, я принесу тебе что-нибудь поесть? — Спрашиваю я ее, но, как и на все мои вопросы, она не отвечает. Просто продолжает смотреть в пустоту.

Я вытираю лицо рукой, не зная, как я могу помочь ей, исцелить ее боль. Это медленно разрывает мой рассудок в клочья.

— Я не видел, чтобы ты что-нибудь ела за день, Вэл. Тебе нужно поддерживать свои силы.

По-прежнему ничего.

— Я принесу тебе хотя бы что-нибудь попить. Немного того ромашкового чая, который ты так любишь, — настаиваю я, но на этот раз не жду ответа. Вместо этого я смотрю на Картера, который стоит, прислонившись к перилам перед ней.

— Присмотри за ней, — приказываю я.

— Я всегда так делаю, — отвечает он, скрестив руки на груди и не сводя глаз с девушки, которая значит для нас все.

Я возвращаюсь в полный дом и сразу понимаю, почему Вэл предпочитает оставаться снаружи. Все либо рыдают, либо рассказывают истории о ее старике, вспоминая лучшие дни, когда он все еще был с нами. Как и его дочь, Эрик Росси был силой природы. Он проник в сердца очень многих людей своими нежными, добрыми глазами и добродушным юмором.

Он этого не заслужил.

Вэл этого не заслужила.

Но опять же, мы редко получаем то, чего заслуживаем.

Мои зловещие мысли преследуют меня, когда я захожу на кухню и вижу, что Куэйд загружает посуду в посудомоечную машину.

— Что ты делаешь?

— На что это похоже? Я убираюсь. Она не должна убирать за всеми этими людьми, — отвечает он со злостью в голосе.

Я ставлю чайник, в то время как Куэйд начинает выбрасывать еду в мусоропровод с такой силой, что, вероятно, разобьет тарелку или две, прежде чем закончит. Когда я слышу, как в его руках разбивается стакан, я испускаю долгий выдох без удивления.

— Ты в порядке? — Спрашиваю я, подходя к нему, чтобы посмотреть, насколько велик

порез.

— Я в порядке, — бормочет он, смывая кровь, его тело внезапно начинает дрожать.

— Куэйд? — Я замолкаю у него за спиной.

Когда он оборачивается, его глаза налиты кровью, по лицу текут тихие слезы.

Черт.

Ему больно.

— Ты же знаешь, что я любил его? — Выдыхает он.

— Да, я знаю. Мы все его любили.

Он качает головой, дергая себя за волосы.

— Он был единственным настоящим отцом, на которого я мог рассчитывать. Каждый раз, когда он называл меня сыном, я чувствовал, что принадлежу к настоящей гребаной семье. И теперь его нет. Он ушел, Логан, и он никогда не вернется! — Всхлипывает он, кладя голову мне на плечо.

Я запускаю пальцы в его волосы, мое сердце сильно сжимается от страданий моего лучшего друга.

— Если тебе нужно сломаться, сломайся, Куэйд. Выпусти все это, брат. Но не позволяй ей видеть твою боль. Ей этого хватит на всю жизнь.

Он кивает, его голова все еще на мне, когда он плачет вдоволь. Я уважал отца Валентины. Я хотел его одобрения и уважения. Я хотел, чтобы он знал, что я достоин его дочери.

Но Куэйд?

Куэйд просто любил его, как сын любит отца.

Боль, которую он испытывает, может быть, и не такая, как у Вэл, но она, несомненно, очень близка к этому. Не потеряв ни одного из своих родителей, я могу только представить, что чувствуют сейчас оба. Единственный из нас, кто испытал подобные страдания, это Картер, и потеря его родителей сломала в нем что-то, что никакое количество времени никогда не могло исправить.

Когда чайник начинает свистеть, я не двигаюсь к нему ни на дюйм. Пока Куэйд не перестает дрожать. Я кладу обе руки на его широкие плечи, плечи, которые били и грабили его противников на поле, но сегодня выглядят хрупкими.

— Ты уже поел?

Он качает головой.

— Ну, попробуй. Ты слишком большой, чтобы я мог нести тебя, если ты упадешь в обморок.

На это он издает натянутый смешок, и это согревает мое сердце, даже если это совсем не похоже на обычный искренний смех Куэйда.

— Как она? — Спрашивает он, пока я поворачиваюсь к плите, чтобы наконец выключить чайник.

— Нехорошо. Я не думаю, что с ней скоро станет все в порядке.

Куэйд склоняет голову, и я смотрю на его кровоточащую руку. Я вздыхаю, пока беру кухонное полотенце, чтобы немного прижать рану.

— Оставайся здесь, пока я схожу за чем-нибудь, чтобы продезинфицировать этот порез, пока ты не заработал заражение.

Я выхожу из кухни и выглядываю наружу, просто чтобы посмотреть, как дела у Вэл. Она все еще смотрит в бездну, но Картер теперь сидит рядом с ней, держа ее за руку. Если и есть

кто-то, кто знает о смерти, то это он. Он пережил тот же ужасный день, когда был совсем ребенком, и это чувство покинутости никогда по-настоящему его не покидало. Интересно, так ли чувствует себя Вэл? Или ее боль проистекает из осознания того, что единственного родителя, который когда-либо любил ее, не будет рядом, чтобы увидеть, как ее жизнь расцветет так, как он всегда представлял для нее?

Каковы бы ни были ее нынешние мысли, ясно одно, Вэл никогда не будет прежней после этого. Ее отец был для нее всем. Их связь была единственной в своем роде. То, к чему я могу только надеяться стремиться, когда стану отцом.

Черт.

Он также никогда не сможет встретиться со своими внуками. Эта жалкая мысль мучает меня, когда я иду по коридору в ванную и достаю аптечку из-под раковины, только чтобы мельком увидеть свое отражение в зеркале. В моих глазах стоят слезы, глазницы глубокие и черные от последних двух бессонных ночей, с тех пор как мне позвонили и сообщили о смерти ее отца. До меня доходит, что я не спал и не ел уже несколько дней, но с этим придется подождать.

Я не могу развалиться на части.

Не сейчас.

Я им слишком нужен.

Картер, сколько бы он ни сталкивался с подобными обстоятельствами, не способен подавать надежды. Куэйд трещит по швам, а Вэл поддается своему оцепенению. Одному из нас нужно собраться с духом, чтобы пережить этот шторм и вытащить их из их страданий. Я должен быть тем парнем для них всех. Мне нужно заботиться и защищать их. Именно так поступил бы отец Валентины.

Я смотрю на небеса и надеюсь, что он смотрит на нас сверху вниз, а затем делаю то, чего не делал с тех пор, как был маленьким, когда папа оставил нас во время одной из своих многочисленных командировок.

Я молюсь.

— Пожалуйста, — начинаю я. — Дай мне унцию твоей силы и доброты. Если я смогу стать хотя бы наполовину таким человеком, как ты, тогда я обещаю тебе, что позабочусь о них. Всеми фибрами души я обещаю, что буду тем человеком, который сохранит нашу семью вместе.

КАРТЕР

Прошло две недели после похорон, и с тех пор Валентина, кажется, с каждым днем все больше уходит в себя. Я сижу на ее подоконнике, глядя на ее съежившееся тело, лежащее на кровати. Она просто продолжает смотреть на белую стену перед собой, как будто в ней хранятся все ответы на ее печали, отказываясь облегчить ее боль.

Я слышу, как внизу закрывается входная дверь, и поворачиваю голову к окну, чтобы увидеть, как Логан и Куэйд выходят из дома. Куэйд тоже все это время молчал. Мне нужны

были его юмор и жизнь, чтобы держать монстров прошлого в страхе, но внутри он такой же мертвый, как и Валентина. Я смотрю, как они садятся в машину Куэйда, Логан садится за руль, поскольку Куэйд не в том настроении, чтобы садиться за руль. Логан, вероятно, воспользовался предлогом, чтобы сходить в продуктовый магазин, просто чтобы вытащить Куэйда из дома. Если бы он думал, что этот трюк сработал бы и с Валентиной, я уверен, он поднялся бы наверх, чтобы спросить. Но Валентина не выходит из дома, она почти не выходит из своей комнаты. Есть много вещей, которые она больше не делает, например, разговаривает, ест или смеяться. Она стала жуткой версией ходячих мертвецов, и, хотя ее сердце все еще бьется, оно слишком разбито, чтобы функционировать.

— Тебе нужно принять душ, — говорю я ей, но она не отвечает. — Ты меня слышишь?

— Я ничего не хочу — шепчет она, и, хотя ее голос слабый и хриплый, я все равно рад, что, по крайней мере, она смогла связать воедино целое предложение.

В течение первой недели она не сказала нам ни единого слова. Вообще никому, если уж на то пошло. Мы остались и присматривали за ней, но это не принесло Валентине того комфорта, которого я бы желал. Я помню, когда умерли мои родители и как мне хотелось умереть вместе с ними. Все тревожные мысли, с которыми борется Валентина, годами копались в моей голове. Я знаю эту боль наизусть. Пережил это и купил гребаную футболку, но я никогда не ожидал, что буду сторонним наблюдателем и увижу, как девушка, которую я люблю больше жизни, проходит через такую боль. Я не уверен, что ранит больше… потеря или беспомощность.

К черту это.

— Вставай, Валентина, — настойчиво приказываю я, но безрезультатно, поскольку она отказывается шевелиться. — Я сказал, вставай!

— Нет! Просто оставь меня в покое, Картер! — Кричит она в ответ, поворачивая голову, чтобы бросить полный ненависти взгляд в мою сторону.

— О, ты злишься на меня? Хорошо! Злись, но, по крайней мере, прими гребаный душ, пока делаешь это.

— Пошел ты нахуй! — Кричит она, и я расплываюсь в подобии зловещей улыбки.

Валентина не склонна к сквернословию. Она никогда не ругается, но время от времени у нее выходит это наружу. Либо под нашим влиянием все эти годы, либо из-за чистого гнева. Последнее. С гневом я могу справиться. Это ее боль калечит мою душу.

Я подхожу к ней и одним быстрым движением откидываю покрывало с ее кровати.

— Вставай, Валентина.

Она встает на колени на кровати, ее глаза сверкают ненавистью.

— Я сказала НЕТ!

— Ну, я говорю ДА! — Кричу я, хватая ее и перекидывая через плечо.

Я чувствую, как ее кулаки бьют меня по спине, когда я веду ее в ванную комнату. Она все еще обрушивает на меня эти удары, когда я включаю душ и ставлю ее на коврик на полу.

— Входи!

— Нет!

Еще одна злая ухмылка появляется на моих губах, когда я беру ее на руки и подставляю нас обоих под струи воды. Одежда и все такое.

— Я ненавижу тебя! — Кричит она.

— Хорошо. Ненавидь меня сколько хочешь. Мне все равно, — кричу я, тряся ее за плечи.

Она фыркает, презрение все еще горит в ее янтарных глазах, но я приму эту эмоцию в любой день недели и дважды в воскресенье, если это, наконец, уничтожит скрытую за ней грусть.

Ее футболка большого размера начинает прилипать к телу от брызг воды над нами. Я начинаю тянуть за подол ее рубашки, но она хватает меня за запястья, останавливая мое следующее движение.

— Нет.

— Я уже видел тебя голой раньше, Валентина.

— Я сказала нет. Я могу сама это сделать, — отвечает она, ее гнев утихает.

— Хорошо, но я не уйду, пока ты не примешь душ.

Она бросает на меня еще один отвратительный взгляд и стаскивает с себя большую футболку. Она поворачивается ко мне спиной и подставляет себя прямо под душ.

Мой член, чертов мудак, имеет неприличие становиться твердым, в то время как мой взгляд только раздувает его, скользя по ее оливковой коже, ее заднице, умоляющей меня положить на нее руки. Но я этого не делаю. Я просто стою неподвижно, в одежде под душем, и не утруждая себя ее снятием.

Она наклоняется, чтобы взять мыло, и начинает мыть свое тело. Я наклоняюсь как можно дальше, просто наблюдая за ней. У меня руки чешутся к фотоаппарату, чтобы я мог запечатлеть это изображение, но придется обойтись моей памятью.

После того, как она вымыла все свое тело, она берет шампунь.

— Вымой мне голову, — просит она, в ее голосе больше нет резкости.

Она протягивает мне флакон, проливая немного шампуня мне на руки. Я массирую ей кожу головы и наблюдаю, как расслабляется ее тело. Валентина прислоняет голову к моему плечу, пока я пытаюсь вымыть ей волосы, насколько это в моих силах. Это трудно, но адреналин, который бушевал в ее венах несколько минут назад, официально иссяк. То, как она растворяется во мне, показывает, что у нее больше нет достаточно сил, чтобы стоять самостоятельно.

Убедившись, что ее шелковистые волосы чистые, я в спешке смываю шампунь и закрываю кран. Ее тело безвольно прижимается к моему, нуждаясь в том, чтобы я помог ей выйти из душа. Вытирая ее тело пушистым полотенцем, я беру ее на руки и несу Валентину обратно в комнату. Если бы у нее было больше энергии, я бы расчесал ей волосы, чтобы они потом не были в беспорядке, но ее веки уже слишком тяжелые, чтобы она могла держать их открытыми.

Я натягиваю одеяло ей на плечи и оставляю целомудренный поцелуй на ее виске. Решив, что лучше дать ей отдохнуть, я на мягких ногах подхожу к ее двери, но останавливаюсь, когда снова слышу ее голос.

— Спасибо.

Это все, что она говорит, прежде чем сон уносит ее в такое место, где я могу только надеяться, что душевная боль не коснется ее.

КУЭЙД

Когда мы с Логаном возвращаемся из супермаркета, Картер сидит на лестнице, ожидая нас. Его черные волосы мокрые, и он одет в спортивные штаны отца Вэл. Я не спрашиваю, что случилось, но вместо этого иду на кухню с бумажными пакетами, которые держу в руках. Я раскладываю все именно в тех местах, которые, я знаю, оставил бы мистер Э. В конце концов, это был и мой дом.

Я достаю несколько листов лазаньи, свежие помидоры и базилик, а также упаковку мясного фарша высшего сорта.

— Что ты делаешь? — Спрашивает Логан, наблюдая, как я все настраиваю.

— Ужин, — отвечаю я.

Возможно, это бесполезная попытка, поскольку большинство из нас ничего не едят, но мне нужно чем-то себя занять. По памяти я делаю все, что делал отец Вэл, когда готовил свою знаменитую лазанью. На меня нахлынули воспоминания обо всех тех случаях, когда он шутил надо мной, говоря, что, когда я стану большой футбольной звездой, я не стану одним из тех богатых придурков, которые даже не знают, как сварить яйца.

Даже со всеми воспоминаниями, которые я никогда не переживу вновь, это дает мне какое-то утешение при приготовлении пищи. Это напоминает мне обо всем, чему научил меня настоящий мужчина с большой буквы. До того, как он появился, я не знал, что значит быть частью семьи. Конечно, у меня были мои братья, Логан и Картер, но это не одно и то же. Ребенок должен чувствовать родительскую любовь. Я никогда не чувствовал. Пока не появился отец Вэл.

У меня уходит около часа на приготовление. Картер и Логан сидят за кухонным столом, разговаривая вполголоса, вероятно, обо мне. Я игнорирую их и готовлю простой салат из листьев салата и помидоров, внимательно следя за чесночным хлебом, чтобы он не подгорел. Как только лазанья достаточно остывает, я нарезаю ломтик и кладу его на тарелку, переложив на деревянный поднос, который я сделал на первом курсе в столярной мастерской. Я стараюсь не вспоминать, что делал его, для мистера Э. Прежде, чем подняться наверх, я добавляю к нему небольшой салат, два ломтика чесночного хлеба и бутылку воды из холодильника.

— Я собираюсь подняться к Вэл, — говорю я им, обеспокоенный взгляд Логана мгновенно смягчается.

— Я тебе оставлю немного, — говорит он, но мы оба знаем, что мой аппетит испортился до чертиков. В любом случае, я люблю этого ублюдка за то, что он старается.

Когда я захожу в комнату Валентины, ее шторы слегка задернуты, что придает комнате мрачный вид.

— Я принес тебе кое-что поесть, — бормочу я и сажусь на край ее кровати, ставя поднос на прикроватный столик.

— Я не голодна, — произносит она.

— Это рецепт твоего отца. Я следовал ему, как мог.

Ее усталые глаза смотрят на меня, непролитые слезы сверкают в них золотом.

— Ты поешь со мной? — Задыхается она, еще больше сжимая мое сердце.

Я киваю, хотя еда, последнее, о чем я думаю, но если это заставит Вэл что-нибудь съесть, тогда мне придется приложить усилия. Она откусывает маленький кусочек, когда одна слезинка падает на ее тарелку, и на ее лице появляется подобие улыбки.

— На вкус как у него.

Моя кроткая усмешка тронула уголки моих губ.

— Я сомневаюсь в этом.

— Попробуй, — командует она, беря вилку и поднося ее к моему рту.

Я накрываю губами вилку, и на вкус лазанья похожа на его. Я открываю глаза и вижу, как ее золотистые глаза еще больше увлажняются. Мои начинают покалывать в уголках, когда она откусывает еще кусочек только для того, чтобы вернуться к тарелке и предложить мне еще одну порцию. Я беру ее. Пока она ест, по ее лицу текут мокрые слезы, и я смахиваю их большим пальцем, стараясь не прерывать ее трапезу. Ее дрожащие пальцы проделывают то же самое со слезами, которые я проливаю, когда она кормит меня очередной порцией. Это продолжается несколько минут, пока на тарелке ничего не остается.

— Спасибо, — шепчет она.

Я киваю, вставая с кровати, но она держит меня за запястье, когда я пытаюсь поднять поднос.

— Не уходи, — шепчет она.

Она стягивает одеяло и забирается на кровать, ровно настолько, чтобы я мог забраться. Я молча снимаю обувь и делаю, как она просит. Валентина кладет голову мне на грудь, и я притягиваю ее ближе к себе.

— Я скучаю по нему, — шепчет она.

— Я тоже.

Она обнимает меня крепче, ее слезы оставляют следы боли на моей коже.

— Я не знаю, как жить дальше без него.

Мое горло сжимается, когда я беззвучно плачу, ее слова подражают моим собственным. Она кладет подбородок мне на грудь, наблюдая, как я провожу пальцами по ее волосам

— У нас все будет хорошо. Правда? — Спрашивает она неуверенно.

— Я надеюсь на это.

После долгой молчаливой паузы она снова ложится рядом со мной, ее голова снова ложится мне на грудь, слушая орган, который отказывается работать.

— Он любил тебя, ты же знаешь? — Она замолкает, разбивая мое сердце еще больше.

Громкий всхлип вырывается из моего горла, и мне приходится прикусить костяшки пальцев, чтобы не сломаться прямо здесь.

— Куэйд, — шепчет она, уже готовая расплакаться.

Я притягиваю ее к себе и кладу голову на изгиб ее шеи. Она запускает пальцы в мои волосы, предлагая мне утешение, когда не может найти свое собственное. Я сразу чувствую себя эгоистичным придурком из-за того, что принес ей свои страдания, когда она не смогла избежать своих.

— Мне жаль, — плачу я. — Мне чертовски жаль.

— Все в порядке. Все в порядке, — плачет она.

Я никогда раньше так не плакал.

Никогда такого не было.

Ничто в моей жалкой жизни никогда не заслуживало слез. Но вот я здесь и сейчас, реки текут из меня, угрожая утянуть меня на дно, пока я не утону под их безжалостной приливной волной страдания. Мы держимся друг за друга с такой яростью, боясь, что, если отпустим, боль неизбежно задушит нас. Но в этот самый момент, когда нас обоих целиком поглощает жестокость грифа, я чувствую его присутствие в объятиях моей любви.

Валентина начинает целовать мои мокрые щеки, и я делаю то же самое с ее. Мы в гребаном беспорядке, и все же кажется, что мы еще даже не прикоснулись к самому худшему, но проблеск надежды говорит нам, что это не будет нашим концом.

— Я так сильно любила его.

— Я тоже, — выдыхаю я.

— Мне так страшно, Куэйд. Мне так страшно.

Я качаю головой.

— Нет. Я этого не принимаю. Ты дочь своего отца, принцесса. Поэтому всякий раз, когда ты забываешь, что внутри тебя его сила, я буду здесь, чтобы напомнить тебе. Я, блядь, клянусь в этом. Однажды я пообещал ему, что подарю тебе весь мир, если ты попросишь. Знаешь, что он мне сказал?

— Что?

— Что тебе не нужен весь мир. У тебя уже есть самое главное, любовь. И если я хочу ему что-то пообещать, то должен пообещать ему, что я всегда буду следить за тем, чтобы тебя любили всеми возможными способами. Я никогда не нарушу свое слово, данное ему и тебе.

— Я знаю. — Она вздыхает, пока мы вытираем остатки наших слез. — Он так много не увидит. День моего окончания колледжа. Мою ординатуру в больнице. День моей свадьбы. Рождение его внуков. Он собирается пропустить все это.

— Нет. Я ни на секунду в это не верю. Он здесь, Вэл. — Я прижимаю открытую ладонь к ее сердцу. — Он живет внутри тебя.

Она наклоняется и запечатлевает влажный, целомудренный поцелуй на моих губах.

— Я люблю тебя. Если завтра никогда не наступит, мне нужно, чтобы ты знал, что я люблю тебя.

Черт.

Я хватаю ее и толкаю на себя, мне нужно держаться за нее так же яростно, как мне нужно держаться за этот момент прямо здесь.

— Я люблю тебя, Валентина. И завтрашний день настанет для нас, принцесса. Я обещаю тебе. И я дам тебе еще одно обещание. Когда я умру, я клянусь, что все еще буду любить тебя так же сильно, как в этот самый момент. Даже смерть не сможет разлучить нас.

— Обещаешь? — Всхлипывает она.

— До моего последнего вздоха.

ГЛАВА 13
СЕЙЧАС
ВАЛЕНТИНА

— Что с ней не так?

— Она дышит?

— У нее из головы идет кровь!

— Вызовите гребаную скорую помощь!

Почему их голоса звучат совсем не так? Я смутно соображаю, когда мои глаза со скрипом открываются. У меня влажное лицо. Где я? Борясь с собой, я осторожно подношу руку к лицу, чтобы посмотреть, почему оно такое мокрое. Моя рука снова становится слегка липкой, и я хмурюсь, пытаясь вспомнить, что произошло и где я нахожусь.

Дождь.

Мы шли под дождем. Отправляясь в речной круиз.

Это возвращается все сразу, и мои глаза распахиваются. Картер разговаривает с кем-то по телефону, хотя на самом деле крик, лучший способ описать это. Логан стоит на коленях рядом со мной, держа меня за руку. Куэйд ходит взад-вперед, с тревогой наблюдая за мной.

— Она проснулась! — Неожиданно кричит Куэйд, и я вздрагиваю, потому что, черт возьми, у меня так сильно болит голова.

Картер резко обрывает телефонный разговор и подбегает. Я никогда не видела у него таких глаз. В них паника.

— Что случилось? — Слабо спрашиваю я, пытаясь сесть. Логан немедленно кладет руку мне на плечо, чтобы я не ложилась. Я наконец понимаю, что мы на тротуаре, прижатые к стене. Прохожие с тревогой смотрят на нас. Мои щеки краснеют от такого пристального внимания.

— Ты, блядь, упала в обморок, Валентина. Вот что, блядь, произошло, — шипит Картер, выглядя так, словно вот-вот потеряет контроль. Он сжимает и разжимает кулак, а затем отступает назад и ударяет по деревянной стене рядом с нами, пробивая в ней дыру. Я съеживаюсь, думая, что он, вероятно, только что уничтожил что-то столетней давности, зная мою удачу.

— Они едут? — Рявкает Логан на него.

— Кто едет? — Хрипло спрашиваю я, чувствуя, как паника начинает разрастаться у меня внутри.

— Скорая помощь, — огрызается на меня Логан.

Я вскакиваю несмотря на то, что от этого движения меня тошнит.

— Нет, пожалуйста. Никакой больницы.

Я вне себя от паники. Одна мысль о возвращении в больницу… Меня тошнит от только что съеденного завтрака прямо на тротуар рядом со мной, блевотина забрызгивает ботинки Куэйда, несмотря на мои попытки не задеть его.

— Милая, тебе нужно в больницу. Здоровые люди не падают в обморок. — Умоляюще говорит Логан. Он пытается успокоиться ради меня, потому что Логан такой, какой он есть, но тревога написана на его лице.

— Пожалуйста, никакой больницы. Я в порядке. Правда, — умоляю я еще раз, снова пытаясь сесть.

На этот раз Логан не останавливает меня, вместо этого он подхватывает меня на руки и стоит со мной в своих объятиях. Картер смотрит мне в лицо, и я отшатываюсь. Выражение сожаления проходит по его лицу, и он делает глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Ты, блядь, не в порядке, — медленно выплевывает он, все еще сжимая кулаки перед собой. — У тебя кровоточит голова. Ты упала в обморок. У тебя кровь из носа не прекращается. Ты едва можешь есть. Ты слаба. Ты адски похудела. У тебя постоянно болит голова. Ты ни хрена не в порядке. — К тому времени, как он заканчивает, в его голосе больше нет злости. Он просто разбит.

И я думаю, что ненавижу это больше, чем гнев.

Пришло время сказать им правду. Глядя на всех троих, я понимаю, что мое молчание разрушает их возможно так же, как мой диагноз. Я причиняю им боль каждый день.

Я больше не могу этого делать.

— Никакой больницы, — устало говорю я. — Давай просто вернемся в отель. Я…Я вам все расскажу.

— Никакой лжи? — Спрашивает Куэйд. Я вздрагиваю, когда смотрю на него. Ушел самоуверенный болван, в которого я так влюблена. На его месте человек, который напуган.

— Никакой лжи, — тихо обещаю я.

Это похоже на марш смерти, когда Логан ведет меня до угла, где мы ловим такси. После указания водителю направления не произносится ни слова. Мы все промокли насквозь от дождя, и кабина наполнена тем затхлым, влажным запахом, который появляется только после продолжительного ливня. Логан без особого энтузиазма гладит меня по волосам, но продолжает смотреть в окно. Картер сжимает и разжимает кулаки, уставившись на свои колени. Куэйд впереди, его взгляд так часто перебегает на меня, как будто он боится, что я исчезну от него в любую секунду.

А потом мы возвращаемся в отель. Мой пульс учащается, и голова так чертовски сильно болит. По моей щеке все еще течет немного крови с того места, где я ударилась головой. На самом деле меня это не беспокоит. Что бы я ни повредила на своей голове, это не хуже, чем болезнь в моей голове.

Логан несет меня через вестибюль. Я слышу шепот вокруг нас, когда удивленные и обеспокоенные посетители наблюдают за нами. Мы выглядим впечатляюще с нашими промокшими внешностями и тем фактом, что я истекаю кровью на руках Логана. Кажется, что в этой поездке мы повсюду привлекаем внимание, но никогда раньше не было такого. Я бы чувствовала себя неловко, но я слишком больна, чтобы по-настоящему беспокоиться.

Служащий отеля пытается подойти к нам прямо перед тем, как мы подходим к лифту.

— У нас все в порядке, — мрачно рявкает Картер, и служащий быстро убегает.

Я испускаю легкий вздох, когда двери лифта закрываются и мы оказываемся в уединении. Кажется, что поездка на наш этаж длится целую вечность. Я хочу, чтобы это произошло быстрее, и в то же время боюсь этого. И хотя я пытаюсь подготовиться, когда двери лифта открываются, мне приходится бороться с желанием убежать. Хотя, учитывая то, как я себя чувствую, бег не продвинул бы меня далеко.

Логан подходит к дивану и осторожно опускает меня на него. Логан и Куэйд садятся на диван напротив меня, в то время как Картер предпочитает встать позади них. У меня такое чувство, будто я прошла перед расстрельной командой.

— Начинай говорить, — приказывает Картер.

Мои руки дрожат, поэтому я складываю их перед собой, чтобы попытаться контролировать их. Я открываю рот, чтобы заговорить, но боль в голове становится почти ослепляющей. Будь то от падения, стресса или гребаной опухоли, это слишком много для меня, чтобы справиться прямо сейчас с этим разговором.

— У меня в ванной есть пакетик с таблетками. Не мог бы кто-нибудь из вас, пожалуйста, принести мне его вместе со стаканом воды? — Устало спрашиваю я.

Все трое подскакивают, чтобы достать это, и моя нижняя губа начинает дрожать при виде этого. Даже при том, что они явно злы на меня, они все равно сделают для меня все что угодно. Я не заслуживаю такой преданности, но это наполняет меня изнутри. Если бы у меня был шанс выжить, это, вероятно, заполнило бы все дыры внутри меня, которые образовались после смерти моего отца и после того, как я уехала.

Интересно, каково это… быть целостным человеком.

Логан возвращается с моей сумкой таблеток, в то время как Куэйд протягивает мне бутылку воды. Картер хватает сумку, прежде чем я успеваю за нее взяться, и начинает рыться в моих таблетках. Он читает некоторые этикетки, а затем с отвращением бросает пакет мне на колени.

— Тут по меньшей мере тридцать баночек с таблетками, — комментирует он сдавленным голосом. Он пытается контролировать себя, потому что знает, что надвигается что-то плохое.

Я молча киваю, выбирая несколько, которые, я надеюсь, сработают, и поспешно проглатываю их. Потребуется некоторое время, чтобы таблетки начали действовать, но, по крайней мере, я знаю, что наступит некоторое облегчение.

Убирая бутылки обратно в сумку, я лихорадочно пытаюсь придумать, что сказать, как объяснить путешествие, в котором я была, решение, к которому я пришла несколько месяцев назад. Что мне сказать, чтобы они поняли? Что, если они захотят уйти, когда услышат новости? Я не буду винить их за это, сразу решаю я. Я никогда не буду злиться на них за это.

— Как вы знаете, я была больна, когда была девочкой. У меня была ремиссия прямо перед переездом в Сан-Антонио. И с тех пор я была здорова, — начинаю я. Я не могу смотреть на них, пока говорю, потому что я почти уверена, что разрыдаюсь, если сделаю это.

— Два года назад у меня начались головные боли. Сначала я их игнорировала. Я просто думала, что они от слишком усердной учебы. Но потом начали происходить другие вещи. У меня шла кровь из носа, руки дрожали ... Иногда я теряла сознание. Я, наконец, пошла к врачу через пару месяцев, и после нескольких сканирований мы обнаружили, что моя опухоль вернулась.

Раздается грохот, и мои глаза широко распахиваются, когда Логан сметает все с кофейного столика перед собой. В этот момент мои слова выходят без запинок, и мне снова приходится отвести от них взгляд, но я продолжаю, потому что теперь, когда слова выходят, я не могу остановиться.

— Я бросила медицинскую школу, очевидно по этой причине. Моим худшим страхом было то, что я потеряю сознание во время процедуры и в конечном итоге убью кого-нибудь. — Горько смеюсь я. — После этого я начала лечение. За последние два года меня

пичкали всеми мыслимыми препаратами.

Я издаю сдавленный всхлип, когда мои следующие слова слетают с моих губ.

— Ничего не помогло. Во время нашего последнего телефонного разговора мой врач сказал, что мне осталось примерно три месяца. И поэтому я напилась и написала эти письма.

Я снова поднимаю взгляд. Логан запустил руки в волосы и раскачивается взад-вперед. Куэйд выглядит так, будто вот-вот упадет в обморок, как будто он не уверен, где находится и как сюда попал. Картер ... ну, он совершенно неподвижен, смотрит на меня немигающим взглядом с затемненными глазами и шокирующе бледным цветом лица.

— Я должна была сказать вам, — шепчу я, касаясь своего сердца дрожащими руками, как будто это каким-то образом может остановить боль, которую я чувствую. — Я должна была сказать вам с самого начала. Но я не хотела, чтобы наше время вместе было только потому, что вам жаль меня.

Мой голос звучит умоляюще, когда я пытаюсь объяснить свой мыслительный процесс. Я отчаянно хочу, чтобы они поняли. Мне нужно, чтобы они поняли.

— Я хотела, чтобы вы были здесь, потому что любили меня, чтобы вы хотели провести это время вместе так же сильно, как и я.

Я изо всех сил стараюсь не сводить с них глаз, потому что хочу спрятаться от охватившего меня стыда.

— Мне так жаль, — говорю я им. — Я знаю, это нелегко слышать…

— Это нелегко слышать, — голос Картера прорывается сквозь мою мольбу. Он начинает смеяться, и это холодный, мрачный смех, от которого у меня по спине пробегают мурашки. — Наверное действительно, нелегко слышать, что ты, блядь, умираешь. И ты лжешь нам с тех пор, как впервые отправила эти письма.

Он продолжает смеяться, наклоняясь и кладя руки на колени, все его тело сотрясается. Однако через несколько мгновений звуки меняются, и изо рта вырываются только сдавленные рыдания. Он падает на колени, его вопли эхом разносятся по комнате. Я понятия не имею, что делать. Снова грохот, и я вижу, что Логан уничтожает все, до чего может дотянуться, его лицо искажено агонией и страданием. Куэйда тошнит прямо там, на диване, его лицо бледное и мокрое, и он выглядит так, как будто ему трудно дышать.

Что я наделала?

Логан резко выходит из комнаты, направляясь к балкону рядом с комнатой. Я смотрю, как он хватается за перила. Я встаю и делаю шаг вперед, потому что, честно говоря, не уверена, что он собирается делать. Он издает долгий, мучительный крик, а затем падает на колени, хватаясь за перила, как за спасательный круг.

Я думаю, что буду помнить звук этого крика даже после того, как умру.

Онемение начинает распространяться по моим конечностям. Такое чувство, что я просто наблюдатель за всем, что происходит, как будто меня на самом деле здесь нет. В оцепенении я иду в свою спальню и ложусь на кровать. Я смотрю в потолок, прислушиваясь к звукам их отчаяния, доносящимся из-за моей двери.

А затем я проваливаюсь в глубокий, тревожный сон, где меня находят только кошмары.

Я знаю, что я не одна, когда просыпаюсь. Меня будит не звук, а то, что я могу чувствовать его. Теперь я всегда могу их всех чувствовать.

Опустилась ночь, я оглядываюсь и вижу, что Логан сидит в кресле у окна, закрыв лицо руками.

— Логан, — тихо говорю я. Теперь, когда мой секрет раскрыт, мое тело словно решило нырнуть с большой глубины. За всю поездку я не чувствовала себя так плохо. Даже просто говорить кажется почти невозможным.

Он поднимает глаза при звуке своего имени и вытирает рукой лицо. Он встает и идет ко мне, переступая коленом через кровать, пока не добирается до меня. Затем он ложится рядом со мной, так что мы оказываемся лицом к лицу.

— Пожалуйста, — тихо умоляет он сдавленным голосом. — Пожалуйста, найди способ жить. Такое чувство, что это я умираю, и если ты снова оставишь меня… Если ты отправишься туда, куда я не смогу последовать за тобой…Я не выживу. Пожалуйста, скажи мне, что это просто какая-то жестокая шутка, и что у нас впереди целая вечность.

Он плачет, и, очевидно, я плачу. Это было именно то, чего я пыталась избежать, последние дни, наполненные печалью вместо радости быть вместе. Как бы ни было больно умирать для меня, я думаю, я убедила себя, что это было не так больно для тех, кто остался позади.

Я была неправа. Так чертовски неправа.

ЛОГАН

Я не уверен, умираю я или она. Невероятно, как несколько слов могут иметь силу изменить всю твою гребаную жизнь.

Она умирает.

Девушка, в которую я был влюблен всю свою жизнь, умирает, и я ничего не могу поделать. Я не могу пойти в магазин, чтобы купить ей что-нибудь. Я не могу ее утешить. Я, блядь, ничего не могу сделать.

Я в ярости на нее. Но я также в ярости на себя. Девушка моей мечты буквально исчезала у меня на глазах в течение нескольких недель, и я пропустил это мимо ушей.

— Скажи мне, что было бы то же самое, если бы ты проходила лечение вместо того, чтобы ехать сюда, — умоляю я.

Я не знаю, что я сделаю, если узнаю, что она могла бы все это время проходить дополнительное лечение, чтобы продлить свою жизнь. Я бы пришел в больницу. Я был бы

всем, в чем она нуждалась. Все, что она хотела. Я бы отдал свою жизнь за эту гребаную девчонку.

— Это было бы то же самое, — мягко успокаивает она меня, протягивая руку, чтобы поиграть с моими волосами.

Она умирает.

Эти слова вертятся у меня в голове. Я чувствую, что будет только "до" и "после" сегодняшнего дня. Я думал, что навсегда изменился, когда встретил Валентину, но я думаю, что правда в том, что я навсегда изменился с осознанием того, что я вот-вот потеряю Валентину, навсегда.

Когда она уходила раньше, я, по крайней мере, знал, что она где-то там. Иногда я мог представить ее, когда становилось темно, я представлял, что она была счастлива и добилась всего, чего когда-либо хотела. Я мог сказать себе, что ей было лучше без меня, и я мог пережить еще один день, потому что она все еще существовала.

Что мне делать, когда ее не станет?

Я сворачиваюсь калачиком рядом с девушкой, которую всегда любил, отчаянно желая получить от нее хоть какое-то утешение, даже несмотря на то, что она умирает.

— Я не могу жить без тебя, — шепчу я ей.

И я знаю, что это правда.

КУЭЙД

Я в шоке. Это мой обычный механизм преодоления, когда дерьмо попадает в вентилятор, но в данный момент он с треском проваливается. Моему шоку вообще не удается заглушить то, что я чувствую. Я все еще чувствую, что меня разрывают на куски. Я делаю еще один большой глоток бурбона из бутылки, которую взял в баре. Я прикончил почти всю бутылку. То, что я сейчас не валяюсь без сознания на земле, свидетельствует о моих многолетних запоях. Каким-то образом я все еще бодрствую. Каким-то образом я все еще обременен всей этой уродливой, ужасной болью. Болью, которая страшнее всего, что я когда-либо испытывал раньше.

Слезы подступают к моим глазам. С сегодняшнего утра я выплакал реку слез, их не может быть больше, но они все еще пробиваются сквозь мои сжатые веки. Черт возьми. Вдох, выдох. Я следую этой мантре, поэтому не могу думать о том, что произошло, что может произойти в любой момент.

Я не плакал с тех пор, как Валентина ушла много лет назад. Я не плакал от счастья. Я не плакал во время неудач. Я даже не плакал, когда получил травму. Это было похоже на то, что эта часть моего тела была отключена. Однако сейчас слезы текут тяжело и быстро. Слезы сменяются отчаянной яростью, которую я испытываю, когда они не льются. За окном льет дождь, и кажется, что небо тоже плачет. Я не могу поверить, что она хотела танцевать под дождем. В этом дожде нет ничего волшебного или исцеляющего.

Там только боль.

Густые, обильные слезы падают с неба и заливают землю по мере того, как шторм усиливается. И все же это не соответствует буре, которая бушует внутри меня. Я неоднократно делился с этой девушкой своим прошлым, своим настоящим и своей надеждой на будущее, но то, что она вернула мне, было ничем иным, как ложью.

Я бы предпочел никогда не воссоединяться с ней, чем найти ее и потерять вот так. Однако, как только у меня возникает эта мысль, я понимаю, что сейчас это я лгу. То, что я чувствую к Валентине, это отчаяние, это темнота, это навязчивая идея, которую я не могу представить ни для кого другого. Я бы предпочел вечно испытывать боль и провести с ней хотя бы секунду, чем никогда ее не видеть вообще.

Я богатый человек. Я богатый человек, у которого есть связи, у которого есть влияние. И ничто из того, чего я достиг в своей жизни, не может повлиять на самое важное, что когда-либо происходило в моей гребаной жизни.

Эрику было бы стыдно за человека, которым я стал.

Я поднимаюсь с дивана, внезапно отчаявшись увидеть объект своей одержимости. Страх пронзает мое сердце при мысли, что она каким-то образом скончалась, пока я был здесь, устраивая самую большую в мире вечеринку жалости. Я пробираюсь сквозь мебель, опрокидывая лампу, когда пытаюсь добраться до ее двери, за которой, как мне кажется, Логан исчез ранее. Он всегда был первым, кто приходил в себя. Я завидую ему и в то же время люблю его за это. Однако ему придется поделиться. Мне нужны все ее оставшиеся моменты. Это будут и мои последние оставшиеся мгновения. Мужчина, которым я являюсь сегодня, перестанет существовать в ту же секунду, как перестанет биться ее сердце.

Я знаю, что должен хотеть сделать что-то, чтобы она гордилась мной. Я должен хотеть работать усерднее, выиграть для нее следующий Суперкубок, чтобы я мог посвятить победу ее памяти, решить проблему мирового голода… Но это все полная чушь. Лучшее, что я когда-либо делал, единственное, что имеет значение, что я когда-либо делал, это любовь к Валентине каждой частичкой моего сердца и души. Не имеет значения, что еще я делал в жизни, это никогда не сравнится с этим.

Единственный отец, который когда-либо что-то значил для меня, просил меня об этом. И я поклялся ему, что никогда не подведу ее. Я буду любить ее вечно.

Даже после смерти.

КАРТЕР

Я всегда знал, что моя человечность висела на волоске. Что единственное, что не давало мне погрузиться во тьму взросления, был свет Валентины. Я пережил долгие годы без нее. Я не могу назвать это жизнью, потому что ничто в моем опыте не напоминало жизнь. Это было просто жалкое существование, и теперь, столкнувшись со смертью единственного человека, ответственного за мою душу, моя человечность ускользает.

Я просыпаюсь от затемнения, когда двое вышибал в черных рубашках вытаскивают меня

из бара. Они покрыты царапинами, которые подозрительно выглядят так, будто были нанесены человеческими ногтями, а у одного из них заплыл глаз, на котором начинает появляться синяк. Мне требуется мгновение, чтобы понять, что происходит. Только когда они бросают меня на землю и один из них сильно пинает меня в живот, я вспоминаю, что произошло.

Я зашел в бар дальше по улице и начал пить в течение нескольких часов. Бармен попытался прервать меня, но я швырнул в него содержимым всего своего кошелька, и он отступил. Я сидел там, выпивая напиток за напитком, делая рюмку за рюмкой. И когда кто-то толкнул меня по пути в туалет, я сошел с ума.

Парень, который меня ударил, был тяжелее меня по меньшей мере на пятьдесят фунтов, но это не имело значения. Я отступил и ударил его кулаком в лицо. Он отлетел назад и врезался в стол, уставившись на меня со смесью ярости и шока, когда пришел в себя.

Он вскочил, чтобы броситься на меня, и начался настоящий ад. Костяшки моих пальцев были в крови и распухли от нанесенных мною ударов. Моя губа распухла и кровоточила в том месте, где я получил хук слева от одного из друзей парня. Мне повезло, что не вызвали полицию, судя по повреждениям, которые я оставил после себя.

— Сумасшедший, гребаный американец, — с отвращением выплевывает один вышибала, после того как для пущей убедительности дает мне еще один пинок. Если я не начну харкать кровью из-за разрыва органов, я буду удивлен, судя по боли, сжимающей мой желудок.

Я едва вижу одним глазом, благодаря другому удару кулаком в глаз. Я старался изо всех сил, учитывая, что за последние четыре часа выпил больше алкоголя, чем за всю свою жизнь. Я стону, когда поднимаюсь с земли, почти уверенный по запаху, что меня бросили в лужу мочи. Я, пошатываясь, плетусь по переулку за баром, сжимая живот и бок с стиснутыми зубами. Думаю, я добавлю сломанные ребра к списку травм, которые я получил сегодня.

Каким-то образом я добираюсь обратно в отель. Я игнорирую потрясенный вздох одной из служащей на стойке регистрации, которая пыталась флиртовать со мной, когда мы регистрировались. Казалось, это было целую вечность назад, когда я вежливо сказал ей:

— Иди нахуй, — после того как поцеловал Валентину, отчего у нее в глазах заблестели звездочки. Это действительно произошло? Это похоже на сон, ощущение блаженства, которое я испытывал всего несколько дней назад.

И теперь ... теперь я уничтожен.

В гостиничном номере темно и тихо, когда я захожу внутрь. Я не могу вести себя тихо всю дорогу, потому что у меня двоится в глазах, но я стараюсь изо всех сил, направляясь к комнате Валентины. Комната, в которой мы занимались с ней любовью только вчера утром.

Она лежит в постели, Логан и Куэйд рядом с ней, как два часовых. Все трое крепко спят.

Я подкрадываюсь ближе к кровати, просто чтобы убедиться, что ее грудь все еще поднимается и опускается. Просто чтобы убедиться, что она все еще здесь, со мной.

Она такая чертовски красивая. Моя сладкая милая девочка.

Должно быть, я проклят. Я потерял всех, о ком когда-либо заботился в своей жизни. Потерять родителей и бабушку несколько лет спустя было ужасно, но потерять ее? Потерять единственного человека, о котором я забочусь больше, чем о себе, больше, чем о ком-либо еще? Это похоже на то, что мне выносят мой собственный смертный приговор. С таким же успехом я мог бы прямо сейчас броситься с балкона.

Как будто меня тянет вперед за веревочку, я заползаю на кровать и сворачиваюсь калачиком у ее ног, не желая больше быть вдали от нее. Я зол на нее. Я ненавижу тот факт, что она спрятала эту огромную, ужасную вещь. Я ненавижу то, что она собирается уйти куда-то, где я не смогу ее найти. Но я понимаю. По крайней мере теперь…после того, как я нашел дно бутылки и ввязался в драку в баре, я понимаю. Если бы она рассказала нам с самого начала, все бы было по-другому. И хотя я чувствую, что меня прямо сейчас разорвали на части и бросили умирать, я также могу признать, что воссоединение с ней и мужчинами, которых я когда-то считал братьями… что-то во мне исцелило.

Если бы она сказала нам, у нас не было бы Испании, у нас не было бы Греции, у нас не было бы Флоренции.

Как я уже сказал, я все это понял.

Я подхожу к ней так близко, как только могу, учитывая тот факт, что Логан и Куэйд находятся так близко, что могут задушить ее, и я смотрю, как поднимается и опускается ее грудь, движение временно успокаивает боль, охватившую все мое тело.

Я клянусь прямо сейчас, что нет такого места, куда она могла бы пойти, куда я не попытался бы последовать за ней.

Любое место без нее будет просто адом.

Жизнь не имеет смысла, если я не смогу разделить ее с ней.

Я должен был знать.

Последние десять лет я жил в полном чистилище без нее.

ГЛАВА 14
ТОГДА
ВАЛЕНТИНА

— Вэл? Что? — прохрипел Логан, удивленный, когда увидел, что я спускаюсь по лестнице.

Я слегка киваю ему в знак приветствия, держась за поручень, чтобы не упасть. Мои ноги все еще чувствуют себя не в своей тарелке, дрожат либо от недостатка использования, либо в отместку за то, что я встала с постели после стольких недель.

Но пришло время.

Я достаточно долго сидела в своей комнате, даже пропустила церемонию вручения дипломов. Но опять же, по какой причине я должна была туда идти? Мой отец не был бы там, на трибунах, подбадривая меня, когда я получала свой диплом. После этого не было бы ужина отца с дочерью, мечтающих о возможностях будущего, в то время как он осыпал бы меня гордостью и любовью. Я даже не могла смириться с мыслью о том, чтобы подняться на трибуну и произнести свою прощальную речь. Я слишком много раз репетировала ее перед ним, чтобы не искать его во время выступления. Это просто напомнило бы мне обо всех важных событиях в жизни, которыми я больше не смогу поделиться с ним.

Единственное, что меня огорчает еще больше, это то, что мальчики тоже не посещали

свои занятия, предпочитая отсиживаться в моем доме, присматривая за мной. Это было несправедливо по отношению к ним. Но, несмотря на все мои возражения и все просьбы отправить их, они сделали свой собственный выбор и остались. Я бы никогда не попросила их пропустить такой важный день. Но они все равно это сделали. Ради меня.

— Тебе что-нибудь нужно, Валентина? — Спрашивает Картер с той же заботой в голосе, преодолевая разрыв между нами, чтобы он мог предложить мне свою руку.

Я качаю головой и делаю последний шаг самостоятельно. Я стала сиротой, а не инвалидом. Стоя в фойе, я делаю все, что в моих силах, чтобы не смотреть направо, где находится гостиная. Я не думаю, что смогу переступить порог этой комнаты до конца своей жизни. Все, что в ней сейчас хранится, это воспоминания о том, как я нашла безжизненное тело моего отца на диване.

— Хочешь чего-нибудь поесть? — Вмешивается Логан, помещая свое тело между мной и этой ужасной комнатой, точно чувствуя, куда направились мои мысли.

— Немного чая было бы неплохо, — прохрипела я, направляясь на кухню.

Мой голос даже не похож на мой собственный. Мое горло все еще хрипит от всех тех рыданий, которые были. Я никогда не думала, что кто-то способен плакать так долго. Мне казалось, что это был бесконечный колодец страданий, который должен был быть вытеснен из меня, согласна я на это или нет.

Когда я захожу на кухню, я вижу, что Куэйд как раз заканчивает готовить завтрак.

— Куэйд, наша девочка хочет чаю. Не мог бы ты приготовить ей кружку? — Картер подмигивает мне, придвигая стул, чтобы я села, а затем садится рядом со мной.

— Конечно. Ромашка, подойдет? — Спрашивает Куэйд, пытаясь звучать оптимистично, но его голос такой же напряженный, как и мой собственный.

Я чувствую, как пальцы Логана нежно перебирают мои волосы, когда он стоит позади меня, и на долю секунды я почти поддаюсь его прикосновениям, желая закрыть глаза и прислониться к нему, просто чтобы насладиться его заботой. Однако я сопротивляюсь соблазнительной мысли. Без сомнения, я просто закончу тем, что еще немного поплачу и снова окажусь запертой в своей комнате, задаваясь вопросом, что я такого сделала, что так разозлила карму, что она решила разрушить каждую крупицу моей радости.

— Хочешь, я приготовлю тосты? — Спрашивает Куэйд, расставляя для Логана и Картера две тарелки с блинчиками и беконом. Я отрицательно качаю головой, от запаха еды у меня мгновенно появляется тошнота.

Я минуту смотрю на своего зеленоглазого мальчика, когда он протягивает мне кружку с чаем, но затем отвожу взгляд, предпочитая вид на наш задний двор вместо его величественного лица.

Больно смотреть на Куэйда.

Я вижу все свои страдания, отражающиеся в его нежных глазах, хотя он изо всех сил старается не показывать этого. Я знаю, что Логан и Картер страдают вместе со мной, или, точнее, за меня. Куэйд, однако, не только разделяет мою боль, он переживает свою собственную. Куэйд любил моего отца так же сильно, как и я. Логан и Картер заботились о нем, испытывали к нему огромное уважение, возможно, в какой-то степени даже считали его членом семьи.

Но Куэйд?

Куэйд потерял отца так же, как и я.

— Я вижу, ты приняла душ, — заявляет Логан, все еще накручивая пальцем прядь волос.

Я киваю, мне все еще трудно произносить слова. Куэйд наливает в мою кружку приготовленный им ромашковый чай, и я хватаюсь за нее обеими руками. Может быть, сейчас разгар лета, но все равно этот горячий напиток, именно то, что мне нужно. Я потягиваю его, мой взгляд все еще устремлен наружу, пока все трое мальчиков доедают.

— Хочешь что-нибудь сделать сегодня? — Спрашивает Картер, его широкая фигура прислоняется к раковине после того, как он поставил в нее пустую тарелку.

Я качаю головой.

— Даже не выйдешь на прогулку? На улице так красиво.

— Что? — Мямлю я, не в состоянии увидеть красоту, о которой он говорит.

Я знаю, что ярко светит солнце, и я слышу счастливое щебетание птиц вдали, но я не замечаю никакой красоты вообще. Я оцепенела от всего этого и беспокоюсь, что никогда больше не смогу чувствовать.

— Что ты будешь делать, Валентина? — Спрашивает Логан.

— Я пока не знаю. Я не думала так далеко вперед. Прямо сейчас все, чего я хочу, это допить свой чай. Так нормально?

Картер подходит ко мне, прижимается губами к моему виску, и снова успокаивающий бальзам, кажется, берет верх, пусть и всего на секунду.

— Как насчет того, чтобы пойти во двор и допить чай? — Вмешивается Логан, сжимая мою руку рядом со мной и посылая мне то, что стало редкой улыбкой.

— Конечно, — отвечаю я, пытаясь поделиться с ним своей, но получается неловко.

Логан сжимает мою руку своей, поднимая меня со стула, в то время как Картер берет мою кружку, чтобы вынести на улицу. Прежде чем подойти к кухонной двери, я оглядываюсь через плечо и вижу, что Куэйд все еще стоит как вкопанный.

— Разве ты не хочешь выйти?

Он качает головой, его глаза прикованы к полу, он сжимает руками кухонное полотенце.

— Нет, я просто уберу здесь.

Я не подталкиваю его к этому, зная причину его нежелания. Папа и Куэйд постоянно возились на нашем заднем дворе. Они либо перебрасывались мячом друг с другом, либо играли в карты и рассказывали анекдоты. Однажды я даже слышала, как они говорили о птицах и пчелах. В то время мне было пятнадцать, и я была подавлена тем, что мой отец говорил о сексе с моим парнем. По крайней мере, я видела его таким. Таким я видела их всех. Затем, по прошествии времени, я увидела, какой сладкой была их связь. Однако теперь я знаю, что в этом дворе останутся только воспоминания, которые никто из них больше никогда не переживет. Боль проникает в мое сердце, как будто ее душит всемогущий кулак.

Я так по нему скучаю.

— Вэл? Ты в порядке? — Шепчет Логан рядом со мной, придвигая мне шезлонг, чтобы я села.

Я вытираю заблудшую слезу, которая скатывается по моей щеке, и кротко киваю.

Я в порядке? Нет.

Я никогда больше не буду в порядке. Но я знаю своего отца. Он был бы в ярости, если бы я не встала и не поборола свою печаль. Мне больно начинать новую жизнь без него, но я молюсь, чтобы с каждым днем я училась справляться с этим. Где бы он ни был, я надеюсь, что смогу продолжать заставлять его гордиться мной. Я откидываюсь на спинку стула и просто позволяю солнцу целовать мое лицо. Я не выходила на улицу неделями, и ощущение

теплых лучей на моем лице почти такое, как будто это мой отец призывает меня идти дальше. Это глупая детская идея, но в эту самую минуту я бы все отдала за то, чтобы мы вернулись в то время, когда мне было двенадцать. Когда мы впервые переехали в Сан-Антонио, думая, что наша жизнь вот-вот изменится к лучшему, но мы даже представить не могли, что уготовила нам судьба.

Мы часами сидим в тишине, Логан время от времени возвращается на кухню, чтобы налить мне еще чаю и, возможно, проверить, как там Куэйд, в то время как Картер никогда не отходит от меня. Как только полуденная жара начинает усиливаться, я говорю им, что на сегодня с меня достаточно солнца, и возвращаюсь обратно в дом.

Первое, что я замечаю, это то, что Куэйда больше нет на кухне. Мои брови хмурятся, и я обхожу весь дом в поисках его. Я не проверяю гостиную, поскольку его там точно нет. Пот стекает у меня по затылку, когда я слышу шуршание бумаг, доносящееся из коридора. Я сухо сглатываю и делаю неуверенный шаг в сторону звука. Когда я подхожу к двери кабинета моего отца, я останавливаюсь на пороге, наблюдая, как Куэйд осторожно рассматривает проекты моего отца. У него слезы на глазах, когда он смотрит на определенный рисунок.

— Куэйд? Что ты делаешь? — Спрашиваю я, заставляя его поднять голову в моем направлении.

Он вытирает слезы тыльной стороной ладони. Он пытается стоять прямо, но у него плохо получается, тяжесть горя давит на его плечи. Я подхожу к нему, чтобы посмотреть, что его так расстроило, и у меня перехватывает дыхание. Это эскиз дома, в котором я однажды сказала папе, что хотела бы когда-нибудь жить. Дом, в котором Куэйд, Логан, Картер и я могли бы состариться вместе, пока мой отец играл со своими внуками на нашем переднем дворе и рассказывал им о том, как мы все появились на свет. Это был глупый сон, рассказанный увлеченным звездами подростком, но моему отцу так понравился дом мечты, что он, без моего ведома, нарисовал его. Я понятия не имела, что Куэйд знал о его существовании, но опять же, их связь была такой же сильной, как и моя.

— Я всегда мечтала, что это будет близко к воде, — бормочу я.

— Я знаю, — отвечает Куэйд. — Он добавил кое-что сюда. Видишь?

Я смотрю на полоску реки, стекающую с задней части дома, и улыбаюсь, честное слово, искренней улыбкой.

— Значит, это поле прямо здесь, твоих рук дело, да?

— Детям нужно пространство, чтобы играть, — тихо произносит Куэйд, обводя пальцем обширный двор перед домом, заполненный качелями и большими деревьями, на которые можно залезть.

— Мне это нравится. Это идеально, — тихо шепчу я, кладя голову ему на плечо.

Логан и Картер подходят к нам ближе, их собственное любопытство расцветает. Логан хихикает, когда видит игровую комнату.

— Он знал, что тебе понадобится мужская пещера, в которую можно время от времени уединяться, — отвечаю я на его безмолвный вопрос, а затем указываю на другое отделение дома. — И он знал, что тебе понадобится достаточно большая темная комната и студия для работы, — объясняю я, указывая на разделение, которое мой отец разработал для Картера.

У меня болит сердце, когда я смотрю на грандиозный дизайн дома, которого у меня никогда не будет, по крайней мере, такого, как этот. В каждом штрихе я вижу отпечаток моего отца, и ни в одном другом доме такого не могло быть, кроме этого. Он должен был разделить мою жизнь со мной и мальчиками, и теперь… Теперь этого никогда не

произойдет.

Кислород начинает покидать мои легкие, и я борюсь за вдох.

— Я ... я не могу. — Я начинаю заикаться. — Я просто не могу.

Я выбегаю из комнаты и поднимаюсь по лестнице в свою спальню и свое убежище. Логан, Картер и Куэйд входят в мою комнату взволнованные, боль искажает их прекрасные черты.

— Валентина, что случилось? — Картер подбегает, обхватывая мое лицо своими сильными руками.

— Я не могу дышать. Я просто не могу! — Говорю я в панике, чувствуя, как весь мир рушится вокруг меня.

У меня истерика и мне больно, и я не вижу конца темного туннеля, как бы я ни старалась. Мою грудь начинает сжимать, а легкие отказываются работать.

— Я не могу дышать. Я не могу дышать.

Моя паническая атака почти достигла апогея, когда Картер прижимается своими губами к моим, оглушая меня тишиной.

— Дыши мной, — шепчет он мне в рот.

Когда он видит, что его поцелуй способен уменьшить боль моего разбитого сердца, он идет за другим. Этот поцелуй кажется более величественным, чем все те, что он дарил мне раньше. Это молитва и прошение вернуться к нему, ко всем им. Пока мои глаза сканируют его красивое лицо, Картер поворачивает меня к Логану, который наклоняется, чтобы подарить свой собственный трансцендентный поцелуй.

— Дыши нами, Вэл. Дыши нами, — шепчет Логан, прикусывая мою нижнюю губу, прежде чем его язык полностью овладевает моим.

Я затаила дыхание и не в себе, когда Логан передает меня в дрожащие руки Куэйда. Он ничего не говорит, но его слезы и душевная боль говорят сами за себя. Его губы приоткрываются для моих, и я держусь за его затылок, наслаждаясь его теплым языком у себя во рту. Я теряюсь в этом поцелуе, когда чувствую, как другая пара губ целует мою шею. Логан все еще рядом со мной, поклоняется мне, пока наши с Куэйдом языки борются друг с другом.

Я хватаю ртом воздух, когда Куэйд начинает целовать впадинку у меня на шее. Мой взгляд переходит на Картера, который сейчас сидит на краю моей кровати, его глаза наполнены похотью и любовью. Мой взгляд падает на его руки, и я вижу, как ему больно держать в них свою верную камеру, чтобы он мог запечатлеть этот момент.

Когда рот Куэйда находит одну тяжелую грудь, я вскрикиваю, заставляя Картера потереть ладонью его твердую длину. Руки Логана обхватывают мои ягодицы, пока он продолжает покрывать легкими поцелуями всю мою шею, оборачивая мои волосы вокруг своего запястья и откидывая мою голову назад, чтобы я могла поцеловать его.

— Дыши нами, Вэл. Точно так же, как ты сама кислород, который нам нужен, чтобы чувствовать себя живыми, позволь нам быть твоим, — произносит он, прижимаясь своими губами к моим.

Его первый поцелуй был сладким и нежным, но этот удушающий. Он поглощает все мои крики и стоны. Я чувствую, как мое тело откликается на каждое их прикосновение, мой взгляд прикован к пылающему взгляду Картера.

— Сними с нее рубашку, — приказывает Картер, как будто он здесь главный. И, судя по тому, как Логан и Куэйд подчиняются, возможно, он всегда был таким.

Куэйд задирает мою рубашку спереди, пока Логан делает то же самое сзади. Они стаскивают одежду с моей головы и бросают на пол, обнажая мою грудь. Картер облизывает губы, и я чувствую это на своей горящей коже.

— Теперь ее шорты, — командует он, и Куэйд послушно выполняет все его приказы.

Я тяжело сглатываю, когда чувствую, как его язык путешествует по моему пупку, как раз перед тем, как он стягивает мои шорты и трусики с моих дрожащих ног. Эрекция Логана прижимается к моей заднице, выпуклость в его джинсах трется о мою обнаженную плоть, создавая восхитительное трение, которое только разжигает мое желание.

— Попробуй ее, Куэйд. Расскажи нам, какая она сладкая, — стонет Картер, расстегивая джинсы и вытаскивая свой твердый член.

Я стону от этого зрелища, моя голова откидывается на плечо Логана, когда его руки начинают играть с моими сосками, в то время как Куэйд опускается на колени. Куэйд делает один длинный полный круг, и я извиваюсь в объятиях Логана.

— Ах!

— Держи ее неподвижно, Логан! — Требует Картер, отчего мои колени хотят подогнуться.

Куэйд, должно быть, чувствует мое надвигающееся падение и перекидывает одну ногу через плечо, пока ест меня. Его язык ласкает мои складочки, и я вскрикиваю от мучительного экстаза.

— О боже, — стону я, прежде чем Логан поворачивает мою голову в его сторону и заглушает мои крики своим поцелуем.

Я чувствую, что иду над пропастью, мои ногти впиваются в плечи Куэйда, когда он продолжает свою безжалостную атаку.

— Тебе нравится это, детка? Тебе нравится, когда Куэйд ест тебя? — Шепчет Логан мне на ухо, отчего мне становится еще жарче.

Я прикусываю язык, чтобы не разрыдаться, но это бесполезно, поскольку все мои чувства на пределе. Куэйд продолжает играть с моим чувствительным клитором своим языком, следуя каждой инструкции Картера, в то время как Логан мучает меня, дразня мою грудь, пока его язык трахает мой рот. Я так близко, что мне кажется, я вот-вот вспыхну и спалю весь этот дом дотла.

Когда Логан ущипнул один из моих сосков, шлепнув меня по ягодице, в то же время Куэйд ввел в меня свои пальцы, я упала. Я падаю и падаю через край, выкрикивая при этом их имена. Мои веки закрываются сами по себе, слишком тяжелые, чтобы держать их открытыми после этого внеземного опыта.

— Мы с тобой еще не закончили, Валентина. Иди сюда, — командует Картер, и Логан на слабых ногах подводит меня к нему. Мои колени опускаются на меблированный пол, и он убирает волосы с моего лица, чтобы жестоко поцеловать. После этого я мокрая и голодная. Уверенными руками я хватаюсь за основание его члена, и он падает на кровать, опираясь на локти, пока я смотрю глубоко в его темные глаза.

— Возьми меня в рот, — приказывает он, и я именно это и делаю. Я начинаю облизывать его грибовидную головку, чувствуя, как соленая предварительная сперма покрывает мои вкусовые рецепторы, и я засасываю его в рот. Ощущение его тела освобождает. Я обхватываю губами его ствол и расслабляю горло настолько, насколько могу, чтобы иметь возможность вобрать в себя все его твердые сантиметры.

— Черт, — слышу я бормотание Логана, и боковым зрением вижу, как он поглаживает

свой член, одновременно пытаясь полностью раздеться. Шелест одежды позади меня с другой стороны говорит мне, что Куэйд делает то же самое. Мои веки закрываются, наслаждаясь тем, как я заставляю их вожделеть меня, даже когда я прикасаюсь только к одному из них.

Взгляд Картера наглый и наполненный тоской, когда он садится обратно и убирает мои волосы в импровизированный хвост, чтобы он мог направлять мои движения. Его член начинает сочиться на кончике моего языка, и я могу сказать, что он близок к оргазму.

— Я никогда не видел ничего более прекрасного, — шепчет он мне на ухо, пока моя голова качается вверх-вниз, мое нутро наполняется желанием.

Когда он, наконец, теряет всякий контроль, я напеваю, касаясь его разгоряченной кожи, упиваясь им. Я отстраняюсь, облизывая губы, и он набрасывается на меня со всей силой, его поцелуй доминирующий и непреклонный. Он поднимает меня и бросает на кровать, не торопясь целуя каждую частичку меня. Я чувствую, как кровать сдвигается с боков, Логан и Куэйд окружают меня. Картер опускается на колени и сдвигает меня в сторону, моя киска соприкасается с набухшим стволом Куэйда.

— Заставь ее увидеть рай, — приказывает Картер, за несколько секунд до того, как Куэйд приклеивается губами к моим.

Здравый смысл и логика полностью покинули меня. В ограничениях этой комнаты нет места отчаянию или печали. Только желание, и прямо сейчас это все, что я хочу чувствовать.

— Детка, ты уверена, что хочешь это сделать? — Слышу я, как Логан спрашивает у меня за спиной, целуя мое обнаженное плечо.

Да, Боже, да!

— Пожалуйста, — умоляю я, поворачивая голову через плечо, чтобы он мог видеть, как сильно я этого хочу.

— Не торопись, Куэйд, — предупреждает Логан, прежде чем я чувствую, как он направляет свой ствол на мою щелку.

— Если это станет слишком, мы остановимся, — мягко говорит Куэйд, его руки путешествуют вверх и вниз по моему телу.

— Я просто хочу снова дышать. Просто любите меня. Пожалуйста.

Он кивает, и я чувствую, как у меня защемляет сердце.

— Медленно, — слышу я, как Картер предупреждает над нами, но я бы предпочла быстро и жестко прямо сейчас. Физическая боль ничто по сравнению с тем, что я чувствую последние несколько недель. Я цепляюсь за плечи Куэйда, мои ногти оставляют на его загорелой коже великолепные полумесяцы. Он шипит, когда его налитая головка проникает через мой узкий вход.

— Я должен действовать медленно, — говорит он, но напряжение в его голосе говорит мне, что он хочет заполнить меня и растянуть так же сильно, как я хочу, чтобы он это сделал. Зная, что со мной будут обращаться как с драгоценным фарфором, я хватаю Куэйда за ягодицы обеими руками и одним махом толкаю его в себя.

— Черт! — Кричит он, когда я морщусь от боли. Но это восхитительно. — Зачем ты это сделала, Вэл? — Жалуется он, его лицо искажено одновременно восторгом и беспокойством. Но сейчас он не может усидеть на месте. Не тогда, когда это так приятно, толкаться во мне в быстром темпе.

Я прислоняюсь головой к Логану.

— Ты мне тоже нужен, — говорю я ему.

— Нет, — с болью отвечает он.

— Пожалуйста, Логан. Ты мне нужен, — умоляю я, переходя на стон, поскольку боли больше нет, а внутри меня горит только глубокий огонь. — Пожалуйста, — снова умоляю я, но, когда я вижу, что он не сдвинулся с места, я смотрю на мужчину, который стоит на коленях, снова баюкая свой большой член в руках.

— Скажи ему. Заставь его. Для меня, Картер.

Его грудь вздымается вверх и опускается, а затем он быстро встает с кровати. Я вижу, как он бросает Логану мой лосьон для рук с туалетного столика, прежде чем вернуться на свое место над нами.

— Ты нужен ей, так что будь мужиком нахуй!

Логан кусает меня за плечо, щедро поливая свой член лосьоном. Затем я чувствую, как его головка трется о мою спину, мощные толчки Куэйда не оставляют ему места.

— Ты уверена?

— Да!

Я чувствую себя влажнее, чем когда-либо, при мысли о том, что они оба будут внутри меня, и, если этого не произойдет, я могу заплакать от разочарования. Куэйд не сдается, наклоняя голову ровно настолько, чтобы впиться зубами в мою грудь. Логан продолжает впиваться зубами в мою плоть, скользя очень медленно. В отличие от того, что я делала с Куэйдом, я позволяю Логану не торопиться, зная, что он делает все, что в его силах, чтобы не причинить мне боль, когда он входит в меня сзади. Я чувствую укол, когда он прорывается за точку невозврата, громкий вопль срывается с моих губ. Последние несколько недель я не чувствовала ничего, кроме пустоты. Пустая оболочка самой себя.

Но теперь?

Теперь я наполнена светом. Тем, который обещает мне, что все будет хорошо. Пока со мной любовь всей моей жизни, любящие меня мужчины, поклоняющиеся мне, у меня есть надежда.

— Черт, — ворчит Картер, наблюдая, как моим телом овладевают двое его лучших друзей.

Капли пота Логана падают мне на плечо, когда он напряженно придерживается своего медленного темпа, в то время как Куэйд, кажется, хочет вытрахать печаль из нас обоих.

Этого слишком много и одновременно недостаточно.

Мои глаза натыкаются на темные омуты Картера, его голодный взгляд не отрывается от моего, и это то, что меня подводит. Мой оргазм разбивает меня на три части, каждый неровный край идеально обрезан, чтобы передать его каждому из них. Куэйд рычит, отстраняясь, его сперма брызжет мне в живот, в то время как Логан кричит, заполняя мое тело своим. Я все еще танцую среди звезд, когда Картер держит меня за лодыжки, притягивает к себе и одним махом входит в меня.

— Ах!

— Это то, чего ты хотела? Достаточно ли это идеально для тебя? — Шепчет он мне на ухо, проникая в мое тело, в мое сердце, в саму мою душу.

Я хватаюсь за его темные волосы, притягивая его лицо к своему.

— Да.

Он закрывает глаза, его висок целует мой, возвращая мне жизнь.

— Я чертовски люблю тебя, — рычит он.

— Я тоже, — признаюсь я, и слезы радости текут из уголков моих глаз.

Картер ждет, когда я снова поднимусь над пропастью, и яростно сжимает меня в своих объятиях, когда я срываюсь, он готов следовать за мной, даже больше, на край Света.

Спустившись с небес, я смотрю на мужчину, сидящего надо мной, и любовь плавает в его темных глазах. Я поворачиваюсь налево, чтобы увидеть то же поклонение в голубых глазах Логана, а затем направо, где зеленые глаза улыбаются мне в ответ, искрясь той же надеждой, которую чувствую я.

Теперь я цела.

ГЛАВА 15
ТОГДА
ВАЛЕНТИНА

— Доброе утро, красавица, — слышу я чей-то тихий шепот, слабое прикосновение к моей щеке, пытающееся вывести меня из дремоты.

Я протираю глаза, прогоняя сон, но мне все равно требуется время, чтобы сосредоточиться на том, кто пытается меня разбудить. Конечно, в тот момент, когда я вижу кристально-голубые глаза Логана, широкая улыбка растягивает мои губы, мои веки снова закрываются, чтобы насладиться его нежными прикосновениями.

— Хм, — томно бормочу я, наслаждаясь нежными словами Логана и ощущением твердого тела, прижавшегося ко мне сзади.

Даже во сне Куэйд крепко сжимает меня за талию, всегда стараясь держать меня как можно ближе к себе. Его тепло, добавленное к нежному дыханию Картера рядом с ним, согревает меня изнутри.

Эти последние недели были худшими за всю мою жизнь, и все же, несмотря на каждую пролитую мной слезу, все три мальчика делали все, что в их силах, чтобы одарить меня только любовью и привязанностью. Подобно наркоманке, я стала зависеть от их любви и позволила ей облегчить боль, которую я испытываю из-за того, что папы больше нет рядом. Каждый раз, когда я погружаюсь в свое горе, они напоминают мне, что в моей жизни все еще есть любовь. Те самые родственные души, о которых всегда говорил папа.

Даже несмотря на то, что он ушел, его слова все еще звучат у меня в ушах, нашептывая мне, как мне повезло, и я не должна принимать ни единого мгновения этого как должное. И после этих выходных, когда мы вручили друг другу наши тела и души, я клянусь ценить каждую секунду, проведенную в их объятиях.

— Детка, тебе нужно встать, — Логан прерывает мои размышления, проводя большим пальцем по моей нижней губе.

— Я бы предпочла, чтобы ты вместо этого лег в постель, — мяукаю я, кончиком языка дразня подушечку его пальца.

— Как бы мне этого не хотелось, сейчас не время. У тебя внизу посетитель.

— Посетитель? — Спрашиваю я в замешательстве, мои веки широко открываются, чтобы уловить несчастное выражение лица Логана.

— Кто вообще может быть здесь в такой час? — Спрашиваю я, доставая свой телефон с прикроватного столика и проверяя, что еще даже не восемь утра.

— Она не представилась, но у меня такое чувство, что это твоя мать.

Это слово, произнесенное им, заставляет меня окончательно проснуться. Как будто на меня вылили ведро ледяной воды, все мои чувства находятся в состоянии повышенной готовности, поднимая мое тело в вертикальное положение в постели, как будто я готова к битве.

— Моя мать? Ты уверен?

— Как я уже сказал, она не представилась, но ей действительно не нужно было этого делать, Вэл. Она - твой идеальный образ.

— Я совсем на нее не похожа, — обиженно огрызаюсь я, спрыгивая с кровати.

— Ты хочешь, чтобы я спустился вниз и сказал ей, что ты не хочешь ее видеть? — Спрашивает он, протягивая мне мой шелковый розовый халат с застенчивым выражением в глазах, и именно тогда я понимаю, что совершенно голая.

— Нет. Я скажу ей сама, — презрительно отвечаю я, в спешке надевая халат, готовая вышвырнуть свою мать из этого дома и убедиться, что несчастная женщина никогда не вернется.

Как она посмела прийти сейчас?

Прошел целый месяц после смерти единственного родителя, который когда-либо любил меня. Как она, блядь, смеет? Я просто добавляю ее отстойное время в список бесконечных вещей, которые я ненавижу в этой женщине.

Сбегая по лестнице, я злюсь еще больше, когда обнаруживаю, что она чувствует себя как дома в нашей гостиной, вместо того чтобы оставаться в фойе, где, я уверена, Логан попросил ее остаться. Она стоит ко мне спиной, так что она еще не осознала моего присутствия, давая мне время оценить незнакомку передо мной.

Моя мама одета с ног до головы в элегантную одежду от кутюр. В черной юбке-карандаше и красной шелковой блузке она выглядит такой же утонченной и холодной, как мои воспоминания о ней. Воспоминания о ее любимой красной помаде всплывают в моем сознании. Как она разозлилась, когда однажды я взяла ее. В то время мне, должно быть, было всего пять лет, но я до сих пор помню, как она трепала меня языком за то, что я рылась в ее вещах.

Она продолжает прогуливаться по гостиной и останавливается только для того, чтобы взять мою фотографию с папой с одной из верхних полок. Она тратит целую минуту, прежде чем вернуть ее на место. Я не знаю, из-за того, что она окружена моими самыми дорогими воспоминаниями, или из-за того, что она заставила меня войти в эту комнату, которой, как я поклялась, больше не существовало, но мой гнев из-за ее присутствия здесь возрастает в десять раз. Именно тогда она оборачивается и видит меня. Теперь, лицом к лицу, я вижу, что моя мать нисколько не постарела. Она все так же прекрасна, как в тот день, когда собрала свои вещи и бросила моего отца и меня.

— Валентина, — произносит она с грустной кривой усмешкой на своих фирменных красных губах.

— Эдриен, -— холодно парирую я, отказываясь признавать ее своей матерью.

— Боже, как ты выросла, — продолжает она на этот раз, имея наглость подойти ко мне.

Я вытягиваю руку, молча говоря ей не подходить ближе. Боже упаси ее от попыток обнять меня или любого другого материнского порыва, который она хочет выдумать.

— Что ты делаешь в моем доме, Эдриен?

Ее плечи опускаются, как и улыбка на лице.

— Разве мать не может навестить собственную дочь?

— Да, мать могла бы. Но я не вижу никого похожего на нее в этой комнате. А ты?

— Думаю, я это заслужила, — бормочет она себе под нос.

— Ой, даже не начинай рассказывать мне о том, чего ты заслуживаешь, — огрызаюсь я в ответ, сжимая руки в кулаки.

— Я вижу, ты все еще придерживаешься своего неуправляемого характера. Даже когда ты была маленькой девочкой, в тебе всегда было так много огня.

— Если ты пришла вспомнить старые добрые времена, позволь мне остановить тебя прямо здесь. Их не было, даже когда ты была частью моей жизни. Если это причина, которая привела тебя в мой дом, то не позволяй двери ударить тебя по заднице на выходе.

— Я узнала о кончине твоего отца. Я пришла засвидетельствовать свое почтение, — тихо отвечает она, полностью игнорируя мое неуважительное замечание.

Я, однако, не способна сохранять хладнокровие. Особенно учитывая, что она здесь, чтобы отдать дань уважения мужчине, который ей был совершенно безразличен.

— Считай, что засвидетельствовала. Теперь можешь уходить, — строго упрекаю я, указывая на дверь.

— Валентина, пожалуйста, не будь такой сложной. Я действительно хочу поговорить с тобой.

— И я не хочу слышать ни слова из того, что ты хочешь сказать. Не тогда, когда ты стоишь в той самой комнате, где умер мой любимый отец! — Выпаливаю я, все мое тело сильно дрожит.

Следует долгая неловкая пауза, но, к счастью, она мне нужна, чтобы вернуть самообладание.

— Я не хочу, добавлять еще больше горя в твою жизнь, но я все еще хочу, чтобы мы поговорили.

Я опускаю глаза в пол, и она принимает мое молчание за разрешение продолжать.

— Эрик когда-нибудь говорил тебе, что я вышла замуж несколько лет назад?

Я не могу сдержать насмешку, которая вырывается из меня, когда я снова фиксирую на ней свой тяжелый взгляд.

— Поздравляю. Хотя я не понимаю, почему мне это должно быть интересно.

— Это так. Видишь ли…у тебя есть сестра Валентина. Сейчас ей четыре, и я была бы очень рада, если бы ты смогла с ней познакомиться.

Я не думала, что моя мать могла причинить мне боль больше, чем она уже делала в прошлом, но каким-то образом ей это удалось.

— А-а сестра? — В ужасе я заикаюсь.

— Да, — отвечает моя мама с блеском в своих насыщенных шоколадно-карих глазах. — Ее зовут Кара.

— И ей четыре? — Глупо переспрашиваю я.

— Да. — Она кивает с гордой улыбкой на лице.

Эта женщина реальна?!

После восьми лет отсутствия каких бы то ни было контактов, ни единого чертового слова или даже поздравительной открытки, она решила сейчас скинуть на меня эту бомбу?

Я имею в виду, кто так делает?

Моя мать, вот кто.

Это официально. Женщина либо психопатка, либо настолько зациклена на себе, что понятия не имеет, как больно слышать ее признание в том, что она просто жила своей обычной жизнью после того, как ушла от нас. Особенно учитывая, что я только что потеряла единственного родителя, которому на самом деле было на меня не насрать.

— Насколько я понимаю, у тебя было четыре года, чтобы рассказать мне о ее существовании. С чего вдруг такая спешка сейчас? — Мне удается сказать, гордясь тем, что мой голос звучит четко и арктически, а не обиженно.

— Вэл, ты можешь ненавидеть меня. И у тебя есть для этого веские причины, но не обвиняй невинного ребенка в моих недостатках.

— Как ты узнала, что папа мертв? — Спрашиваю я вместо того, чтобы придерживаться текущей темы.

Я бы говорила о чем угодно, лишь бы избежать этой душевной боли, даже если это означает призвать другую.

— Мы с твоим отцом продолжали переписываться по электронной почте раз в месяц после того, как развелись. Он знал, что ты еще не была готова установить со мной контакт, но он хотел, чтобы я наблюдала за твоим взрослением, пусть издалека, и только на фотографиях и видео. Он всегда был таким добрым. Он никогда не держал зла долго. — Задумчиво говорит она, но все, что я чувствую, это предательство из-за того, что мой отец давал этой женщине знать о моем благополучии.

Она не заслуживала ни капли его милосердия. Но она права. Мой отец никогда ни к кому не питал ненависти в своем сердце. У меня, с другой стороны, ее в избытке.

— В прошлом месяце, когда он не связался со мной, я забеспокоилась, — продолжает она. — Поскольку у нас все еще были общие друзья в Детройте, я связалась со всеми, с кем могла, чтобы узнать, все ли у вас обоих в порядке. Но, думаю, я опоздала. Мне жаль, что я не смогла приехать вовремя на похороны, — заявляет она, и это звучит на самом деле извиняющимся тоном.

— А мне нет. Поверь мне, твое отсутствие не ощущалось.

— Может быть, это и так, но мне все равно жаль, что меня там не было. С тобой должна была быть семья.

— У меня есть моя семья, — огрызаюсь я, мой позвоночник внезапно выпрямляется, когда я противостою ей.

— Да, я вижу, — размышляет она, глядя мне за спину.

Я бросаю взгляд через плечо и вижу, что Логан стоит на пороге нашей гостиной. Должно быть, он был там все это время, желая убедиться, что будет рядом на случай, если он мне понадобится. Я хочу улыбнуться его заботе обо мне, но присутствие моей матери лишает меня любых теплых чувств, которые я могу испытывать.

— Я буду в городе следующие пару дней, и я хотела спросить, не хотела бы ты пообедать со мной. Может быть, завтра, когда ты не будешь так занята, — добавляет она, рассматривая мой халат до колен и растрепанные волосы Логана.

Если она пытается получить представление о моей жизни такой, какая она есть сейчас, мое лицо ничего не выдает.

— Я остаюсь до пятницы. Я была бы рада, если бы ты смогла приехать и, возможно, познакомиться с Карой, если ты готова к этому.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки при упоминании имени моей младшей

сестры.

— Хорошо, — уныло бормочет она, ее глаза устремлены на мое лицо, ожидая, что я скажу что-нибудь в ответ. Когда она понимает, что я сказала все, что должна была ей сказать, она признает этот ужасный визит поражением. — Думаю, я сейчас уйду, но я действительно надеюсь, что ты передумаешь, Валентина. Я знаю, что не была матерью, которой ты заслуживала, но я бы хотела, чтобы мы узнали друг друга получше. Может быть, даже стали друзьями. Я не буду просить о большем, чем это.

— Ты вообще не должна ничего просить. Ты потеряла это право много лет назад.

— Я знаю, но это все равно не удержит меня от вопросов. — Она пожимает плечами со смущенной улыбкой.

Она начинает проходить мимо меня, но замедляет шаг, оказавшись со мной плечом к плечу, как будто хочет протянуть руку и прикоснуться ко мне. Я отворачиваюсь от нее на случай, если желание сделать это возрастет. Принимая мой молчаливый упрек, она продолжает проходить мимо меня и останавливается только тогда, когда доходит до Логана.

— Ты парень Вэл?

— Да, — невозмутимо отвечает он тем же холодным тоном, который я использовала по отношению к ней.

— Я так и думала. Спасибо, что был здесь ради моей дочери. Я уверена, что она так же благодарна, как и я.

Она подходит к двери и открывает ее, но прежде, чем сделать следующий шаг, она оборачивается, чтобы сказать что-то еще. Именно в этот момент Куэйд решает спуститься по лестнице в своих спортивных штанах и ни в чем другом. Она в замешательстве хмурит брови, переводя взгляд на Логана, а затем снова на меня. Куэйд останавливается как вкопанный и скрещивает свои мускулистые руки на груди, ожидая, что она что-нибудь скажет.

Она этого не делает.

Она просто выходит за дверь, ее губы сжаты в тонкую линию, не произнося больше ни слова. Когда дверь наконец закрывается, все мое тело начинает дрожать. Логан бросается в мою сторону с рекордной скоростью.

— Детка, ты в порядке? — С любовью шепчет Логан, успокаивающе проводя рукой по моим волосам.

Я киваю, что да, но мое дрожащее тело не соглашается.

— Это была та, о ком я думаю? — Спрашивает Куэйд, подходя ближе ко мне.

— Хм. Это была моя мать.

— Господи. Как ты держишься, детка?

— Как будто кто-то только что вонзил нож в мое сердце и провернул его. — Притворно смеюсь я.

— Звучит так, будто это чертовски больно, — беззаботно отвечает Куэйд, и я хихикаю над его попыткой поднять настроение.

— Она сказала мне, что у меня есть сестра.

— Я слышал, — говорит Логан. — Ты хочешь с ней познакомиться?

— Вы бы стали думать обо мне хуже, если бы я сказал, что да?

— Нет. Это понятно. То, что твоя мама была первоклассной стервой, бросившей тебя и твоего отца в тяжелые времена, не означает, что ты можешь так же легко отключиться от своих чувств, когда дело касается младшей сестры, о существовании которой ты даже не подозревала.

— Она просто жила своей жизнью. Даже не думая обо мне вообще. Каре четыре. Четыре года, она могла бы сказать мне, обратиться ко мне. Что-нибудь.

— Очевидно, она сделала это через твоего отца. Может быть, они оба думали, что ты не готова к ее возвращению в твою жизнь. Пока твои раны все еще были такими свежими.

— Ты защищаешь ее? — Спрашиваю я Логана, игнорируя, что он только что посадил моего отца и ее в одну и ту же метафорическую лодку для сговора.

— Нет, Вэл. Я просто пытаюсь увидеть обе стороны ради твоего блага. Прямо сейчас тебе слишком больно, и я не хочу, чтобы ты принимала решение, о котором можешь пожалеть в будущем. — Он целует меня в висок, когда Куэйд сжимает мою руку в своей.

Картер заходит в гостиную и видит наши несчастные выражения лиц, не понимая, почему мы вообще находимся в этой комнате.

— Что я пропустил?

С чего мне начать?

Мои руки никогда не были такими липкими. Я пытаюсь вытереть их о платье, но передумываю, так как не хочу испортить его, оставив пятно. Когда я позвонила Эдриен ранее этим утром и сказала, что хотела бы познакомиться с Карой, она сказала, что они собираются в зоопарк и что я должна пойти с ними. Семейная прогулка вызвала у меня тошноту, но я все равно согласилась. Либо нездоровое любопытство подтолкнуло меня прийти сюда, либо глубоко укоренившаяся потребность в том, чтобы эта женщина, которая повернулась ко мне спиной, полюбила меня.

Когда я прихожу туда, Эдриен представляет меня как своего старого друга моей светловолосой, голубоглазой младшей сестре. Я не поправляю ее, но мое сердце сжимается от безличного приветствия. Кара держится за руку своего отца, в ее глазах светится любопытство, когда она задает мне вопрос за вопросом со своим милым британским акцентом.

— Тебе нравятся обезьяны?

— Ты когда-нибудь видела жирафа вблизи?

— Знаешь ли ты, что слоновьи бивни на самом деле являются зубами?

Ее волнение от посещения зоопарка затмевает тот факт, что она встречает меня впервые, но я на самом деле благодарна за это, поскольку это уменьшает неловкость всей этой прогулки.

В отличие от меня, Кара нисколько не похожа на мою мать. Она унаследовала все черты от второго мужа моей матери, Лиама Доэрти. Несмотря на то, что его светлые волосы и еще более светлые глаза являются полной противоположностью моему отцу, мое скорбящее сердце не может не составить список всех их сходств. Точно так же, как папа был со мной, Лиам терпелив с Карой, сажая ее к себе на плечи, когда она слишком устает, чтобы гулять по зоопарку, но не настолько, чтобы захотеть на этом закончить. Он с улыбкой отвечает на каждый ее любопытный вопрос, в то время как мы с мамой плетемся позади, не говоря друг

другу ни слова. Время от времени он оглядывается через плечо, чтобы посмотреть, как у нас идут дела, беспокойство омрачает его черты.

Когда приближается полдень, он спрашивает, не хочу ли я присоединиться к ним за ланчем, на что я, к удивлению, соглашаюсь. К сожалению, я действительно жалею, что сделала это. Наблюдая, как моя мать лепечет перед Карой, ведя себя как преданная мать, которой она никогда не была со мной, у меня сводит живот. В ту минуту, когда обед заканчивается и они заказывают десерт, я вежливо объясняю, что забыла, что мне нужно быть в другом месте, одновременно отправляя сообщение мальчикам из-под стола, чтобы они приехали забрать меня. К моему ужасу, моя мама предлагает прогуляться со мной до парковки, в то время как Кара и Лиам остаются в ресторане.

Мой желудок скручивается в узел, я надеюсь, что она не захочет поговорить по душам теперь, когда мы одни. Но моя мама никогда не делала ничего из того, чего я хотела, поэтому я не удивлена, когда она нарушает молчание.

— Твой отец когда-нибудь рассказывал тебе, как мы познакомились?

Я качаю головой.

— Это было на одной ужасной вечеринке, когда я училась в колледже, на которую моя соседка по комнате заставила меня пойти. Она пыталась привлечь внимание какого-нибудь спортсмена, и ей нужна была подруга-крыло, которая придала бы ей смелости поговорить с ним. Итак, я пошла, и, по-видимому, парень, на которого она положила глаз, тоже привел своего сторонника, Эрика. После той ночи мы стали неразлучны. Я все еще училась на последнем курсе, а ему оставались месяцы до выпуска, но это не помешало нам влюбиться друг в друга. К тому времени, когда я сама закончила учебу, я уже была беременна тобой, — вспоминает она с ностальгией в голосе. — Я действительно думала, что наша жизнь полна таких больших возможностей, но потом ты заболела. Ты была такой маленькой, Валентина, когда рак начал пожирать тебя. Я чувствовала себя такой беспомощной. Эрик был тем, кто держал меня на плову, пока он больше не мог этого делать, потому что ты нуждалась в нем больше. Я знаю, что с моей стороны было эгоистично требовать этого от него в первую очередь. Требовать, чтобы он был сильным ради нас обоих. Но я видела, как я двадцатилетняя застряла в больничных палатах вместо того, чтобы играть в парке с моей маленькой девочкой или ходить на свидания с моим мужем. Все это было так сложно, и я просто не могла больше этого выдержать.

— Что ж, поздравляю. Кажется, теперь у тебя идеальная семья, о которой ты всегда мечтала.

— Пожалуйста, не будь такой. Я пытаюсь объяснить, где была моя голова тогда.

— Я пришла сегодня не за твоими объяснениями, Эдриен. Я пришла встретиться со своей сестрой, потому что, в отличие от тебя, семья для меня что-то значит.

— Для меня это тоже кое-что значит.

— Неужели? Что, если бы Кара сейчас заболела? Ты бы встала на ее сторону или бросила бы ее, как бросила меня? — Огрызаюсь я, бросая на нее мрачный взгляд.

— Я больше не тот человек.

— Я тебе не верю. Люди не меняются.

— Нет, меняются. Я это сделала, и, если ты дашь мне шанс, я хотела бы это доказать. Это еще одна причина, по которой я хотела поговорить с тобой. Приезжай жить к нам в Лондон.

— Ч-что? — Я заикаюсь, мои ноги примерзли к земле.

— Я хочу, чтобы ты переехала жить к нам в Лондон, Валентина. Твоего отца больше нет, так что тебя ничто не удерживает в этом месте. Позволь мне показать тебе, как я изменилась. Доказать, что я могу быть тебе матерью. — Она смотрит на меня своими большими карими глазами, и я поражена настоящей надеждой, плавающей в них.

— Для этого немного поздновато.

— Никогда не поздно. Второй шанс, это все, о чем я прошу.

Я кусаю нижнюю губу.

— В Англии замечательные университеты, — продолжает она, тоже прикусывая уголок губы. Должно быть, я каким-то образом переняла ее нервный тик, когда была моложе, но, видя, как она это делает, я освобождаю нижнюю губу от захвата верхними зубами.

— Здесь тоже отличные, — отвечаю я, глядя вперед и заставляя себя продолжать идти.

— Я уже поговорила с Лиамом, и он согласен. И потом, если ты решишь стать частью нашей семьи, тогда я могу рассказать Каре, кто ты для нее на самом деле. С нами твоя жизнь станет намного проще.

— Что ты имеешь в виду под "проще”? — Мои брови хмурятся посередине.

— Твоя личная жизнь, во-первых, она кажется немного тревожной и ... как бы это сказать, не оскорбляя тебя ... несколько переполненной.

Я собираюсь сказать ей, что моя личная жизнь не ее дело, когда грохот мотоцикла привлекает наше внимание. Картер останавливается на тротуаре и снимает шлем, проводя рукой по своим волнистым темным локонам, чтобы укротить их, и заговорщически подмигивает мне.

— Еще один твой друг? — Спрашивает моя мама рядом со мной.

— Да.

Она поворачивается ко мне лицом.

— Я действительно надеюсь, что ты обдумаешь мое предложение, Валентина. Я думаю, что пребывание здесь принесет тебе только еще большую душевную боль, чем та, от которой ты страдаешь.

— Я привыкла к боли.

— Возможно, это и так, но зачем рисковать, если этого можно избежать?

— Потому что, столкнувшись с болью в сердце, все это стоит того, если ты делаешь это с людьми, которых любишь, Эдриен. Но ты ничего об этом не знаешь, не так ли?

Я крепко держусь за талию Картера, когда он мчится сквозь пробки, чтобы отвезти нас домой. Я чувствую, что его тело такое же напряженное, как мое, и мне интересно, слышал ли он предложение моей матери. Чувство подсказывает мне, что он не мог этого сделать, поскольку был слишком далеко, чтобы расслышать хоть слово, но все равно я не могу избавиться от ощущения, что его что-то разозлило.

— Все в порядке? — Спрашиваю я, хотя из-за сильного ветра и его шлема я не уверена, слышит ли он меня.

Все, что я получаю, это нежное пожатие моих сцепленных рук, и я принимаю это как ответ. Что бы его ни расстроило, он не хочет об этом говорить. По крайней мере, пока он за рулем. Когда мы, наконец, въезжаем на подъездную дорожку и я отстегиваюсь от него, Картер отворачивается от меня.

— Что не так?

— Ничего, — бормочет он себе под нос, берет меня за руку и ведет обратно в мой дом, стараясь скрыть свое лицо от моих любопытных глаз.

Когда мы заходим внутрь, на лестнице сидит разъяренный Логан, ожидающий нашего возвращения. Он бросается ко мне, но вместо того, чтобы поцеловать меня, как я ожидаю, он просто обхватывает мое лицо ладонями, беспокойство написано на его лице.

— Как все прошло?

— Настолько хорошо, насколько этого можно было ожидать, — объясняю я, сокрушенно пожимая плечами.

— Хм, — бормочет он, затем переводит взгляд на Картера позади меня.

Мои волосы встают дыбом от очевидного презрения.

— Я просто собираюсь заварить себе чаю, — сообщаю я им, прежде чем идти на кухню.

Я не знаю, что, но, должно быть, что-то произошло, пока я была в отъезде, встречалась со своей младшей сестрой и пыталась сблизиться с женщиной, которая всегда была для меня незнакомкой. Я отсутствовала в лучшем случае всего несколько часов, так что же могло произойти за тот небольшой промежуток времени, из-за которого они все так нервничают?

Куэйд прислоняется к кухонной раковине, его взгляд прикован к нашему заднему двору. Его лицо такое же задумчивое, как, должно быть, у меня. Картер и Логан следуют за мной по пятам, и я поворачиваю голову к ним обоим, намереваясь докопаться до сути того, что происходит.

— Что произошло, пока меня не было?

— Ничего. Даже не беспокойся об этом, — пытается успокоить Логан, проходя мимо меня и беря чайник, чтобы налить в него немного воды.

— Что-то случилось. Вы все трое выглядите сердитыми. Почему?

Куэйд издевается над этим, поворачиваясь к нам лицом, скрестив руки на своей впечатляющей груди.

— Куэйд, что не так?

— Все не так, Вэл! У меня есть два варианта для лучших друзей, которые не видят явных причин, и девушка, которая отказывается принимать решение.

— Куэйд, не начинай. Сейчас не время, — предупреждает Логан сквозь стиснутые зубы, включая плиту.

— Нет! Мне надоело держать рот на замке!

— Если тебе есть что сказать, то говори, — решительно возражаю я, чувствуя, как его гнев вибрирует по всей комнате.

— Я больше не могу этого делать, Вэл. Я пытался быть рядом с тобой, пытался дать тебе то, что тебе нужно, но это медленно съедает меня заживо.

— О чем ты говоришь?

— Господи, Вэл! Разве ты не видишь? Это, — он указывает на остальных из нас, — ненормально. Мы ненормальные, и то, что мы делаем, чертовски ненормально.

— И с каких это пор ты беспокоишься о том, что нормально? — Ругается Логан в ответ. — Перестань быть придурком и держи рот на замке.

— Нет, — внезапно добавляет Картер из-за моей спины, нарушая неловкую тишину в комнате. — Пусть Куэйд скажет свое слово.

— Картер, — начинает шипеть Логан, раздраженно проводя пальцами по своим светлым волосам. — Не начинай это дерьмо еще и ты сейчас.

Раздается свисток чайника, и я подхожу к нему, чтобы выключить конфорку, поскольку Картер и Логан решили устроить состязание в гляделки. Как только с этим покончено, я оборачиваюсь и сталкиваюсь с горьким негодованием на всех их лицах.

— Кто-нибудь, пожалуйста, объяснит мне, что происходит?

— Должен ли я сказать ей, или ты хочешь оказать честь? — Картер оборачивается к Логану.

Наступает жуткая многозначительная пауза, пока они пристально смотрят друг на друга.

— То, что произошло в эти выходные, было ошибкой, — внезапно объявляет Куэйд, его тихие невнятные слова прорезают тишину.

— Ч-что? — Я заикаюсь, мне нужно ухватиться за кухонный стул, чтобы сохранить равновесие.

— Господи, Куэйд! Просто заткнись нахуй и дай мне с ней поговорить! — Логан отчитывает, в его глазах ярость. Затем он поворачивается ко мне лицом через кухонный стол, изо всех сил пытаясь скрыть клокочущую в нем ярость, но это бесполезно. Это такая живая дышащая штука, что я почти чувствую вкус ее кислой желчи на кончике языка. — Когда ты уходила этим утром, мы поговорили. За все выходные у нас не было ни минуты, чтобы побыть друг с другом наедине, поэтому, когда ты уехала навестить свою мать, мы наконец выложили то, о чем все думаем. Что чувствуем.

— Что ты хочешь сказать?

Свет в голубых глазах Логана тускнеет, прямо перед тем, как он отворачивает от меня голову.

— Присаживайся, Валентина, — приказывает Картер.

— Нет, мне и здесь хорошо, — вызывающе отвечаю я.

— Поступай как знаешь, — парирует он, беря стул и садясь, его длинные ноги вытягиваются на другой стул рядом с ним. Он кладет руки за голову и смотрит на Куэйда, поскольку Логан, похоже, изо всех сил пытается продолжить. — Ты это начал, теперь ты это заканчиваешь, — загадочно объявляет он.

На лице Куэйда зловещая улыбка, которую я видела у него только на футбольном поле. Такой же сердитый взгляд он использует против своих противников, чтобы заставить их дрогнуть. Почему он использует это сейчас против своих лучших друзей, своей семьи, выше моего понимания, и, честно говоря, так же тревожно, как и весь этот разговор.

— Вэл, пора, — невозмутимо заявляет он.

— Пора что?

— Выбирать. Ты должна выбрать, Валентина, — добавляет Картер, его глаза все еще прикованы к Куэйду.

— Что происходит? — Мое сердце подскакивает к горлу от того, что они предлагают.

— Не веди себя так, будто ты не ожидала, что это произойдет. Рано или поздно мы все оказались бы здесь. Хочешь ты этого или нет, — жестоко огрызается Картер.

— Хватит! Сейчас не время для этого дерьма. Нам даже не следует вести этот разговор. Не сейчас.

— Тогда когда, Логан?! — Восклицает Картер, ударяя кулаками по моему кухонному столу, отчего деревянные ножки скрипят по кафельному полу.

— Картер прав. Сейчас или никогда, — защищает Куэйд.

Логан посылает им обоим такой ненавидящий взгляд, что я внутренне съеживаюсь. Они разваливаются на части. Годы дружбы теперь не наполнены ничем, кроме ненависти, негодования и враждебности. Все рушится, и я виновный инструмент, который разрушил их идеальный союз.

— Дело вот в чем, — начинает Логан, снова спокойный, всегда логичный из нашей четверки, поскольку он пытается быть голосом разума среди всего этого безумия. — Куэйд пришел к нам сегодня с предложением, а мы ему отказали. И вместо того, чтобы этот придурок просто зализывал свои раны и уязвленное эго, как ему и следовало, у него истерика.

— Знаешь что? Пошел ты нахуй, Логан! — Куэйд выплевывает, хлопая раскрытыми ладонями по столу.

Моя голова переполнена паникой из-за плотной враждебности в комнате, мое сердце разрывается надвое с каждым жестоким словом, которое они бросают друг в друга. Там, где когда-то между ними царили узы любви и дружбы, теперь в них дышат только злоба.

Я сделала это.

Я.

— Каково было твое предложение? — Что ты предлагал? — Шепчу я, отчаянно пытаясь притвориться, что я не наблюдаю, как их братство сгорает в огне.

Взгляд Куэйда немного смягчается, но не настолько, чтобы успокоить мое разбитое сердце.

— Логан осенью уезжает в Принстон, а Картер отправится на самопознание бог знает куда. Я собираюсь в Алабаму. Это близко, Вэл. Рядом с твоим колледжем в Калифорнии. Я должен быть тем, кто позаботится о тебе.

— Я что, раненая птица, о которой нужно заботиться? Вы все меня такой видите?

— Нет, принцесса. Это не то, что я имел в виду. Я просто пытался убедить этих парней в разумности. Я могу дать тебе то, что тебе нужно. Они не могут.

— Пока. Мы пока не можем, — раздраженно парирует Логан.

— И почему она должна ждать, пока вы двое разберетесь со своим дерьмом? — Выплевывает Куэйд.

— Потому что ты не единственный, кого она любит!

Куэйд поджимает губы и снова скрещивает руки на груди в ответ на заявление Логана.

— Но она действительно любит меня, Логан. Даже если это съедает тебя изнутри.

Я так сильно прикусываю нижнюю губу, что чувствую, как зубы пронзают мою плоть.

— Так вот чем вы занимались, пока меня не было, этим утром, да? Выстраивали мое будущее. Принимали за меня решения, которые не должен принимать, и в результате разрушали годы дружбы.

— Наша дружба была обречена в ту минуту, когда ты переехала на нашу улицу, — без раскаяния заявляет Картер.

Мои плечи начинают сильно трястись от правды Картера, от их правды, которую я была слишком слепа, чтобы видеть раньше.

— Я могу принимать свои собственные решения.

— Когда ты вообще собиралась это делать, Вэл? Мы знаем друг друга шесть лет, и все

это время ты не могла решиться. Если мы не сделаем это за тебя, я не знаю, кто сделает.

— Это не твой выбор, Картер. Это мой!

— Хорошо, тогда делай это. Выбирай!

Я смотрю на лица всех троих и не могу. Картер прав. Я никогда не могла.

— Что с нами происходит?

— Неизбежное, — бормочет Картер.

У меня начинают гореть глаза, и мне требуется вся моя сила, чтобы не расплакаться перед ними.

— Я только что потеряла единственную настоящую семью, которая у меня была, и теперь ты просишь меня разделить оставшихся членов семьи.

— Это не семья, Вэл. Это не нормально.

— Почему нет? Неужели эти выходные так мало значат для всех вас? Разве это не было доказательством того, что мы можем любить друг друга так, как большинство людей никогда не смогут? Почему этого недостаточно?

— Потому что это неправильно.

— Кто сказал, что любовь, это неправильно?! — Кричу я, вскидывая руки в воздух из-за упрямства Картера.

— Потому что так оно и есть. Это не то, какими мы должны быть. Тебе нужно смириться с этим.

Я смотрю на молчаливого Логана, который все еще склонил голову.

— Логан, — умоляю я, надеясь, что его логический ум поймет причину.

Он вздыхает, а затем смотрит на меня, и его несчастное выражение лица разрывает меня надвое.

— Всю свою жизнь мне приходилось иметь дело с обносками. Одеждой, игрушками, школьными материалами. Всем. Мне приходилось делиться всем со всеми. Я просто хочу, чтобы одна вещь была моей, Вэл. Я хочу, чтобы ты была просто моей, а не просто часть тебя.

— Ты никогда не был эгоистом. Зачем говорить это сейчас?

— Я всегда был эгоистом, Вэл, — фыркает он. — Эгоистично относился к твоей любви и сгорал от ревности, наблюдая, как ты ее отдаешь.

— Ты не можешь говорить это серьезно. — Качаю головой я.

— Но я серьезно. Видит Бог, я серьезно.

Видя, что Логан не поможет мне в моем бедственном положении, я обращаюсь к Куэйду.

— Вы всегда были моей семьей. Ты из всех людей знаешь, как важно иметь такую семью. Зачем это делать, Куэйд? Зачем так разрывать нас на части?

— Это делаю не я. Это делаешь ты, принцесса. Ты можешь положить конец нашим страданиям сегодня. Просто выбери одного из нас, и пусть другие соберут все по кусочкам и, наконец, начнут все сначала.

— Значит, если бы я выбрала Логана или Картера вместо тебя, тебе было бы так легко забыть обо мне? — Хриплю я, эмоции мешают говорить.

— Если бы мне пришлось. Я так чертовски сильно люблю тебя, Вэл. Но я бы научился жить без тебя. Знать, что ты счастлива, мне этого было бы достаточно.

Правда в его словах полностью останавливает мое сердце, отказываясь сделать еще один удар.

— Это то, что вы все чувствуете? Что я должна выбрать кого-то одно и позволить

другим частичкам моего сердца умереть внутри меня? Потому что это то, о чем вы просите. Вы просите меня убить часть себя.

— Мы все равно умираем, — сетует Картер себе под нос.

— Я не могу поверить, что это происходит, — произношу я, больше для себя, чем для них.

— Я не могу поверить, что это заняло у нас так много времени. Валентина, послушай меня. Так больше не может продолжаться. Я знаю, что время далеко от идеального, и ты все еще скорбишь, но жить в этом чистилище никому не на пользу.

— Ответьте мне на это… последние два дня, которые мы провели вместе, сделали вас всех счастливыми?

Ответа нет.

— Ответьте мне! — Кричу я.

— Дело не в этом. Наш ответ не изменит наших чувств, — непоколебимо возражает Картер.

— Но это так. Мы можем быть вместе. Все четверо. Пожалуйста, не разлучайте нас таким образом.

Они выглядят такими же опустошенными, как я себя чувствую, но их решимость, единственное, что осталось стоять среди обломков, которые они создали.

— Мы не видим другого выхода. Рассматривай эти выходные как прощание с нами двоими. Ты должна выбрать, кого ты хочешь видеть в своей жизни. Без кого ты не можешь жить.

Я не могу.

— Если ты этого не сделаешь, мы сделаем выбор за тебя — хрипло продолжает Картер.

Это пощечина по лицу.

— Убирайтесь.

— Ч-что? — Логан заикается, его голова снова вскидывается.

— Я сказала, убирайтесь, — повторяю я.

— Детка... — Куэйд замолкает, подходя ближе ко мне, но мой пустой взгляд пригвождает его к месту.

— Ты хочешь, чтобы я выбирала, тогда я делаю свой выбор. Оставь меня. Сейчас же!

— Вэл, мы не хотим оставлять тебя одну, — обиженно вмешивается Логан.

У вас уже это есть.

— Уходите. Вы хотели принятого решения, я даю вам его.

Это выводит их из ступора.

— Так ты выберешь? — Спрашивает Куэйд с равной долей надежды и страха.

— Вы не оставили мне особого выбора.

Я просто надеюсь, что смогу жить с тем, что собираюсь сделать.

ГЛАВА 16

ТОГДА
ЛОГАН

Я нахожусь на своей кухне, смотрю в окно, когда вижу, как Картер хлопает входной дверью и торопливо пересекает лужайку, направляясь к дому Вэл. Следующее, что я вижу, это молниеносную тень, пересекающую дорогу и врезающуюся в Картера, сбивая его с ног.

— Черт! — Я отстегиваю ремень безопасности, прежде чем выйти на улицу. Когда я добираюсь до лужайки Вэл, Куэйд и Картер уже заняты, нанося удары со всех сторон, со звуком ломающейся кости при каждом ударе.

— Какого хрена ты, по-твоему, собрался делать?! — Воет Куэйд, нанося сокрушительный удар в грудь Картеру, и громкий хлопок покидает моего мрачного друга. Когда я думаю, что Куэйд собирается нанести больший урон своими ушибленными костяшками пальцев, Картер головой бодает его в нос, заставляя Куэйда упасть обратно на задницу.

— Что, черт возьми, вы двое делаете?! — Кричу я, пытаясь остановить двух моих лучших друзей от убийства друг друга.

— Он собирался навестить Вэл!

— Прошло три дня, придурок. Одному из нас пришлось собраться с духом и пойти поговорить с ней. — Оправдывается Картер, сплевывая кровь из разбитой губы на траву.

— И кто сказал, что ты должен быть этим человеком, а? — Куэйд рявкает в ответ, все еще жаждущий его крови.

— Это безумие! Вы двое посмотрите на себя?

Картер вытирает кровоточащий рот предплечьем, пока Куэйд пытается встать, потирая нос, который, к счастью, не выглядит сломанным.

— Я устал ждать, — упрекает Картер, также поднимаясь на ноги.

— Мы все такие, ублюдок! — Орет Куэйд. — Но ей, очевидно, нужно время. Вэл свяжется с нами, когда примет решение, так что, черт возьми, уважай это и дай ей передышку.

Картер бросает на Куэйда сердитый взгляд, угрожающе указывая на него.

— Ты думаешь, я не понимаю, что ты пытаешься здесь сделать? Ты думаешь, чем дольше она будет ждать, тем в конечном итоге выберет тебя только потому, что ты будешь ближе всего к ней, когда начнутся занятия в колледже. Но у меня есть для тебя новости. Если близость, ее логичный выбор, тогда я тоже просто поступлю в Калифорнию.

Глаза Куэйда кажутся большими, как блюдца, его загорелое лицо бледнеет от угрозы Картера.

— Ты даже не хочешь поступать в колледж.

— Но я хочу Валентину. Поэтому я сделаю все, что в моих силах, чтобы удержать ее.

— Она не твоя, — рычит Куэйд.

— Если она твоя, то почему ты выглядишь таким испуганным? — Картер издевается, его черные глаза наполнены триумфом.

— Хватит, вы оба, — кричу я, пытаясь держать себя в руках.

Угроза Картера, возможно, была направлена на разгневанного друга рядом со мной, но она все равно привела к тому, что моя собственная кровь вскипела от ярости. Желание врезать кулаком по его самодовольной физиономии и покончить с тем, что начал Куэйд, мучительно заманчиво. Я провожу рукой по лицу, пытаясь сохранить хладнокровие, поскольку у этих двух горячих голов его нет. Если бы я был умнее, то я бы просто позволил

им убить друг друга и покончил с этим раз и навсегда, положив конец моему нескончаемому соперничеству за завоевание сердца Валентины. Я должен чувствовать себя виноватым за то, что у меня возникла такая мысль. Но каким-то образом она закралась мне в голову вместе с подобными другими на протяжении многих лет, которые должны были пронизать меня стыдом. К сожалению, мое сердце слишком разбито, чтобы мыслить ясно. Я настолько ослеплен болью, что признать, что независимо от того, кого выберет Валентина, мы трое никогда не будем прежними, так же парализует, как мысль о ее потере.

Когда мы начали видеть друг в друге врагов, а не лучших друзей?

Каким-то образом мы позволили нашей неприязни друг к другу разрастись, и, прежде чем мы осознали это, она превратилась в уродливого монстра, стоящего на нашем пути, мешающего нам вспомнить, что мы тоже любим друг друга. Или, по крайней мере, мы привыкли к этому. Я уже не в чем не уверен.

— Хотя Картер прав, — слышу я наконец свой голос, выталкивая эти меланхоличные мысли из головы.

— Потрясающе, что ты на его стороне.

— Куэйд, отдохни. Он прав, потому что трех дней достаточно для Вэл, чтобы прийти к выводу и осознать, чего она хочет. Если она этого не сделала, то, может быть, нам стоит смириться с тем фактом, что Вэл никогда этого не сделает, и нам решать за нее. Или вы, засранцы, хотите, чтобы никто из нас не получил нашу девочку?

— Я не силен в этом, — рычит Картер передо мной.

— Ну что ж, я тоже, придурок. Так или иначе, это решится сегодня. Ты готов к этому?

— Я родился готовым, — самодовольно заявляет Картер.

— Я бы стер эту дерзкую ухмылку с твоего лица, Картер. Если ты думаешь, что посещение колледжа в том же штате, что и Вэл, привлечет ее к тебе, то в эту игру могут поиграть двое. У меня не возникнет проблем с переводом в Беркли, если дойдет до дела, — предупреждаю я, убирая злорадное выражение с его лица.

Ухмылка растягивает губы Куэйда, пока он не понимает, что это означает, что его аргумент не сработает.

— Никогда не думал, что скажу это, но прямо сейчас я так сильно ненавижу вас обоих.

— Чувства взаимны, придурок, — бормочет Картер, его темные глаза впиваются в нас, а ноздри раздуваются от отвращения.

Независимо от того, какое решение примет сегодня Вэл, я боюсь, что наше братство потеряно. Бросая последний взгляд на Куэйда и Картера, я больше не вижу своих братьев. Все, что я вижу, это соперников, которых мне нужно сокрушить всемогущими кулаками, и когда они смотрят на меня в ответ, я знаю, что они чувствуют то же самое.

Я поворачиваюсь спиной и подхожу к крыльцу Валентины, стуча в ее дверь. Через несколько минут, когда никто не отвечает, мои нервы начинают сдавать.

— Машина ее отца все еще на подъездной дорожке, так что она должна быть здесь, — произносит Картер.

Я стучу снова, но ответа по-прежнему нет. Куэйд подходит к растению в горшке в конце крыльца и возвращается с ключом в руке.

— Это запасной вариант, — объясняет он, отталкивая меня от двери.

Я ненавижу то, что он знал, где Вэл хранит свои запасные ключи, а я нет.

— Так ты хочешь устроить ей засаду? Вот как ты хочешь это разыграть? — Спрашиваю я, отталкивая его от двери.

— Нет, он хочет ответов. Точно так же, как и мы с тобой, Логан. Хватит, — огрызается Картер в ответ, забирая ключи у Куэйда, позволяя им упасть мне в руки. — Теперь открой дверь, и давайте решим все.

На долю секунды я сжимаю ключи в руке.

Картер прав.

Как пластырь, лучше содрать его одним махом, а затем продолжить, как мы уже делали. Я открываю входную дверь Вэл, надеясь, что в конце концов она простит нас за то, что мы пришли в ее дом без приглашения. Однако, когда мы заходим в фойе, дом кажется странно тихим. Куэйд бежит наверх, зовя ее, в то время как Картер проверяет каждую комнату внизу. Я, однако, стою как вкопанный в фойе, потому что в спешке они упустили то, чего не упустил я.

Три буквы с нашими именами, написанные ее почерком, размещены отдельно друг от друга на столе в фойе. Неверными шагами я подхожу к столику в холле и провожу пальцем по белому конверту, на котором написано мое имя.

Логан.

Камни падают мне на живот, мое сердце сжимается в кулак такой твердой хваткой, что мне становится трудно дышать. Какие бы слова она ни решила написать в этих письмах, я знаю, что это не будет "Долго и счастливо", как я думал, у одного из нас получится.

Когда Куэйд сбегает вниз, а Картер возвращается в фойе, они просто смотрят на те же конверты, от которых я теперь не могу оторваться.

— Ч-что это? — Куэйд запинается, не решаясь подойти ближе.

Хотя я не открывал свое письмо, я все равно отвечаю ему, зная его содержание, даже не читая ни слова.

— Это прощание.

ГЛАВА 17
СЕЙЧАС
ВАЛЕНТИНА

Комнату заливает солнце, и я наслаждаюсь звуками спящих рядом со мной Логана и Куэйда. Картер свернулся калачиком в изножье моей кровати, новые синяки покрывают его красивое лицо, и мои губы дрожат при виде их всех здесь, со мной. Это больше, чем я заслуживаю.

Я чувствую, как с моей груди свалился огромный груз. Теперь, когда мой секрет раскрыт, я чувствую, что наконец-то могу дышать. Я не совсем осознавала, какое бремя я несла, какое чувство вины продолжало душить меня.

И теперь всего этого больше нет.

Снова идет дождь. Очевидно, мы застали Прагу в сезон дождей, если это вообще возможно. Балконные двери открыты, и в комнату проникает легкий туман. Словно в трансе, я кое-как поднимаюсь с кровати, изо всех сил стараясь их не разбудить, и выхожу на балкон.

Я осторожно выхожу на балкон, смеясь, когда дождь начинает падать мне на лицо. Я раскидываю руки и поворачиваюсь, зная, что, если бы кто-нибудь наблюдал за мной прямо сейчас, они бы подумали, что я сумасшедшая. И, возможно, так оно и есть. Но я почему-то знаю, что это последний элемент списка, который я собираюсь отметить до конца. Так что мне вполне может понравиться.

Я чувствую прикосновение к своей талии, оборачиваюсь и вижу стоящего там Логана. Его темно-синие глаза выглядят затравленными. Он выглядит так, словно за одну ночь из него высосали все счастье. Он пытается улыбнуться мне, но улыбка получается не совсем заразительной.

— Все в порядке, любовь моя, — шепчу я. Он ничего не говорит в ответ, просто смотрит на меня, как будто запоминает этот момент, прямо сейчас.

Он притягивает меня ближе и обнимает.

А потом мы танцуем.

Мы медленно танцуем под песню, которую слышим только мы. Моя голова лежит у него на плече. Дождь льет как из ведра.

— Когда сегодняшний день станет для меня всего лишь воспоминанием, я знаю, что все еще буду любить тебя, — тихо поет он мне на ухо, и, клянусь, мое сердце сжимается. Логан знает, что это была одна из любимых песен моего отца. Когда я болела маленькой девочкой, он брал меня на руки и танцевал со мной через всю комнату, напевая эту песню.

Мои слезы смешиваются с каплями дождя, которые стекают по моему лицу, и я удивляюсь, почему жизнь должна быть такой невыносимо жестокой.

Я ненадолго отстраняюсь от него.

— Ты можешь оказать мне последнюю услугу? — Спрашиваю я, зная, что не заслуживаю просить его об этом, даже когда слова слетают с моих губ.

— Что угодно, — клянется он.

— Я просто хочу, чтобы эти последние несколько недель были счастливыми. Я знаю, что просить тебя об этом трудно. Но я хочу слышать твой смех, я хочу видеть улыбку Куэйда, я хочу видеть, как Картер закатывает глаза с этой приводящей в бешенство ухмылкой, которая означает, что он втайне забавляется. Я хочу взять эти моменты с собой, чтобы там меня не ждало. Ты думаешь, это возможно?

— Я сделаю все, что в моих силах, — обещает он. — Но ты должна знать, что ты вырвала мою душу. Я больше не уверен, что для меня возможно даже притворяться счастливым. Но я сделаю все, что в моих силах.

— Спасибо, — шепчу я, и мы продолжаем танцевать.

Логан в конце концов выходит из себя, решив, что танцы под дождем вредны для моего здоровья, поэтому он поднимает меня на руки. Две другие частички моего сердца сейчас бодрствуют, попивая кофе с одинаковыми выражениями похмелья на лицах. Куэйд выглядит так, будто собирается заплакать, когда видит меня, в то время как Картер выглядит просто смирившимся.

— Ты примешь ванну со мной? — Спрашиваю я Куэйда, и он мрачно встает.

Мы идем рука об руку в ванную, и он принимается за работу по набору воды. Он насыпает немного соли для ванн, которая находится в банке рядом с ванной, и затем я вхожу, наклоняясь вперед, чтобы он мог сесть позади меня. Он обнимает меня, и я откидываюсь назад в его объятиях. Горячая вода выпускает пар, который окутывает ванную туманным коконом.

— Ты знаешь, мои родители не были ни на одной из моих игр, — внезапно тихо говорит он. — За десятилетнюю карьеру они ни разу даже не соизволили прийти. Я отправил своему отцу билеты на Суперкубок, думая, что из всех игр, в которые я когда-либо играл, он пошел бы именно на эту. — Он горько смеется, берет губку и намыливает ее, прежде чем начать медленно мыть меня. — Он даже не отправил сообщение с поздравлениями. Позже я узнал, что на той неделе они с моей мамой были на яхте в Хорватии. Экономка сказала мне, что они даже не вскрыли конверт, в котором я отправил билеты.

— О, Куэйд, — тихо говорю я.

Он все еще боготворит меня своими длинными, медленными движениями, когда водит губкой по моему телу. Внутри меня нарастает слабая пульсация желания, но суть этого момента не в этом. Речь идет об утешении мальчика, которое никогда не переставало вызывать у меня улыбку.

— Я никогда по-настоящему не знал, что значит быть любимым, пока ты не вошла в мою жизнь, — прерывает меня Куэйд дрожащим голосом. — Людям, которые окружали меня последние десять лет, на меня наплевать. Их волнует то, что я могу им дать, что я могу для них сделать. Когда я пострадал, ни один из моих так называемых друзей мне не позвонил. И теперь ты вернулась ко мне, единственный человек, который когда-либо действительно заботился обо мне, и ты говоришь мне, что я потеряю тебя навсегда.

Его руки сжимаются вокруг меня, когда из него вырываются икающие рыдания. Я позволяю ему плакать, мягко поглаживая его руки, пока боль со вздохами покидает его тело.

— Я не единственный человек, который когда-либо действительно заботился о тебе, — говорю я ему наконец.

— Что? — Спрашивает он в замешательстве.

— Мой папа любил тебя. И я знаю, что Картер и Логан любят тебя. Они твои братья, и это никогда не изменится.

Его рыдания стихают, когда он думает о том, что я сказала.

— И у тебя всегда буду я. Я не думаю, что эта поездка, в которую мы отправились, была посвящена только моим отношениям с каждым из вас, она касалась отношений между всеми нами. Мне хотелось бы думать, что такая любовь, как наша, будет длиться вечно, независимо от того, как далеко один из нас уйдет.

Его руки сильнее сжимаются вокруг меня при напоминании о моей смерти.

— Я не думаю, что смогу это сделать, попрощаться, я имею в виду, — шепчет он у меня за спиной.

— Я знаю. Я пыталась понять, как я собираюсь это сделать с тех пор, как увидела тебя под светом Эйфелевой башни.

Дверь с грохотом распахивается, и врывается Картер, держа мой телефон в руке, в его взгляде безумие, когда он фиксируются на мне. Логан следует за ним, выглядя обеспокоенным.

— Что это значит? Что он имеет в виду, Валентина?!

— Что? — Спрашиваю я, пока он продолжает размахивать моим телефоном.

— Пока вы были здесь, пришло сообщение, и я случайно увидел его. Имя доктор Ченнинг тебе что-нибудь говорит?

У меня сводит живот.

Доктор Ченнинг писал мне с тех пор, как я уехала в поездку, пытаясь убедить меня сделать операцию. Я перестала отвечать после того, как первые десять раз сказала нет. В

этот момент я не была уверена, что стоило обращаться к врачу, который знает меня со времен моего первого лечения, когда я была маленькой девочкой. Он был раздражающе настойчив.

— Кто такой доктор Ченнинг? — Спрашивает Логан.

Картер разворачивает телефон и начинает нажимать какие-то кнопки, и внезапно я жалею, что дала ему свой пароль.

— Ты не должен читать мои сообщения, — кричу я, но в моем голосе нет настоящего жара. Я просто веду себя так, потому что знаю, что будет дальше.

И, исходя из уровня отчаяния в этой комнате, это не будет красиво.

— Валентина, пожалуйста, позвони мне. Для тебя все еще зарезервировано место на операцию. Пожалуйста, передумай, — читает Картер. — Два дня назад. Валентина, чудеса случаются каждый день. Пожалуйста, дай себе шанс. Три дня назад ... — он продолжает читать текстовое сообщение за текстовым сообщением, почти все из которых я проигнорировала. Если бы он проверил журнал моих звонков и электронную почту, он бы увидел там еще миллион попыток.

— О чем он говорит, Валентина? — В отчаянии спрашивает Куэйд.

Я вздыхаю, закрываю глаза, высвобождаюсь из объятий Куэйда и выхожу из ванны. Это свидетельство того, как сильно все изменилось с момента моего откровения, что ни один из их взглядов не опускается на мое обнаженное, намыленное тело.

Я прохожу мимо Картера, но он хватает меня за руку, останавливая от следующего шага.

— Что это значит? — Рычит он. Это рычание того, кто хватается за воздух, чтобы исправить то, что изменить невозможно.

— Я собираюсь одеться, а потом мы сможем поговорить об этом, — твердо говорю я, пытаясь отстраниться от него. Он сжимает меня на секунду дольше, его руки дрожат, когда они держатся за меня, как за спасательный круг.

— Картер, — рявкает Логан. Картер удерживает мой взгляд, а затем, наконец, отпускает, в его глазах обещание, говорящее, что он этого так не оставит.

Куэйд выходит из ванны, не стесняясь своей наготы перед двумя другими, хватает полотенце и оборачивает его вокруг своей подтянутой талии. Он проходит мимо меня, не глядя на меня, и исчезает в своей комнате. Я снова вздыхаю… Кажется, это мое любимое занятие в последние несколько дней, и я иду в свою комнату и переодеваюсь в удобные спортивные штаны. Я подхожу к дивану и сажусь. На этот раз никто из них не садится рядом со мной. Все они стоят по комнате, скрестив руки в одинаковых позах ожидания.

— Доктор Ченнинг, это врач, который занимался моим лечением. Он был моим врачом и в детстве. Тогда он только начинал, с тех пор он действительно прошел долгий путь, — говорю я с фальшивой усмешкой.

Никто не улыбается мне в ответ.

— Что он, блядь, имеет в виду в своих текстах? Что он советует тебе попробовать? У тебя есть шанс?

— Это не имеет значения. Я решила, что не буду этого делать, — пытаюсь возразить я. Очевидно, что этот аргумент не работает.

Я встаю в отчаянии, раздраженная тем, что мне приходится объяснять это решение, к которому было так чертовски трудно прийти в первую очередь.

— Я прошла все процедуры, которые доступны в Штатах. Ничего из этого не сработало.

— Но? — Нажимает Логан.

— В Швейцарии начали испытания экспериментальной операции. доктор Ченнинг несколько месяцев назад присутствовал на конференции и разговаривал с врачами, которые проводили операцию. После этого он вернулся, желая, чтобы я попробовала это. Это какая-то новая процедура при опухолях головного мозга, которую начали использовать в терминальных случаях.

— Это здорово, — взволнованно говорит Куэйд, и улыбка возвращается на его лицо впервые после новостей. — Подожди. Почему мы не в Швейцарии? — Спрашивает он, в его взгляде появляется понимание.

Логан обвиняюще делает шаг вперед.

— Ты обещала мне, что эта поездка ни от чего тебя не удерживает.

Я умоляюще поднимаю руки.

— Так и есть. Я не буду делать операцию. — Тихо сказала я.

Наступает тишина, а затем все трое начинают пытаться заговорить одновременно.

— Стоп! — Кричу я. — Я не буду делать операцию. Вероятность успеха всего двадцать процентов, и эти шансы точно не заставляют меня прыгать вверх-вниз от радости. Если я не умру на столе, то есть большая вероятность, что я превращусь в овощ. — Я начинаю плакать от разочарования. — Я была бы здесь, но меня бы здесь не было. Я бы лежала на этом столе, пока мое тело окончательно не иссякло, а потом я бы умерла. То, что доктор Ченнинг считает шансом на спасение, я рассматриваю как кражу остатка хороших дней, которые у меня, возможно, еще остались. Я не собираюсь рисковать. Я отказываюсь рисковать. Я хочу умереть с достоинством. Это мой выбор, — умоляю я их.

Все трое выглядят побежденными. Нет, они побеждены. Или, по крайней мере, я надеюсь, что так и есть, и они оставят это в покое.

Я не меняю своего решения.

— Я собираюсь на гребаную прогулку, — выплевывает Куэйд, направляясь к двери.

— Я пойду с тобой, — говорит Логан, бросая на меня преданный взгляд, когда уходит с ним.

И тогда остаемся только Картер и я.

Картер, мальчик, который ненавидит, когда что-либо выходит из-под его контроля, это тот, кто остался.

Он смотрит в окно на вид на город. Все еще, блядь, идет дождь.

— Могу ли я что-нибудь сказать, чтобы ты передумала? — Печально спрашивает он.

— Мне так жаль, — шепчу я, заламывая руки, наблюдая за ним.

Он оглядывается на меня, держа руки в карманах.

— Я знаю, — тяжело отвечает он.

Снова тишина.

— Я собираюсь вздремнуть, — наконец говорит он. — Я просто буду в другой комнате, если понадоблюсь тебе. Я не убегаю.

— Я знаю, — говорю я ему с грустной улыбкой.

Проходит несколько часов, и Картер наконец выходит из своей комнаты с мокрыми после душа волосами.

— Я чувствую, что мы зря тратим время на этот город, — говорит он мне с усмешкой, которая не касается его глаз. — Логан и Куэйд собираются встретиться с нами. Давай сходим куда-нибудь.

— Правда? — Спрашиваю я, внутри меня зарождается надежда, что, возможно, они все-таки решают спасти эту поездку.

Мы выходим из комнаты рука об руку. Наступила ночь, и на улицах царит прекрасная энергия. Дождь наконец-то прекратился. Мы с Картером прогуливаемся по улицам рука об руку. Он указывает на вещи, которые, по его мнению, могли бы мне понравиться, но он, очевидно, все еще не понял, что мне могло бы понравиться что угодно, если бы это касалось одного из них.

— Посмотри на это, — взволнованно говорю я ему, указывая на большой мост, раскинувшийся перед нами.

Он улыбается мне, и на этот раз это выглядит как-то по-настоящему.

— Это Карлов мост. Очевидно, его обязательно нужно увидеть ночью, когда он весь освещен.

— Это прекрасно.

Я прищуриваюсь и вижу две фигуры, ожидающие у начала моста. Это Логан и Куэйд. Мое сердце успокаивается при виде их. Мое тело было в состоянии повышенной готовности с тех пор, как они ушли. Теперь, когда я воссоединилась с ними, я снова могу расслабиться.

Я бы предпочла, чтобы они кричали на меня в любой день недели, чем исчезали. Но когда мы подходим к ним, никто не кричит. Вместо этого Логан целует меня в щеку, а Куэйд сжимает мою руку.

Мы переходим мост.

Это действительно невероятно. Прямо за мостом виден Пражский Град, а вдоль моста расставлены уличные артисты, которые развлекают туристов. На самом деле мы не разговариваем, и это нормально. Я просто хочу быть с ними в любой форме, которую это принимает прямо сейчас.

Мы переходим на другую сторону моста, это немного в стороне от остальных, идущих по мосту, и впервые за время прогулки у нас есть немного уединения. Ребята внезапно смотрят друг на друга. Они останавливаются, и нервные бабочки порхают у меня в животе.

Конечно, они что-то планировали.

Сделав глубокий вдох, Логан внезапно опускается передо мной на колени, вытаскивая из-за спины знакомую светло-голубую коробку.

У меня слезятся глаза, потому что я ненавижу это. Логан открывает ее. Она пустая.

Я смотрю на него в замешательстве.

— Что…

— Мы знали, что собираемся жениться на тебе с тех пор, как были совсем детьми, детка. И твои новости не изменили этого факта. Но мы не собираемся делать предложение таким образом. Мы будем умолять тебя позволить нам задать тебе самый эгоистичный вопрос, который мы только можем задать. Мы просим тебя сделать операцию.

Я открываю рот, чтобы возразить. Но Куэйд опускается передо мной на колено следующим, прерывая то, что я собиралась сказать.

— Пожалуйста, принцесса. Пожалуйста, попробуй, — он начинает плакать. Прекрасные слезы текут по его страдальческому лицу. — Если ты не существуешь, то и я не существую. Ты моя родственная душа, и если ты не попытаешься ради меня… Ты должна попытаться.

Следующим падает на колено Картер, и на этом этапе я смиряюсь.

— Я не собираюсь просить тебя делать операцию. Я собираюсь сказать тебе сделать операцию. Я собираюсь посоветовать тебе сделать это, потому что у меня для нас распланирована целая жизнь. У нас трое детей. Одна из них, маленькая девочка, которая очень похожа на тебя. У нас есть дом, который мы построили вместе. И мы счастливы. Мы так чертовски счастливы. И никогда не бывает плохих дней. Ты должна сделать эту операцию, потому что мы заслуживаем такого плана. Мы заслуживаем такой жизни. Нашей истории не позволено так закончиться. Я этого не допущу.

Мои бедные мальчики.

— Хорошо, — шепчу я им, не в силах сказать нет. Не в силах полностью разрушить ту мечту, которую они питают о нас.

И, несмотря на все мои попытки, что-то пытается укорениться в моей душе.

Это немного похоже на надежду.

ГЛАВА 18
СЕЙЧАС
ВАЛЕНТИНА

Бабочки угрожают улететь вместе с моими внутренностями, когда мы выходим на яркий солнечный свет.

— Такое ощущение, что мы попали в страну Оз, — замечаю я. Краем глаза замечая, как Логан и Куэйд обмениваются удивленными взглядами.

Хотя, на самом деле, они не могут со мной не согласиться. Цвета здесь…они почти не поддаются описанию. Они почти слишком яркие. Воздух здесь просто кажется чище, более голубым, если это возможно. Горы и холмы имеют удивительный, яркий зеленый цвет. В любой момент я ожидаю, что Джули Эндрюс ворвется к нам с вершины холма, раскинув руки, и будет петь о том, что холмы живые, и прочей херне.

Это совсем не соответствует моему настроению.

Сегодня днем у нас запланирована встреча с командой врачей, которые проводили

испытания этой операции в лечебном центре. Когда я сообщила новость доктору Ченнингу, он сел на первый попавшийся рейс, чтобы встретиться с нами здесь. По крайней мере, у меня будет знакомое лицо, когда я встречусь со всеми.

Страх скользит по моей коже, как это происходит каждый раз, когда я думаю об операции и о том, что может произойти. Я все еще не могу поверить, что согласилась на это.

— Мы будем рядом на каждом шагу, — мягко шепчет мне Логан, сжимая мою руку.

Я слабо улыбаюсь ему.

Ребята были на седьмом небе от счастья с того момента на мосту, когда они убедили меня сказать да. У них так много надежд на будущее. Я пытаюсь не питать таких же надежд. Их не волнует статистика или проценты. Они почему-то верят в гигантские чудеса, которые бросают вызов всякой логике и разуму.

Они забыли о том, что мой отец умер незадолго до срока и оставил меня совсем одну. Их не было рядом, когда мне пришлось бросить медицинскую школу. У них не было долгих дней, когда меня тыкали всем, что только можно только для того, чтобы узнать, что ничего из этого не сработало после того, как я приложила все силы, чтобы вылечиться.

Я хочу верить в их идею о том, что то, что связывает нас четверых, слишком велико, чтобы быть побежденным такой мелочью, как опухоль мозга.

Но это сложно.

Потому что в жизни Валентины Росси не бывает чудес.

Я не уверена, почему это изменилось бы сейчас.

Замечательная зелень нашего окружения продолжает издеваться надо мной всю дорогу до больницы. Здание, чудо современной технологии, гораздо более причудливое, чем все, что я видела в Штатах. Все сделано из стекла и гладкого металла, и я почти боюсь к чему-либо прикасаться из-за того, насколько дорогим все кажется.

Дорого…это хорошо, верно? Это означает, что люди достаточно довольны своим лечением, чтобы платить этому месту много денег. Это должно быть хорошим знаком.

Мы идем по коридору, полностью сделанному из стекла. Вы даже можете видеть сквозь пол. Я не отрываю взгляда от пола, считая шаги, которые я делаю, пытаясь успокоиться. Мы проходим через две гигантские стальные двери, и доктор Ченнинг ждет меня с широкой улыбкой на лице в сопровождении четырех других мужчин и женщин, все одеты в докторские халаты. Он что-то говорит им, а затем подходит ко мне. Он обнимает меня. На данный момент я провела с ним больше времени, чем, вероятно, с моей собственной матерью. Он хороший.

Я представляю Куэйда, Картера и Логана, и в его глазах вспыхивает узнавание, когда он осматривает Куэйда.

— А откуда вы трое знаете нашу Валентину? — Осторожно спрашивает доктор. Он видел, как мне было одиноко в последние годы. Он часто спрашивал, может ли он кому-нибудь позвонить, или оставался после своей смены, чтобы посидеть со мной в моем процедурном кабинете.

Он провел со мной часы, но на самом деле ничего обо мне не знает. Разве это не забавная штука в жизни… ты можешь проводить с кем-то все свое время, и он все равно может быть незнакомцем. Это глубокая мысль, которую я отложила на потом, потому что глаза Картера опасно блеснули при упоминании доктором Ченнингом слова “нашу”.

— Она наша невеста, — твердо говорит Логан, его взгляд скользит по моему, чтобы оценить мою реакцию.

Однако мое сердце ровно бьется в груди от его слов. Это слова, которых я ждала всю свою жизнь. Однако слово "невеста" не включает в себя то, кто мы есть. Мы - любовь, которую невозможно найти за двадцать жизней.

Но я думаю, что невеста подойдет.

Глаза доктора Ченнинга вспыхивают от удивления, но он никак не комментирует тот факт, что я, похоже, помолвлена не с одним, а с тремя мужчинами, о которых я никогда не упоминала всего несколько месяцев назад.

— Полагаю, джентльмены, мне следует поблагодарить вас за перемену в сердце Валентины?

Они мрачно улыбаются, их прежняя эйфория от моего решения угасает при мысли о том, что мы здесь, в гребаной больнице, и реальность того, что я все еще умирающая девушка, которой предстоит чудесная операция, поражает их. Это холодное осознание, и я немедленно хочу вернуться на несколько часов назад, когда они были полны надежды.

— Пойдем познакомимся с командой, — говорит доктор Ченнинг, наблюдая, как я дрожу, стоя перед ним. Моя голова раскалывается, как сейчас каждый день, и я знаю, что кровотечение из носа не за горами.

Меня знакомят с блестящими врачами, в руках которых мое будущее. Ребята потратили часы, изучая их, так что я чувствую, что уже знаю их. Они холоднее и настороженнее, чем я себе представляла, и мне интересно, видят ли они во мне человека, жизнь которого они пытаются спасти, или я просто еще один номер в длинной череде попыток стать богами в истории медицины.

Отбросив свои негативные мысли, я следую за ними в конференц-зал, где они начинают объяснять, как работает процедура. Я училась в медицинской школе, я знаю, что означает большинство терминов, я знаю, как работают операции, как работает наука. Но когда они начинают говорить о рисках и о том, что произойдет, если они не смогут перерезать этот нерв, или переместить этот кровеносный сосуд, или если опухоль прикрепилась к этой части моего мозга ... я паникую.

— Недавно у нас был один успех, который вселяет большие надежды в вашу процедуру, — говорят они мне, но я могу прочитать между строк, что их единственный успех был достигнут среди сотни неудач.

Документы лежат передо мной, и мои руки дрожат, когда я подписываю, по совпадению в тот самый момент, когда из моего носа начинают капать устойчивые капли крови. Они выплескиваются на бумагу, и, честно говоря, все это кажется самым большим знаком в мире, что мне не следует этого делать.

Мы обмениваемся рукопожатиями с врачами и назначаем операцию на следующее утро. Они рассказывают обычную болтовню о том, что нельзя есть и пить определенное время. Бла-бла-бла.

Я чувствую оцепенение. Все их слова влетают в одно ухо и вылетают из другого, потому что я представляю своего отца на том диване, ушедшего навсегда. И тогда я представляю себя прикованной к аппарату на больничной койке, Картера, Куэйда и Логана, оплакивающих призрак девушки, которая никогда не вернется. Сколько времени им потребуется, чтобы отключить меня от компьютеров? Как долго они позволят мне лежать там, пока все воспоминания об этой жизни, которую мы прожили вместе, не сменятся воспоминаниями обо мне, находящемся в коме на этой кровати?

Моя паника теперь живая, дышащая вещь.

Я вежливо говорю им, что мне нужно в туалет, и когда я заворачиваю за угол, я бегу. Или действительно ковыляю, потому что мое тело больше не готово к бегу. Я прохожу через тяжелые стальные двери и иду по застекленному коридору, пока не выхожу из больницы. На кольцевой подъездной дорожке больницы ждут такси, и я лихорадочно вызываю одно. Я хватаюсь за ручку и запрыгиваю внутрь. И прямо перед тем, как мы тронулись, кто, блядь, знает куда, потому что я даже не могу вспомнить, куда я сказала водителю ехать, открывается другая пассажирская дверь, и Логан проскальзывает внутрь.

Он садится на сиденье и закрывает дверь. Он ничего не говорит, когда такси отъезжает. Он хватает меня за руку и крепко сжимает ее. И он просто сидит рядом со мной, пока мы едем.

— Куда мы едем? — Он, наконец, спрашивает после того, как мы едем уже пятнадцать минут.

— Прочь, — говорю я ему, мой голос срывается.

— Хорошо, детка, — тихо говорит он, еще раз сжимая мою руку.

Я смотрю на него.

— Ты не собираешься что-нибудь сказать, сказать мне, какая я дура, что убегаю, умолять меня вернуться?

— Нет, Вэл, я не собираюсь, — тихо говорит он. — Я просто собираюсь пойти с тобой, куда бы ты ни захотела, и я собираюсь быть там столько, сколько ты захочешь.

— Остановите машину, — внезапно кричу я, и водитель с визгом останавливается прямо посреди дороги. Я выхожу и, спотыкаясь, ухожу.

— Вэл, — умоляет Логан, хватая меня за руку. Я разворачиваюсь в его объятиях и начинаю колотить кулаками по его груди, пока злые слезы текут по моему лицу.

— Прекрати быть таким чертовски милым, — кричу я ему. — Почему ты все еще здесь? Почему вы трое так чертовски сильно хотите посмотреть, как я умираю?

Он хватает меня за обе руки и слегка встряхивает.

— Ты думаешь, я хочу смотреть, как ты умираешь? Это то, что происходит у тебя в голове? — Он отпускает меня и вскидывает руки в воздух. — Я смотрю, как поднимается и опускается твоя грудь, когда ты не смотришь. Я не могу спать по ночам, потому что, когда я закрываю глаза, я вижу тебя на операционном столе. Мы здесь, потому что мы все такие гребаные эгоисты, что не можем просто отпустить тебя. Наша история любви не должна закончиться тем, что ты исчезнешь навсегда. Нам всегда приходилось бороться за тебя, и я просто хотел, чтобы ты еще раз поборолась за нас.

Он хватает себя за волосы, тянет так сильно, что я удивляюсь, как он не выдергивает их, когда наконец отпускает. Сделав глубокий вдох, он хватает меня за руки и притягивает обратно к себе.

— Но если это не то, чего ты хочешь, тогда я буду держать тебя за руку и смотреть, как ты умираешь, даже если это означает, что я тоже умру. — Он отпускает мою руку и убирает волосы с моего лица, беря мое лицо в свои ладони. — Нет другой печали, которую я хочу в этом мире, кроме твоей, Вэл. Я бы сделал все, чтобы не потерять тебя, но в начале этого путешествия я пообещал себе, что на этот раз я последую за тобой, куда бы ты ни пошла, и это ничем не отличается.

Он прижимается своим лбом к моему, и впервые я задаюсь вопросом, не ненавидит ли меня судьба. Потому что эта любовь действительно кажется чудом, которое может случиться только с самыми счастливыми людьми.

Операция, которая бывает раз в жизни, внезапно перестает казаться такой сложной перед лицом любви, которая бывает раз в жизни.

Вернувшись в отель, перед операцией, я пишу им письмо.

Я прошу их быть смелыми. Я говорю им, чтобы они когда-нибудь нашли способ отпустить меня настолько, чтобы снова обрести счастье. Я говорю им, что их любовь была величайшей привилегией в моей жизни. Я пишу, пока у меня не сводит руки судорогой, пока они притворяются, что спят рядом.

Родственные души вечны. Будь то в этой жизни или в следующей, я всегда буду любить вас, пишу я. Моих слов недостаточно, чтобы сказать им, что я чувствую, но это все, что у меня осталось. И я думаю, этого просто должно быть достаточно.

Утро наступает слишком рано, хотя я совсем не спала. Я одеваюсь, когда на прикроватной тумбочке жужжит мой телефон. Оглядываясь, я вижу, что это моя мама. Я не беру трубку, так как у меня закончились слова, чтобы разговаривать. Телефон, наконец, перестает жужжать, и звуковой сигнал сигнализирует о том, что она оставила голосовое сообщение.

Дрожа, я беру его и подношу к уху.

— Валентина, я знаю, ты боролась против этого решения. И, возможно, из-за того, что я подталкивала тебя к этому, ты не захотела со мной разговаривать. Но я просто хотела, чтобы ты знала, что я люблю тебя. Я хотела для тебя только лучшего. Ты это переживешь. Ты дочь своего отца, принцесса. Ты боец, лучшие его черты во всех отношениях. — Я слушаю сообщение, она делает глубокий вдох, и я слышу эмоции в ее голосе, то, что я слышала от нее так редко, и это застает меня врасплох. — Кара и я будем здесь, когда ты проснешься. Потому что ты проснешься. Ты слишком упряма, чтобы не сделать этого. Я люблю тебя. — Снова тихо говорит она, и затем голосовое сообщение заканчивается.

Я могу пересчитать по пальцам одной руки, сколько раз моя мать говорила мне, что любит меня. Так что это сильно меня задевает. Я поворачиваюсь и вижу, что Куэйд прислонился к двери и наблюдает за мной.

— Ты позвонил ей, — устало выдыхаю я.

— Я сделал это. Она и Кара уже в пути. Они обе будут здесь, когда ты проснешься.

Все они были осторожны, используя подобные термины. Когда ты проснешься. Когда мы вернемся домой. Когда мы начнем нашу совместную жизнь. Кто знал, что слово “когда” может иметь такую силу?

— Спасибо, — тихо говорю я ему, и его плечи опускаются с облегчением.

Я тоже почему-то чувствую себя лучше. Ее голосовое сообщение стало завершением, в котором я не знала, что нуждаюсь. И если я никогда не проснусь, по крайней мере, она смогла сказать то, что хотела сказать. И я действительно позволила себе это услышать.

Беглый взгляд на мой телефон показывает, что пора уходить. Сегодня бабочек нет. В моем теле, там, где должен быть желудок, просто камни. Мы ничего не говорим по дороге в

больницу. Я отдала им письмо этим утром, сказав, чтобы они прочитали его, когда я поеду на операцию. Я рада, что у них это будет, потому что мой язык, кажется, сделан из свинца, и я знаю, что никогда бы не смогла отдать им частички своей души, которые они заслуживают прямо сейчас.

Мы с Картером держимся за руки, пока мы идем, Логан и Куэйд рядом с нами. Каждый шаг требует колоссальных усилий. Я действительно устала. Я устала от того, что у меня болит голова. Я устала от того, что у меня трясутся руки. Я устала забывать слова и моменты.

Я просто устала.

Коридор ненадолго вращается, когда мы проходим по нему, и мне приходится остановиться и взять Картера за руку.

— Ты в порядке? — Спрашивает он обеспокоенно, и я киваю, хотя знаю, что это не так.

Тут у меня начинает идти кровь из носа, и Картер отпускает мою руку, чтобы сбегать вперед и убедиться, что стойка регистрации готова принять меня. Как только я прихожу туда, для меня выносят инвалидное кресло, и меня вкатывают в палату. Оно клинического белого цвета, за исключением одной розовой подушки. По какой-то причине я зацикливаюсь на этой подушке, не обращая внимания ни на что, происходящее вокруг меня.

Я переодеваюсь в больничный халат, для этого мне нужна помощь Куэйда. Я смотрю на свое отражение в зеркале, пока он завязывает мой халат. На секунду я закрываю глаза и позволяю себе снова представить ту свадьбу с дикими цветами и руки Куэйда на моей спине по другой причине. Однако, как только я открываю глаза, у меня начинает кружиться голова, и Куэйду приходится поднимать меня, чтобы отвести обратно в комнату. Я начинаю бессмысленно хихикать, потому что он переносит меня через своего рода порог, просто не тот, который я когда-либо представляла.

Или, возможно, когда-нибудь получу.

Мое хихиканье сменяется слезами, как это часто бывало в последние несколько дней.

— Мне страшно, — признаюсь я им троим.

И они кивают, потому что им тоже страшно.

Входит медсестра, чтобы надеть на меня датчики. Непрерывный писк аппарата наполняет комнату, пронизывая тяжелую тишину между нами. Входит другая медсестра.

— Готова идти? — Она спрашивает так дружелюбно, как будто везет меня на массаж, а не на мою наиболее вероятную смерть.

Я в панике.

Вот и все.

Мое время закончилось.

— Не забудьте прочитать письмо, — настойчиво говорю я им, не в силах отпустить руки Картера или Логана. — Не забудьте, — снова прошу я, но на этот раз, я думаю, они понимают, что я прошу их не забывать гораздо больше, чем просто прочитать это письмо.

— Скоро увидимся детка, — твердо говорит Картер, в его взгляде миллион других слов. Логан открывает рот, чтобы сказать что-то еще, и я качаю головой.

— Скоро увидимся, — говорю я всем троим, и они кивают, хотя по щекам Куэйда текут слезы, а руки Логана дрожат в моей хватке.

— Скоро увидимся, — шепчет Логан, когда Куэйд целует меня в лоб.

— Я готова, — говорю я медсестре, она кивает и начинает увозить меня.

Я держу их в поле зрения, пока мы не сворачиваем за угол. Я смотрю в потолок, прежде чем зажмуриться, когда из моих глаз текут слезы. Кровотечение из носа усилилось, как и

головная боль. По крайней мере, это так или иначе скоро пройдет, говорю я себе.

Все врачи ждут меня, включая доктора Ченнинга. Он заставляет меня улыбаться, когда они произносят банальности, которые кажутся фальшивыми, даже когда они произносят их одними губами. Действует наркоз, и я начинаю считать в обратном порядке. И с каждым числом я вспоминаю разные воспоминания, связанные с Картером, Куэйдом и Логаном.

Это была чертовски интересная история любви, думаю я про себя, когда начинаю угасать. Скоро увидимся, мои любимые мальчики.

А затем я плыву в поджидающую меня темноту, и это, на удивление, не так страшно, как я думала будет.

ЛОГАН

Медсестра приходит каждый час, чтобы сообщить последние новости, но все, что выходит из ее уст, это просто одна бесполезная банальность за другой.

— Врачи, работающие с Валентиной, самые лучшие, сэр.

— Скоро мы узнаем больше.

— Могу ли я что-нибудь предложить вам на данный момент?

Через некоторое время для меня это становится просто белым шумом. Я знал, что эта процедура не будет быстрой, но с каждой проходящей секундой я не могу не задаваться вопросом, тот ли это момент, когда я теряю ее навсегда.

Черт!

Когда она вчера убежала и села в то такси вместо того, чтобы убеждать ее остаться, я должен был просто позволить водителю такси увезти нас подальше от этого места. Она с самого начала не хотела делать эту чертову операцию. Она знала о рисках и предпочла провести оставшиеся дни своей жизни в окружении любви, а не незнакомцев в белых халатах, копающихся в ее мозгу.

Но я был эгоистом.

Мы были эгоистами.

Мы не хотели быть с ней еще месяц или неделю. Мы хотели вечность. И в погоне за этой мечтой мы, возможно, только что отправили любовь всей нашей жизни на ее безвременную смерть.

Я схожу с ума в ожидании.

Должно быть, это то, как сходят с ума. Но здравомыслие сейчас слишком далеко от моей досягаемости. Как я могу рассчитывать на ясную голову, когда единственная женщина, которую я когда-либо любил, сталкивается с самой большой проблемой в своей жизни без нас?

Держа кулаки по бокам, а затем в волосах, я бушую.

Я злюсь на врачей, на потолок и на любого, кто будет слушать, как мой страх изливается в блеющих приступах тарабарщины, которые заставляют меня сгибаться от боли.

Вот и все.

Вот так я умираю.

Мое горе и безумие настолько ошеломляют, что мне требуется секунда, чтобы сфокусировать взгляд на мужчине, медленно идущем в нашем направлении. Доктор Ченнинг выглядит грубым и измученным, когда входит в комнату ожидания, Картер мгновенно вскакивает на ноги, чтобы услышать, что он хочет сказать.

Куэйд остается рядом со мной, но я не могу смотреть на него. Когда доктор Ченнинг опускает взгляд, продолжая разговаривать с Картером, Куэйд падает на колени рядом со мной, закрывая руками заплаканное лицо. Но у меня нет утешения, которое я мог бы ему предложить. У меня никогда не будет утешения, которое я мог бы ему предложить, и я не думаю, что после сегодняшнего дня я снова это сделаю.

Я опускаю голову и концентрируюсь на дыхании, блокируя любую возможность, кроме слов, слетающих с губ доктора Ченнинг, о том, что с ней все в порядке. Что с ней все в порядке. Она стабильна, и жива. Жива.

Но я не двигаюсь со своего места, боясь, что, как только я это сделаю, это будут не те слова, которые я услышу. Однако я не могу спрятаться от надвигающейся неизбежности. Подобно цунами, поднимающемуся вдалеке, оно обрушивается на меня, когда Картер отходит от того места, где он разговаривал с доктором. Он стоит, приостановленный во времени, преодолевая пропасть между нами, его лицо бледное от слез, которые свободно текут по его лицу.

Я не могу дышать.

Воздух выходит из моих легких, забирая у меня весь кислород. По его испуганным глазам я понимаю, что жизнь уже никогда не будет прежней. И я цепляюсь за ее прощальные слова, которые помогут мне взглянуть в лицо грядущей реальности.

Будь то в этой жизни или в следующей, я всегда буду любить вас.

ЭПИЛОГ

КАРТЕР

Мне потребовалось некоторое время, но в какой-то момент я наконец понял, что наши жизни не определяются чем-то одним. Они представляют собой сумму всех наших решений, поступков, трагедий и чудес. Это каждая из тех вещей, которые делают нас теми, кто мы есть. Я благодарен за каждый день, который приходит и затем уходит, и никогда не принимаю это как должное. Я знаю, насколько они ценны.

Валентина преподала мне этот урок.

Когда я был моложе, мою жизнь всегда преследовала смерть, и долгое время я думал, что именно это определяет мое существование. И тогда, я вдохнул в себя этот яд, зная, что, как бы я ни старался, я никогда не смогу вырваться из ее когтей. Насколько иронично, что мысль о смерти, о потере того, кого любишь, стала для меня катализатором, заставившим наконец открыть глаза и сердце и начать жить?

После стольких трагедий я смог создать жизнь, которую люблю.

В этот самый момент, когда я лежу на траве со своими детьми, солнце светит мне в лицо, звук смеха Тейлор, когда она хихикает над чем-то, что сделал ее брат, наполняет меня покоем. Ее улыбка напоминает мне девушку, которой я когда-то посвятил свою жизнь, и я удивляюсь дару таких маленьких напоминаний.

— Папа, брось меня, — плачет она.

Я не могу сказать ей нет, поэтому она поднимается, пролетая по воздуху всего секунду, прежде чем снова оказаться в моих объятиях, в безопасности. Когда я ставлю ее на ноги, она на мгновение пошатывается, а затем падает, громко смеясь, как будто это самая смешная вещь в мире. Этого достаточно, чтобы отвлечь ее брата от футбольного матча, в который он играет с Куэйдом. Он говорит нам, что становится слишком взрослым, чтобы играть в детские игры с Тейлор, но он никогда не забывает о том, что надо делать, когда она рядом.

Когда Эрик подходит к Тейлор, она озорно шепчет что-то ему на ухо. Что бы она ни сказала, должно быть, было убедительно, потому что через несколько секунд он объединил усилия со своей сестрой, когда они оба подбегают ко мне и плюхаются на меня. Я ахаю, когда колено Эрика попадает мне в живот, а затем я замираю.

Я всегда чувствую Валентину, поскольку она везде, куда бы я ни посмотрел, и никогда не покидает моих мыслей. Но энергия, кипящая у меня под кожей, слишком сильна, чтобы ее игнорировать, и я поворачиваю голову в направлении дома мечты, который мы построили для нее, чтобы найти ее.

В этот момент она выходит из дверного проема, рука Логана обвивается вокруг нее, а ладонь лежит на ее постоянно растущем бугорке. Скоро появится наш третий ребенок, и я молюсь, чтобы она была похожа на Валентину.

Каждый день с ней…это чудо.

Тот день в больнице, когда мы думали, что потеряли ее, преподал мне этот урок таким образом, что я никогда его не забуду. Иногда я с трудом могу поверить, что это наша жизнь. Чтобы я мог просыпаться каждый день со своими братьями и любовью всего моего существования.

Мы устроили свою жизнь здесь, в доме, который спроектировал для нас отец Вэл. Иногда я чувствую его присутствие рядом, как будто он наблюдает за всеми нами, улыбаясь тому счастью, которое мы создали вместе.

Я смотрю, как Куэйд подходит и поднимает Валентину на руки, ее смех наполняет воздух. Дети притворяются, что им противно, что мы не можем оторваться от их матери, но я знаю, что они ложатся спать, зная, что их родители любят друг друга и их всем сердцем. Я думаю, они переживут кратковременный конфуз из-за нашего разговора в будущем.

Куэйд отыграл в футбол еще один год. Я знаю, что он сделал это, потому что хотел, чтобы она была на трибунах хотя бы один сезон в его карьере. Должно быть, ей повезло, потому что в том году он выиграл Суперкубок. Все ожидали, что он продолжит играть, в конце концов, ему было всего 29, но играть в тот футбольный сезон было не для него. Речь шла о том, чтобы наконец испытать это с Валентиной. Как только он это сделал, с ним покончено.

Логан подходит и поднимает Тейлор на руки, похлопывая Эрика по плечу, когда он проходит мимо, следуя за Куэйдом и Валентиной обратно в дом. Он никогда не отлучается от нашей девочки надолго. Он уволился из своей фирмы и основал собственную инвестиционную компанию в нашем доме. Благодаря его таланту к цифрам она росла и росла, соперничая с успехом его бывшей фирмы. Хотя он работает не так, как раньше. Он

нанял людей, которым доверяет, которые следят за аккаунтами только для того, чтобы он мог проводить большую часть своего времени со своей семьей. Он счастливый ублюдок и обожает Валентину каждую секунду, которую только может.

Я продолжаю быть фотографом, но теперь путешествую редко. И если мне все-таки придется отправиться в путешествие, я стараюсь, чтобы оно было коротким, и я всегда мог взять Валентину с собой. Это наше совместное время, и я возил ее в некоторые из моих любимых мест в мире. Я совсем не скучаю по той жизни, которой жил раньше. Как только я воссоединился с ней, мне больше не нужно было искать смысл в мире, она была смыслом, который я искал.

Валентина решила не возвращаться в ординатуру, вместо этого она проводит исследования в лаборатории неподалеку, которая занимается поиском лекарств от редких видов рака. Она любит свою работу, и она любит нас. Итак, она довольно счастливая женщина, к чему мы стремимся каждый день.

Ее жизнь - это подарок.

Каждый божий день.

И я никогда этого не забуду.

Смех Валентины раздается изнутри и доносится до меня. Когда солнце начинает садиться, Эрик подходит и садится рядом со мной, прислоняясь к моему плечу, в восторге от оранжевых и золотых полос, танцующих в небе. Как и его тезка, он счастливый и любящий ребенок, который всегда видит хорошее в других. Он уже мой герой, а ему всего шесть лет.

Смех Валентины снова доносится до меня, и я живу в его звуках. Я закрываю глаза на прекрасное небо над головой, прижимая к себе своего сына и лелея этот момент. У нас есть наш дом, у нас есть наша семья, и у нас бывает мало плохих дней, если вообще бывают плохие дни, но, с другой стороны, обычные моменты, подобные этому, наполняют мое сердце любовью и надеждой. Я никогда не думал, что буду благословлен двумя этими вещами.

Это чертовски красивая жизнь.

Она сделала нашу жизнь прекрасной.

Я никогда не ожидал, что моя жизнь будет хорошей, но я никогда не перестану быть благодарным за то чудо, которым она стала, и все это началось с того, что когда-то давным-давно к нам по соседству переехала золотоглазая девочка.

И спасла меня.

Спасла нас.

Просто вдохнув в нас любовь.

И с тех пор жили они долго и счастливо…

Перевод осуществлён TG каналом themeofbooks

Переводчик_Sinelnikova

КОНЕЦ